

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Лебедева Юлия Владимировна

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИИ
(НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ИЗ РОССИИ И КИТАЯ)

Специальность 19.00.01 – «Общая психология, психология личности,
история психологии»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата
психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
профессор Глуханюк Н. С.

Екатеринбург – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЭМПАТИИ	
1.1. Теоретические подходы к исследованию эмпатии как общепсихологического феномена	
1.1.1. Личностно-центрированный подход к определению эмпатии.....	13
1.1.2. Социоцентрированный подход к определению эмпатии.....	21
1.1.3. Роль культурного фактора в проявлениях эмпатии.....	32
1.2. Культурная обусловленность содержания и направленности эмпатии	
1.2.1. Характеристика универсалий эмпатии.....	42
1.2.2. Культурно-обусловленные особенности эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии.....	50
1.2.3. Культурно-обусловленные особенности направленности эмпатии на различные социальные объекты.....	62
Выводы по первой главе.....	71
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
2.1. Характеристика выборки исследования.....	73
2.2. Организационные методы исследования.....	76
2.3. Эмпирические методы и их обоснование.....	79
2.4. Методы математико-статистической обработки полученных данных.....	88
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМПАТИИ У СТУДЕНТОВ ИЗ РОССИИ И КИТАЯ	
3.1. Исследование выраженности эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии у студентов из России и Китая	
3.1.1. Результаты исследования проявлений эмпатии на монокультурном этапе.....	90
3.1.2. Анализ результатов кросс-культурного исследования проявлений эмпатии	94
3.2. Исследование направленности эмпатии у студентов из России и Китая	
3.2.1. Исследование выраженности направленности эмпатии на различные социальные объекты.....	113
3.2.2. Обусловленность направленности эмпатии ее эмоциональными и когнитивными проявлениями.....	128
Выводы по третьей главе.....	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	143
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	145
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	165
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	166
ПРИЛОЖЕНИЕ В.....	170
ПРИЛОЖЕНИЕ Г.....	172
ПРИЛОЖЕНИЕ Д.....	175
ПРИЛОЖЕНИЕ Е.....	180
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж.....	184
ПРИЛОЖЕНИЕ И.....	187
ПРИЛОЖЕНИЕ К.....	189
ПРИЛОЖЕНИЕ Л.....	193

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В современном обществе остро стоит проблема отчуждения как на уровне межличностных отношений, так и на межнациональном и межгосударственном уровне. Вместе с этим происходит углубление межкультурной интеграции, что проявляется в интенсификации деловых, туристических контактов, а также в интернационализации образовательного процесса. В связи с этим актуальной является проблема понимания и принятия представителя другой культуры. В ее разрешении значительную роль играет эмпатия (С. В. Бочкарева, 2011). В процессе межкультурного взаимодействия могут возникнуть трудности, связанные не только с языковым барьером, но и с различиями в поведении, способах мышления и чувствования, что затрудняет понимание и принятие партнера по общению. Это приводит к необходимости исследования кросс-культурных особенностей эмпатии. Однако в современной отечественной психологии кросс-культурный аспект изучения эмпатии представлен недостаточно, тогда как в зарубежной психологии такие исследования ведутся (М. Birkett, 2014).

Кросс-культурный подход позволяет исследовать универсалии (общие, объединяющие аспекты) и культурно-обусловленные (специфические для определенной культуры) особенности эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии, а также направленность эмпатии на различные социальные объекты. Универсалии являются основой взаимопонимания представителей различных культур, тогда как культурно-обусловленные особенности необходимо знать и учитывать при общении с представителем другой культуры, что способствует повышению эффективности межкультурной коммуникации. Результаты исследования позволяют выделить в эмпатии два уровня: базовый, состоящий из универсалий, и культурно-обусловленный, включающий специфические особенности, отличающие эмпатию представителя одной культуры от эмпатии представителя другой.

Выбор России и Китая для сравнения обусловлен двумя причинами. Во-первых, происходит интенсификация сотрудничества между странами. Во-

вторых, Россия и Китай представляют собой два типа культуры, имеющие выраженные особенности: западную и восточную (В. Б. Юе, 2002). Поэтому кросс-культурное исследование представителей этих стран дало возможность выявить значительное количество культурно-обусловленных особенностей в содержании и направленности эмпатии. Это позволило расширить представление об исследуемом феномене и рассмотреть два его уровня: базовый и культурно-обусловленный.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование эмпатии в отечественной и зарубежной психологии имеет богатую традицию (Т. П. Гаврилова, 1975). Эмпатия рассматривалась как эмоция (Т. П. Гаврилова, 1981; Н. Н. Обозов, 1979; Т. И. Пашукова, 1983) и как когнитивный акт, направленный на познание и понимание другого (Э. Гуссерль, 2006; Р. Даймонд; А. Г. Ковалев, 1975; В. А. Лабунская, 2001; К. К. Платонов, 1981; W. Ickes, 1993; S. D. Preston, 2002). Понимание феномена эмпатии шло по пути от дифференцированного ее определения (как эмоции или как когниции) к интегрированному пониманию через взаимодействие эмоциональных и когнитивных проявлений, выражающихся в поведении (В. В. Бойко, 1999; В. А. Лабунская, 2001; И. М. Юсупов, 1995).

В психологической науке большое значение уделяется выражению эмпатии и поведению, которое она вызывает. В этом контексте эмпатия рассматривается как регулятор общения (А. А. Бодалев, 1996; Т. Н. Гаврилова, 1981; В. И. Долгова, 2014; Т. И. Пашукова, 1984; Л. В. Путляева, 1979), причина альтруистического поведения (Б. И. Додонов, 1974; Е. П. Ильин, 2015), а также как форма профессиональной деятельности психолога (К. Роджерс, 2001; Е. Ф. Василюк, 2007; Т. Д. Карягина, 2013). Анализируются две формы проявления эмпатии, различающиеся по степени сложности и последовательно формирующиеся в онтогенезе: сопереживание и сочувствие (А. А. Бодалев, 1990; Т. П. Гаврилова, 1974).

Исследованы особенности эмпатии у представителей социномических профессий: учителей (А. В. Козина, 2004; А. А. Цахаева, 2002), психологов

(И. В. Федоров, 2014), врачей (В. В. Бойко, 2002); исследованы гендерный (Е. П. Ильин, 2007; К. Bryant, 1982) и возрастной (Е. Р. Овчаренко, 2003) аспекты развития эмпатии.

Важным аспектом в определении эмпатии представляется направленность на конкретный социальный объект: по отношению к различным объектам личность может испытывать эмпатию разной интенсивности (О. А. Орищенко, 2009; И. М. Юсупов, 1995).

Разнообразные взгляды исследователей на содержание феномена эмпатии легли в основу психодиагностического инструментария (В. В. Бойко; А. Меграбиан; Е. В. Шерягина; И. М. Юсупов; M. Devis).

Эмпатия рассматривается как высшая психическая функция (Е. Л. Бережковская, 2006; Т. Д. Карягина, 2010). Анализируется произвольность и опосредованность высших форм эмпатии, а также роль знака в их формировании (И. Г. Колымба, 2000). Введено понятие «культура эмпатии» как особой системы правил, норм, ценностей, обеспечивающих воспроизводство помогающего поведения, заботливого отношения (Б. Х. Бгажноков, 2003).

Объект исследования – эмпатия как свойство личности, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления, направленное на определенный социальный объект и представленное на двух уровнях: базовом и культурно-обусловленном.

Предмет исследования – особенности содержательных проявлений эмпатии и ее направленности у студентов из России и Китая.

Цель исследования – выявление универсалий и культурно-обусловленных особенностей эмпатии у студентов из России и Китая.

Теоретические задачи:

1. Проанализировать общепсихологические теории эмпатии с целью выявления влияния социума на ее формирование и проявление.
2. Рассмотреть роль культурного фактора в эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлениях эмпатии.

3. Выявить культурную обусловленность направленности эмпатии на различные социальные объекты.

Эмпирические задачи:

1. Проанализировать эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления эмпатии у студентов из России и Китая с целью выявления универсалий и культурно-обусловленных особенностей.
2. Исследовать кросс-культурные особенности направленности эмпатии на различные социальные объекты.
3. Изучить взаимосвязь направленности эмпатии с ее эмоциональными и когнитивными проявлениями у студентов обеих стран.

Гипотезы исследования:

Общая *теоретическая гипотеза* исследования состояла в следующем: существуют универсалии и культурно-обусловленные особенности в содержательных проявлениях эмпатии (эмоциональных, когнитивных и поведенческих) и ее направленности на определенный социальный объект.

Теоретическая гипотеза уточнялась в ряде *исследовательских гипотез*:

1. Среди эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии у представителей России и Китая есть как универсалии, так и культурно-обусловленные особенности. Эмоциональные проявления эмпатии более выражены у студентов из России, когнитивные – у студентов из Китая.
2. Направленность эмпатии на незнакомого и малознакомого человека является культурно-обусловленной и более выражена у российских студентов.
3. Эмпатия, направленная на определенный социальный объект, связана у студентов из России и Китая с разными проявлениями (эмоциональными или когнитивными).

Методы исследования. *Теоретические:* анализ психологической литературы по проблеме исследования, сравнение, синтез, обобщение. *Эмпирические:* на монокультурном этапе были использованы методика «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко, «Методика определения уровня рефлексивности» А. В. Карпова в модификации В. В. Пономаревой и методика

«Эмпатия» А. Меграбиана, адаптированная Ю. М. Орловым и Ю. Н. Емельяновым. На кросс-культурном этапе были использованы методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко в модифицированном варианте, «Тест эмпатийного потенциала личности» И. М. Юсупова, авторское формализованное интервью с открытыми вопросами и экспертная оценка знания студентами из Китая русского языка. *Математико-статистические*: критерий Колмогорова – Смирнова, однофакторный дисперсионный анализ, U-критерий Манна – Уитни, угловое преобразование Фишера, корреляционный (критерий Спирмена) и факторный (по методу главных компонент, с последующим вращением по типу Varimax normalized) виды анализа, дисперсионный двухфакторный анализ. Обработка первичных данных производилась с помощью программного статистического пакета Statistica 6.0.

Характеристика выборки. Выборка составила в общей сложности 415 студентов, юношей и девушек. Исследование проводилось в два этапа. Монокультурный этап заключался в исследовании 311 студентов из России, обучающихся на 2–4 курсах Уральского федерального университета и Уральского государственного педагогического университета. Выборка была поделена на 3 группы в соответствии с направленностью обучения студентов: Помогающую, Коммуникативную и Техническую. На втором, кросс-культурном этапе, было проведено исследование, в котором приняли участие 104 студента Уральского федерального университета из России и Китая, по 52 респондента из каждой страны.

Научная новизна. Представлены эмпирические свидетельства того, что универсалии и культурно-обусловленные особенности существуют как в эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлениях, так и в направленности эмпатии. Выявлен перечень стратегий выражения сочувствия и эмпатических маркеров. Доказано, что эмпатия к различным социальным объектам у студентов из России и Китая имеет разную выраженность и связана с различными проявлениями. Предложен оригинальный перечень конструктов, позволяющий описывать эмпатические особенности: индивидуализированность –

стандартизированность, эмоциентрированность – действенность, генерализованность – сфокусированность, интегрированность – дифференцированность. Разработана научная идея о проявлении эмпатии на двух уровнях: базовом, содержащем эмпатические универсалии, и культурно-обусловленном, представленном специфическими особенностями, заданными культурой.

Теоретическая значимость. Показана роль культурного фактора в содержании (эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлениях) и направленности эмпатии. Доказано наличие универсалий и специфических особенностей эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии у представителей России и Китая. Результаты исследования вносят вклад в понимание взаимосвязи между эмоциональными и когнитивными проявлениями эмпатии и роли культурного фактора в формировании этих связей. Раскрыта идея необходимости изучения эмпатии в ее направленности на определенный социальный объект. Изложены особенности эмпатии студентов из Китая. Предложена идея анализа феномена эмпатии как имеющего универсалии и культурно-обусловленные особенности и представленного на двух уровнях: базовом и культурно-обусловленном.

Практическая значимость. Полученные результаты позволяют разработать программы по формированию эмпатии, способствующие повышению уровня адаптивности студентов из Китая. Сформирован список практических рекомендаций для создания более комфортной и безопасной образовательной среды для обучения студентов из Китая. Рекомендации касаются решения педагогических конфликтов, сопровождения процесса обучения сотрудниками деканата, проживания студентов в общежитии, адаптации студентов к жизни и трудоустройству в России, повышению эффективности межкультурного общения. Разработано авторское формализованное интервью с открытыми вопросами. Материалы исследования используются в обучении студентов по дисциплинам «Психология», «Педагогика», «Педагогическая психология», «Этнопсихология».

Методологические подходы и принципы исследования. В качестве общенаучного был использован культурно-исторический подход (Л. С. Выготский), позволяющий анализировать роль культурного фактора в формировании свойств личности; представления об эмпатии как высшей психической функции (Е. Л. Бережковская, И. Г. Колымба); идеи о развитии эмпатии как личностного образования (А. А. Бодалев, Т. П. Гаврилова, Н. Н. Обозов). Используются частные подходы к изучению эмпатии: эмоциональный подход (А. Меграбиан, Т. И. Пашукова), когнитивный подход (В. А. Лабунская, W. Ickes), интегративный подход (В. В. Бойко, Т. П. Гаврилова, К. Роджерс). Также методологической основой работы послужили представления об эмпатии как эмоционально-рационально-интуитивной форме постижения другого (В. В. Бойко) и эмпатии как понимании объектов социальной природы (И. М. Юсупов).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выделены два подхода к определению эмпатии: личностно- и социоцентрированный. Второй подход позволяет утверждать, что содержательные проявления эмпатии, а также ее направленность, формируются под влиянием культурного фактора.
2. Эмпатия определена как свойство личности, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления, направленное на определенный социальный объект и представленное на двух уровнях: базовом и культурно-обусловленном.
3. Выявлены универсалии и культурно-обусловленные особенности эмпатии у студентов из России и Китая. *Универсалиями* являются выраженность произвольного внимания и интуиции, некоторые эмпатические маркеры (объективная трудность ситуации и просьба о помощи) и перечень стратегий проявления эмпатии. *Культурно-обусловленными* особенностями эмпатии *российских студентов* являются более выраженная эмоциональность эмпатии, индивидуализированность и эмоциентрированность. *Культурно-обусловленными* особенностями эмпатии *выборки китайских студентов* являются

менее выраженная эмоциональность эмпатии, стандартизованность и действенность.

4. Перечень социальных объектов, на которые направлена эмпатия, является *универсальным* за исключением отдельных категорий. Выраженность эмпатии к родителям доминирует по сравнению с эмпатией ко всем остальным социальным объектам. *Культурно-обусловленной* особенностью эмпатии *российских студентов* является генерализованность: они включают в круг объектов, которые вызывают эмпатию не только близких, но и представителей аут-группы (незнакомых и малознакомых людей). Эмпатия *китайских студентов*, являясь сфокусированной, преимущественно направлена на представителей ин-группы.

5. Эмпатия по отношению к незнакомому человеку связана у российских студентов с эмоциональными проявлениями, а у студентов из Китая – с когнитивными. Связь между эмоциональными и когнитивными проявлениями эмпатии является культурно-обусловленной: у российских студентов эти проявления тесно связаны между собой, что делает их эмпатию интегрированной, тогда как у студентов из Китая эти проявления не связаны друг с другом и обеспечивают направленность на различные социальные объекты, то есть эмпатия дифференцирована.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась методологической обоснованностью и адекватностью используемых организационных и эмпирических методов цели и задачам исследования, репрезентативностью выборки и применением методов математической статистики с использованием современного программного обеспечения.

Соответствие паспорту научной специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют пунктам специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии»: 10. Ощущение и восприятие. Формирование перцептивных образов. Восприятие пространства, времени и движения. Мотивационная и смысловая регуляция восприятия. Образ мира: его структура и особенности. 13. Психологические проблемы общения и коммуникации. Психолингвистика. 15. Эмоциональные процессы и состояния.

Эмоциональная регуляция познавательных процессов и деятельности. Экспрессия человека. Семантика выражения эмоций. Телесные корреляты эмоций. Передача эмоциональных состояний. Диагностика эмоциональных состояний. Диагностика аффекта. Эмоциональная напряженность, фрустрация, стресс. Реакция на фрустрацию. Психология чувств. Психология переживания. 17. Мотивация, ее механизмы, формирование и функционирование. Потребности, мотивы, личностные ценности и ценностные ориентации, интересы, стремления. Нравственные ориентации. Классификация и диагностика потребностей и мотивов. Влияние мотивации на деятельность и познавательные процессы. Смыслообразование. Мотивация достижения. Мотивация служения. Направленность и ее системообразующая роль.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были представлены на пяти международных конференциях: «XX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2013); «XXI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2014); «XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современных условиях: методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 2014); «Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Психология и психологическая практика в современном мире» (Екатеринбург, 2015); «V Международная научная конференция «Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии» (Смоленск, 2016). Всероссийской конференции: VII Всероссийская научно-практическая конференция «Дружининские чтения» (Сочи, 2008).

Материалы исследования используются в обучении студентов по дисциплинам «Психология», «Педагогика», «Педагогическая психология», «Психология развития и возрастная психология», «Психология эмпатии», «Гендерная психология», «Этнопсихология».

По теме диссертации опубликованы 14 работ, в том числе 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 192 наименования, из них 25 на иностранном языке, 10 приложений. Текст диссертации включает 11 таблиц и 2 рисунка. Объем основной части диссертации составляет 164 страницы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЭМПАТИИ

1.1. Теоретические подходы к исследованию эмпатии как общепсихологического феномена

1.1.1. Личностно-центрированный подход к определению эмпатии

Прежде чем обратиться к анализу роли культурного фактора в содержании и направленности эмпатии, необходимо решить первую задачу исследования – проанализировать общепсихологические теории эмпатии с целью выявления влияния социума на ее формирование и проявление.

История изучения феномена эмпатии берет начало с конца XIX – начала XX века в таких философских дисциплинах, как этика и эстетика. Сначала для обозначения обсуждаемого феномена авторы использовали термин «симпатия». Впервые термин «эмпатия» предложил В. Дильтей, однако утвердился в психологии он благодаря Э. Титченеру в начале XX века и получил распространение лишь в 50-х годах прошлого столетия [30, с. 147]. За последние сто лет было дано множество определений феномена «эмпатия» и описаны различные механизмы, обеспечивающие его функционирование.

Общепринятым фактом в современной психологии является то, что эмпатия – сложный психологический феномен, который не может быть описан как единое неделимое явление. Поэтому в структуре эмпатии выделяют различные компоненты (от лат. *componere* – составлять) [143, с. 217], которые могут быть ведущими в зависимости от ситуации, способностей эмпата и так далее. Эмпатом мы будем называть личность, находящуюся в процессе эмпатии. Авторы единодушно выделяют эмоциональный и когнитивный (рациональный) компоненты. По поводу значимости каждого из них до сих пор нет единого мнения: С. D. Watson считает, что ведущим является эмоциональный компонент, но когнитивные процессы могут «перенаправлять», изменять его [168],

К. Роджерс и другие выделяют когнитивный компонент, например рефлексии, как одну из важнейших составляющих эмпатии. Третий компонент в теориях различен: например, интуитивная эмпатия (В. В. Бойко, 1999), моторный компонент (Л. Н. Джрназян, 1980; Н. И. Сарджвеладзе, 1978), поведенческая эмпатия (А. П. Сопиков, 1975), коммуникативный, или процессуальный компонент (Н. А. Щербакова, 2006). Несмотря на разницу в названиях, большинство авторов склоняются к тому, что эмоциональные и когнитивные проявления должны быть выражены в поведении эмпата.

Мы также в данной работе понимаем эмпатию как свойство личности, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления. Эмоциональными проявлениями являются эмоциональное резонирование с переживаниями другого и формирование собственного эмоционального отклика, когнитивными – точное понимание внутреннего мира другого, поведенческие представлены в виде выбора определенной стратегии взаимодействия с другим. Данное представление соответствует интегративному подходу к определению эмпатии [75, с. 169]. Также оно обнаруживает два важных аспекта, которые необходимо осветить при анализе феномена эмпатии: изменение внутреннего мира эмпата в процессе взаимодействия с переживающим другим и точность реконструкции переживаний другого и понимания его внутреннего мира эмпатом. Только включающий в себя оба эти аспекта феномен является полноценной эмпатией.

Для того чтобы проанализировать эти аспекты, мы разделили теории к определению эмпатии на две группы. Первую составили теории, центром изучения которых является сама эмпатирующая личность и те изменения, которые происходят с ней при взаимодействии с другим, поэтому эта группа была названа личностно-центрированным подходом. Вторая группа теорий сфокусирована на переживающем другом и релевантности эмоций, когниций и поведения эмпата внутреннему миру партнера по общению (социоцентрированный подход). Проанализируем эти подходы и рассмотрим степень влияния социума на механизмы, описанные в каждом из них. Механизм

мы рассматриваем как «систему движений или событий» [143, с. 226-227], посредством которой возможно объяснить сложный психологический феномен, понять, как этот феномен функционирует.

Авторы первого подхода пытались обнаружить и объяснить эмоциональные и когнитивные механизмы, с помощью которых переживания другого оказывают влияние на личность эмпата (В. К. Вилюнас, 1976; Н. Н. Обозов, 1979; П. Фресс, 1975; E. Stotland, 1969).

К **эмоциональным механизмам** эмпатии этого подхода мы отнесли эмоциональное заражение, идентификацию и вчувствование.

Заражение рассматривали как наиболее простой, примитивный и, соответственно, наиболее рано появляющийся в онтогенезе механизм (А. Валлон, М. Спенсер). Это «тенденция к автоматическому подражанию и синхронизации выражений лиц, голосовых реакций, телесных поз и движений с выражениями лица, голосовыми реакциями, позами и движениями другого человека, приводящая к сближению с ним в эмоциональном отношении» [148, с. 1021]. Значимость внешних проявлений другого при эмоциональном заражении его чувствами также подчеркивал М. М. Бахтин: «Внешняя выраженность – тот путь, с помощью которого я проникаю внутрь и почти сливаюсь с ним изнутри» [4, с. 52]. При запуске механизма эмоционального заражения личность начинает испытывать эмоции, которые испытывает и выражает другой. То есть переживание другого является матрицей для чувств переживающего [22].

Этот процесс описывали как «схватывание» эмоций переживающего [179, с. 5], «полноту внутреннего слияния», чтобы «совпасть с ним» [4, с. 52]. Таким образом, происходят изменения в сфере эмоций и чувств эмпата, но он не всегда в состоянии отследить причины этих изменений, а может думать, что источником этого состояния выступает он сам. Заражение является главным механизмом эмпатии в ситуации, когда другие механизмы не развиты, например, у маленьких детей [154].

Существуют препятствия эмоциональному заражению. Прежде всего это врожденные видотипические схемы выражения определенных переживаний и

индивидуальные экспрессивные особенности. Так как мимика является важнейшим источником информации об эмоциональном состоянии другого [49, с. 76-77], эти различия могут мешать возникновению одинаковых чувств, особенно в процессе кросс-культурной коммуникации. Вторым препятствием является возможность переживающего контролировать выражение чувств, скрывая актуальные переживания и пытаясь создать определенное впечатление о себе [34, 118].

Заражение – важный механизм эмпатического процесса, позволяющий создавать эмоциональный резонанс и дающий возможность эмпату воспринять эмоции другого. Однако эмоциональное заражение не включает в себя понимание эмоций партнера по общению.

Н. Н. Обозов главным механизмом эмпатии считал неосознанную *идентификацию*, результатом которой выступают жалость и печаль (при неблагополучии другого), возникающие при непосредственном переживании другого [98]. В. П. Морозов, А. Г. Васильева и Хр. Живкова подчеркивают, что посредством идентификации возникает понимание состояния другого [75, с. 167]. Однако такое понимание подразумевает осознание того, что понятые смыслы принадлежат другому человеку. Но идентификация как отождествление себя с другим [2, 68] не соответствует этому критерию. Понимание состояния, появившегося в результате идентификации с другим, происходит, но это состояние воспринимается как свое собственное, а не «пришедшее» извне, при идентификации личность видит «в себе другого» [18, с. 73]. Таким образом, идентификация, в отличие от эмоционального заражения, дает возможность понимания своего собственного состояния, но также не определяет другого как его источник.

Третьим эмоциональным механизмом, объясняющим возможность соприкоснуться с эмоциями другого и в результате изменить собственное эмоциональное состояние, является *вчувствование*. Собственно, изначально эмпатию описывали именно через этот термин, например Э. Титченер [153, с. 37]. Вчувствование представляет собой чувственный уровень познания (его основные

формы: ощущение, восприятие и представление), которое «является результатом непосредственного взаимодействия субъекта и объекта, что обуславливает конкретность, индивидуальность и ситуативность получаемого здесь знания» [96, с. 766]. Эмпатия как вчувствование – восприятие эмоций другого человека в результате непосредственного соприкосновения с эмоциями другого, создание представления о том, что чувствует другой. По мнению М. М. Бахтина, вчувствоваться в другого человека – это значит «ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стоять на его месте, как бы совпасть с ним» [4, с. 51-52]. Э. Гуссерль назвал вчувствование «трансцендентальной теорией опыта “другого”» [36, с. 187]. При создании представления познавательные процессы – восприятие, мышление, воображение – имеют большее значение, чем в описанных выше механизмах, однако не настолько сильное, чтобы рассматривать этот механизм как когнитивный. Таким образом, вчувствование, в отличие от механизмов, описанных выше, позволяет осознать, что источником эмоционального состояния эмпата является переживающий другой.

Вчувствование часто рассматривали как механизм, дающий возможность воспринимать искусство [3, 153]. Если при работе механизмов эмоционального заражения и неосознанной идентификации личность не осознает то, что находится под влиянием чувств другого, то в процессе вчувствования это происходит. З. Фрейд отмечал значимость произвольности в процессе вчувствования: он утверждал, что этот процесс либо должен осознаваться эмпатом, либо осуществляться намеренно, как, например, при работе психоаналитика с клиентом. По мнению З. Фрейда, эмпатирующий специально подражает невербалике другого, входит в то же самое эмоциональное состояние (качественно эти состояния должны быть одинаковыми, но по степени могут различаться) и приписывает это состояние другому [30, с. 148]. В процессе вчувствования сначала происходит сознательная целенаправленная идентификация с эмоциями переживающего, а затем «последующее репродуцирование эмоций в себе» [162, с. 12]. Вместе с чувствами другого, к которым подключается эмпат, он продуцирует собственный эмоциональный

отклик. Эмоциональный отклик эмпата в ответ на переживания другого является важной составляющей эмпатии [192]. С. D. Watson с соавторами объясняли его появление эмоциональным дистрессом, при котором личность испытывает тревогу и беспокойство при наблюдении за переживающим другим [168]. Однако вчувствование только подготавливает акт понимания [160], необходимый для развертывания полноценного эмпатического процесса. Поэтому этот механизм рассматривается в русле личностно-центрированного подхода к эмпатии.

Итак, все три рассмотренных выше механизма объясняют изменения в эмоциональной сфере эмпата при взаимодействии с переживающим другим. В основе этих механизмов лежит, с одной стороны, бессознательное стремление личности согласовать свои активные или эмоциональные состояния с состояниями других (Т. Рибо), а с другой – подражание. В психологической литературе называют это «двигательной мимикрией» [179, с. 4] или имитацией [184]. Эмоциональное заражение и неосознанная идентификация представляют собой примитивные механизмы, не поддающиеся сознательному контролю личности. В результате их активации внутренний мир эмпата претерпевает изменения, но он не осознает их причину. Вчувствование является произвольным механизмом, предполагающим целенаправленное вовлечение личности в эмпатический процесс и последующую работу когнитивных механизмов.

Когнитивными механизмами, которые можно отнести к личностно-центрированному подходу, являются постановка себя на место другого и сопереживание.

«Поставить себя на место другого», «принять роль другого» [179, с. 7] означает частичную потерю отстраненности и взгляда со стороны. А. Smith считал, что для того чтобы этот механизм имел возможность функционировать, необходима работа воображения [там же], дающая возможность личности погрузиться в ситуацию и испытать реальные чувства, которые сделают переживающего эту ситуацию другого эмоционально ближе, и смогут вызвать ответные чувства по отношению к нему. Этот механизм позволяет личности посмотреть на ситуацию не только со своей точки зрения, но и с точки зрения

партнера по общению, что повышает эффективность межличностных отношений [178]. Однако личность может, например, представить себя в трудной ситуации и испытать чувство жалости к самой себе. Но это не означает, что эти чувства будут перенесены на другого, реально находящегося в этой ситуации. К тому же здесь речь не идет о точности восприятия эмоций другого. Каждая личность уникальна, и эмоции, которые один человек будет испытывать в определенной ситуации, не обязательно совпадут с эмоциями другого человека в тех же обстоятельствах. Поэтому данный механизм не позволяет понять и прочувствовать переживания самого партнера по общению, однако объясняет изменения, происходящие во внутреннем мире эмпата при взаимодействии с переживающим другим. Кроме того, постановка себя на место другого может быть формальной или производиться с целью поиска выхода из затруднительного положения («Что бы я сделал в этой ситуации?»). Это может стать препятствием для прочувствования переживаний другого вплоть до отсутствия эмоционального отклика или способствовать формированию негативной реакции на его переживания («Я не вел бы себя так и переживал бы другие чувства»).

Следующим когнитивным механизмом, позволяющим объяснить влияние переживаний другого на изменения, которые происходят при этом в личности эмпата, является *сопереживание*, впервые выделенное С. Ашем [30, с. 149]. Сопереживание отличается от предыдущего механизма тем, что происходит разделение эмоций переживающего и обязательное формирование эмоционального отклика самого эмпата. Таким образом, сопереживание включает как когнитивные, так и эмоциональные проявления. Сопереживание так же, как и механизм постановки себя на место другого, сфокусирован на собственном «Я» личности. «Воспринимаемое состояние партнера вызывает напряжение и фрустрацию собственных межличностных потребностей субъекта, и он оказывается эмоционально уязвим» [75, с. 174]. Т. П. Гаврилова отмечает, что в основе сопереживания лежит потребность в благополучии собственной личности: «индивид переживает или то, что могло бы случиться с ним в будущем, или то, что произошло с ним в прошлом» [28, с. 125]. Это может происходить под

воздействием непережитого травматического опыта, который не дает возможности личности отстраниться от реконструированных чувств другого и отрефлексировать его переживания с позиции «как будто». Поэтому сопереживание будет вызывать скорее эгоистическое поведение в отношении переживающего, например реакцию избегания, так как переживание отрицательных эмоций тягостно для личности [30, с. 149], стремящейся снизить уровень дистресса и восстановить собственное психологическое благополучие. Сопереживание позволяет не только прочувствовать, но и понять ситуацию. Однако это понимание является внутриличностным, не направленным на понимание другого и тех смыслов, которые он сам вкладывает в свои переживания.

Таким образом, первый описанный нами когнитивный механизм не всегда сопровождается эмоциональным откликом, а второй предполагает эмоциональный отклик в отношении собственной личности. В любом случае, оба этих механизма (постановка себя на место другого и сопереживание) влияют на личность эмпата, вызывая изменения в его эмоциональной и когнитивной сферах. Это оказывает влияние на **поведение** личности по отношению к переживающему другому [41, с. 38], то есть эмпатия обладает мотивирующей функцией [104]. Однако вышеописанные механизмы сфокусированы на самой эмпатической личности и сами по себе не способствуют формированию тесного взаимодействия с другим на основе глубокого проникновения в его внутренний мир. Поэтому поведение, которое возникает в результате их функционирования, представляет собой либо стандартные, стереотипные способы реагирования, либо поведение, вызванное эгоистической мотивацией (например, желанием получить награду, повысить самооценку, справиться с дистрессом). Эмпат не учитывает потребности другого при выборе стратегии поведения, поэтому может причинить переживающему еще больший дискомфорт.

Итак, существуют как эмоциональные, так и когнитивные механизмы, которые обеспечивают изменения во внутреннем мире личности при соприкосновении с переживающим другим. Однако в личностно-центрированном

подходе описываются механизмы, которые не направлены на другого, в них не рассматривается точность и глубина понимания его переживаний, тогда как эмпатия предполагает формирование эмоционального отклика именно в ответ на переживания партнера по общению. Они произвольны, непосредственны и направлены на собственную личность. Эти механизмы появляются в онтогенезе раньше механизмов, описанных в следующем подходе.

1.1.2. Социоцентрированный подход к определению эмпатии

Авторы второго подхода сконцентрировались на поиске механизмов, центром которых является переживающий другой (А. А. Бодалев, С. В. Бочкарева, Т. П. Гаврилова, Т. Д. Карягина, В. А. Лабунская, К. Роджерс, И. М. Юсупов, M. L. Hoffman, W. Ickes и другие). Эти механизмы позволяют личности понять другого, воспринять ситуацию с его точки зрения, реконструировать его внутренний мир. Этот процесс предполагает обязательное участие **КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ**.

Первым из них является *когнитивный анализ* внутреннего состояния партнера по общению. S. D. Preston и F. M. B. de Waal рассматривают его как основной механизм эмпатии [187]. Зная обстоятельства, в которые попал другой, зная его личностные особенности, имея опыт собственных переживаний в подобной ситуации и какие-либо знания о причинах поведения и эмоциональных реакциях людей, можно делать выводы о тех чувствах, которые испытывает переживающий. В. А. Лабунская делает акцент на анализе невербалики другого [74] и определяет эмпатию как «способность индивида к адекватной интерпретации выразительного поведения другого» [75, с. 168]. А. Г. Ковалев рассматривает эмпатию как скорее интуитивное познание другого на основе анализа микромимики [62, с. 33]. В данном случае происходит не только отражение его внутреннего состояния, но и поиск смыслов, которые вкладывает другой в свои переживания. Эмпат может делать выводы из выразительного поведения партнера по общению двумя способами. Бессознательно, основываясь

на стандартах и стереотипах, нормах и правилах поведения в обществе, на собственном опыте взаимодействия с другими; и осознанно, произвольно, ставя перед собой задачу понять, что чувствует другой. Однако интерпретация может проводиться лишь на основании сознательного анализа. При этом эмпату не обязательно реконструировать рисунок переживаний другого в собственном внутреннем мире, вчувствоваться в его переживания, продуцировать эмоциональный отклик на них. Разумеется, в данном случае невозможно говорить о полноценном развертывании процесса эмпатии, так как не формируется эмоциональный отклик эмпата. Однако этот механизм направлен на другого и его переживания.

Следующими механизмами, позволяющими соприкоснуться с внутренним миром партнера по общению, являются «познание» и «понимание», которые можно рассматривать как два способа постижения другого. Категория *познания* подразумевает конструирование образа его внутреннего мира, его логическое постижение, *понимание* же является социальным инсайтом, схватыванием сути внутреннего мира другого на основе сопереживания, идентификации [126, с. 520].

М. Шелер, например, рассматривает эмпатию как интенциональный акт, направленный на познание личности как высшей ценности [30, с. 148]. J. Deigh называет глубокое понимание личности другого «зрелым сочувствием» [172]. Эмпатия как познание позволяет раскрыть (сформировать) новые конструкты о себе и других, выступая не только важным способом взаимодействия с другим [46, 99, 106, 127], но и методом самопознания и саморазвития личности [107, 140, 183]. Необходимым является воображаемое перенесение, проецирование себя в ситуацию другого (Р. Даймонд, Т. Липпс, Э. Титченер), но при этом важно «структурирование мира по его образцу» [30, с. 150]. В данном случае речь идет о восприятии другого, способности распознавать его мысли и чувства, что позволяет предсказывать его реакции в определенных ситуациях [12]. Эмпат пытается представить, как бы он чувствовал себя на месте другого, будучи этим другим – человеком того же возраста, пола, социального статуса, с его личностными особенностями и жизненным опытом. Другой воспринимается при

этом как «модификация моей самости» [36, с. 224], настолько тесно соприкасается «Я» эмпата с «Я» переживающего другого. По мнению Э. Гуссерля, эмпат представляет себя на месте другого, однако это означает «как если бы я изначально был другим», развивался в его условиях, прожил его жизнь, здесь речь идет об опосредованности восприятия другого, о «своего рода приведение-в-со-присутствие, о некой аппрезентации» [36, с. 60]. По мнению L. Wispe, можно не представлять себя другим, а представлять, как себя чувствует другой, опираясь на знания его характера, ценностей и желаний [179, с. 7]. При этом важно, чтобы личность осознавала, что происходит работа воображения и эта ситуация и эти чувства принадлежат другому.

Проблема сохранения собственных границ эмпатирующим стала одной из наиболее значимых проблем в психологии эмпатии: «как быть другим, не переставая быть собой» [115, с. 103], «где заканчивается эмпатия и начинается идентичность» [142, с. 188]. К. Роджерс так описывал процесс эмпатии: «как будто становишься этим другим, но без потери ощущения "как будто" <...> обязательно должен оставаться оттенок "как будто": как будто это я радуюсь или огорчаюсь» [121, с. 428]. Сохранение границ рассматривается авторами как отсутствие отождествления [22], сохранение психологической дистанции [102, с. 69], «эмоциональная социальная децентрация» [29, с. 50-51], «осознанно-подсознательная децентрация» [162, с. 23], «отнесение пережитого к Другому» [4, с. 53]. Особое значение сохранение границ в процессе эмпатии приобретает в работе психолога. По мнению Т. Д. Карягиной, «это требует определенной психологической зрелости самого терапевта, защищает от излишнего погружения в состояние клиента, от идентификации с ним» [56, с. 40]. На это способны только люди, «чувствующие себя достаточно безопасно в определенном смысле: они знают, что не потеряют себя в порой странном или причудливом мире другого и что смогут успешно вернуться в свой мир, когда захотят» [121, с. 430]. По данным Н. В. Буравцовой у лиц с суверенными личностными границами достоверно выше развиты направленность познавательных процессов на другого, установки,

способствующие эмпатии, способность создавать атмосферу доверительности и умение понять другого на основе постановки себя на его место [15].

Помогает реконструировать внутренний мир другого наличие «общего познавательного пространства» [1, с. 54], в котором живут эмпат и переживающий. Культурный фактор значительно влияет на познавательное пространство личности, сближая представления о мире членов одной культурной общности. Недостаток рефлексии, наличие проекций, отсутствие подстройки к каким-либо переживаниям искажает первоначальный образ переживаний другого, в который вчувствуется эмпат. Познание и принятие конструкторов другого расширяет репертуар конструкторов эмпата позволяет ему развиваться как личности и быть более эффективным в межличностном общении [146, 183].

В отличие от познания как реконструкции чувств переживающего, *понимание* является «идиографическим методом познания, <...> противопоставленного номотетическому методу <...> эвристической познавательной процедурой» [96, с. 767], дающей возможность приращения знания о другом, постижения смыслов, скрытых для самого переживающего. Примером такого подхода является определение эмпатии, данное У. Бронфенбреннером: «социальный инсайт, понимание отличия людей друг от друга» [цит. по 30, с. 150].

Любой опыт является субъективным, наряду с восприятием объективных обстоятельств он включает эмоциональную оценку и интерпретацию. Задача эмпата, по К. Роджерсу, заключается в том, чтобы понять те оценки и смыслы, которые вкладывает в свой опыт другой [120]. Но при конструировании образа другого смыслы создаются эмпатом, поэтому важен вопрос о точности эмпатии, адекватности восприятия другого [128]. W. Ickes понимает под эмпатийной точностью «ту степень, с которой один партнер способен точно определить конкретное содержание мыслей и чувств другого партнера» [180, с. 731].

При анализе феномена эмпатического понимания интересны два момента: интуитивный путь схватывания смыслов и связь возможности понимания другого

с разнообразием смыслов самого эмпата. Остановимся на каждом из этих моментов более подробно.

В философии В. Дильтея понимание рассматривается как «преодоление культурной и временной дистанции <...>, непосредственное постижение некоторой душевно-духовно целостности, то есть как интуитивное проникновение одной жизни в другую» [96, с. 767-768]. Интуиция предполагает неосознанный переход «тех или иных элементов из области бессознательного психического в область сознания» [96, с. 767]. Можно предположить, что автоматически эмпат «считывает» эмоции другого и бессознательно уже «знает», что он испытывает. Когда посредством интуиции чувства другого осознаются (переводятся с бессознательного «языка» на язык слов), у эмпата возникает ощущение, что он вдруг понимает, что испытывает другой. На самом деле это «вдруг» – результат работы интуиции. Возможно, с помощью расширения опыта эмпатического взаимодействия (например, в тренинге) и развитием установок на другого можно развить «эмпатийную» интуицию.

«Результат понимания – смысл – субъективно уникален для субъекта, но произволен, ибо понимание определяется в конечном счете социокультурными условиями, независимыми от индивида» [126, с. 520]. Эмпат понимает состояние другого в той системе смыслов, которая сформировалась в онтогенезе под влиянием социокультурных и индивидуальных факторов. Многообразие смыслов представляется необходимым условием развертывания процесса понимания и принятия другого, что впоследствии позволяет эмпату постигать новые смыслы. Этот процесс является важным методом саморазвития личности. Шаблонность мышления, зашоренность восприятия приводит либо к невозможности понимания, либо к ограничениям в понимании другого: кто-то не готов понимать определенные состояния, или понимать другого совсем (это может быть ситуативной или постоянной характеристикой личности, его личностной особенностью). Следовательно, условием развертывания процесса понимания является «разблокировка процессов мышления в коммуникативно-деятельностных и рефлексивных практиках» [96, с. 769], например описанных в

психоанализе, гуманистической психологии и других психологических направлениях. Примерами такой работы могут быть развитие установки на эмпатическое понимание и работа с психологическими проблемами личности как осознанными, так и нет. Процесс понимания становится более трудным в ситуации межкультурного общения, так как личность понимает внутренний мир другого и свой собственный в системе координат, заданной культурой.

Еще одним механизмом, позволяющим проникнуть во внутренний мир партнера по общению, является *сочувствие*. В основе этого механизма, в отличие от сопереживания, лежит потребность в благополучии другого, не связанная с собственным благополучием эмпата [31, с. 108] [84]. С. Аш считает, что переживания эмпата при сочувствии не идентичны переживаниям другого, а релевантны им [30, с. 149]. К ним добавляется собственный эмоциональный отклик эмпата в ответ на отрефлексированные чувства переживающего другого.

А. А. Бодалев выделяет два отличительных признака сочувствия. Во-первых, оно опосредуется раздумьями по поводу состояния другого человека, то есть сочувствие более интегративно, чем сопереживание – в нем тесно сплетены эмоциональные и когнитивные аспекты эмпатии. Например, по данным М. А. Москачевой лица с высоким уровнем алекситимии способны испытывать эмоциональное заражение по отношению к другому, но это не приводит их к проявлению сочувствия [90]. Это говорит о том, что для формирования сочувствия необходима работа когнитивных механизмов. Во-вторых, сочувствие больше связано с желанием оказать реальную помощь, в его основе лежат альтруистические мотивы. «Сочувствуя человеку, личность осознаёт не только знак и модальность, но и содержание своего переживания, и свое отношение к объекту эмпатии, также и способ выхода из ситуации, которую она наблюдает» [7, с. 205]. По сравнению с сопереживанием, описанным выше, сочувствие более осознано и обобщено, сильнее связано с мотивацией, «за которой стоят усвоенные личностью нормы гуманистической по своей сути морали» [там же].

Таким образом, сочувствие является наиболее сложным механизмом эмпатии, высшей ее формой. Оно формируется в онтогенезе позднее, чем,

например, сопереживание [28, с. 127]. Сочувствие осознано, произвольно, теснее связано с желанием оказать помощь другому.

В результате сочувствия происходит принятие переживающего другого. Категория принятия детально разработана в гуманистической психологии [13]. К. Роджерс под принятием понимал теплое расположение к другому «как к человеку, имеющему безусловную ценность, независимую от его состояния, поведения или чувств <...> Это значит, что вы принимаете и уважаете весь спектр его отношений в данный момент независимо от того, положительные они или отрицательные, противоречат его прежним отношениям или нет» [120, с. 62]. Дж. Мид понимал под эмпатией «способность принять роль другого человека» [цит. по 33, с. 61]. Т. П. Гаврилова утверждала, что «в процессе эмпатического переживания происходит соотнесение с системой ценностей и потребностей индивида содержания переживаний объекта эмпатии и свойств самого объекта, что определяет направленность, уровень, а иногда и модальность эмпатии» [32, с. 18]. Однако эта идея противоречит постулату К. Роджерса о безоценочности эмпатии, которая, на наш взгляд, является важной ее характеристикой. Оценка переживаний и соотнесение со своей системой ценностей может следовать уже после того, как эмпат отрефлексирует эмоции переживающего, появившиеся у него в результате эмоционального заражения, когда происходит оценка ситуации и выбор способа действия. Оценка представляет собой отличный от эмпатии процесс и может идти как после нее, так и приводить к эмпатии. Но он не является обязательной частью эмпатического процесса. Психолог является лишь «сопереживающим зеркалом» [20, с. 31], он улавливает состояние клиента, называет и интенсифицирует его проживание. Речь идет о полном принятии другого, переживании его чувств и эмоций независимо от того, соответствуют ли они и поведение человека социальным нормативам и стандартам. «Принятие не стоит многого до тех пор, пока в него не входит понимание. Только тогда, когда я понимаю чувства и мысли, которые кажутся вам такими ужасными, такими глупыми, такими сентиментальными или эксцентричными, только когда я понимаю их так, как вы, и принимаю их так же,

как вы, – только тогда вы действительно чувствуете в себе свободу исследовать все глубоко скрытые расщелины и укромные уголки вашего внутреннего опыта» [120, с. 76].

Механизмы, описанные авторами социоцентрированного подхода, являются более сложными, чем первые, касающиеся только изменений во внутреннем мире эмпата. От эмпата требуется проникновение во внутренний мир другого различными путями, точное понимание смыслов партнера по общению, сохранение собственных границ и сознательный контроль над ситуацией.

Поведение эмпата в контексте рассматриваемого подхода сосредоточено на благополучии переживающего другого [53, с. 365-370]. Потребность в благополучии другого является обычно устойчивым мотивом поведения индивида. Наличие такой мотивации Б. И. Додонов назвал альтруистической эмоциональной направленностью, проявляющейся в зависимости эмоционального состояния личности от благополучия партнера по общению: положительных или отрицательных эмоций в зависимости от того, удовлетворена ли потребность во благе других людей [40]. О тесной связи эмпатии и альтруистического поведения также писали Т. П. Гаврилова, 1975; Е. П. Ильин, 2013; Е. Е. Насиновская, 2002; В. А. Субботский, 1977; J. Näkansson, 2002, и другие. Однако эмпатия не всегда проявляется в активном поведении. Эмпат может принять решение о том, что лучшим проявлением эмоционального отклика будет бездействие, чтобы не тревожить другого, не заострять внимание на его переживаниях, дать ему возможность побыть наедине со своими чувствами, если другому это необходимо. А. В. Запорожец и Я. З. Неверович считают, что вероятное альтруистическое поведение «не входит» в состав эмпатии и может возникнуть или не возникнуть уже за пределами эмпатического процесса [43, с. 64]. То есть уже после того, как у эмпатирующего произошло осознание эмоций переживающего, включаются факторы, которые запускают или тормозят помогающее поведение. М. М. Бахтин рассматривал в качестве эстетических поступков помощь, утешение и познавательное размышление [4, с. 52]. Таким образом, мы можем говорить о тенденции либо к активному помогающему поведению, либо к «пассивной

эмпатии». В зависимости от того, в чем нуждается переживающий, какими ресурсами и целями обладает эмпат, возможен выбор различных стратегий выражения сочувствия.

Эмпатия помогает человеку регулировать отношения с другими людьми, что особенно важно для совместной деятельности и общения (А. А. Бодалев, 1996; В. М. Варганян, 2007; Т. П. Гаврилова, 1981; Т. И. Пашукова, 1983; Л. В. Путляева, 1979; М. Courpie, 2009). Принимая в расчет чувства другого, эмпат меняет свое поведение по отношению к нему, что облегчает процесс психологического взаимодействия, «позволяет построить связь с безусловным состоянием души любого другого человека» [80, с. 32].

К. Роджерс, рассматривая эмпатию в контексте работы психотерапевта, особое внимание обращал на то, что эмпатический отклик должен быть выражен доступно для переживающего [120], поскольку только воспринятая клиентом эмпатия психолога становится фактором его, клиента, изменения. «Иногда даже намерение понять может ”вылечить”» [33, с. 62].

Однако выражение эмпатии не всегда является эффективным и уместным:

- Переживающий может не видеть и не слышать даже предельно явно выраженной эмпатии (например, психологом), так как вследствие хрупкости собственного Я эмпатический отклик на собственные переживания трудно вынести [165].
- Наиболее эффективной может быть наименее выраженная в поведении эмпатия, которую и демонстрируют, например, выдающиеся психологи. Причину этого авторы видят в том, что «эмпатируемый воспринимает ”акт” эмпатии не столько посредством его обнаружения в вербальном и невербальном поведении эмпатирующего, сколько посредством восприятия (как правило, на неосознаваемом уровне) иных, более тонких составляющих общего семантического поля коммуникации» [102, с. 71].
- Повышенное внимание к выражению эмпатического переживания (например, при подготовке психологов) может привести к «выхолащиванию собственно эмоционального, первичного момента эмпатии, провоцируя при этом

ощущения внутренней опустошенности и инконгруэнтности терапевта, и в конечном итоге к утрате им самой возможности эмпатического слышания» [102, с. 71].

В работе психолога выражение эмпатического отклика является профессиональным навыком, значит, автоматизированным действием, регулярно повторяющимся в работе с клиентом. В теории и практике психотерапии известно огромное количество техник выражения переживаний и чувств (К. Роджерс, 1994; Ф. Е. Василюк, 2007; К. В. Ягнюк, 2000). Однако, концентрировать обучение исключительно на выражении эмпатического отклика неэффективно, так как необходимо прежде всего работать над развитием эмоционального и когнитивного компонентов эмпатии психотерапевта.

Таким образом, выражение эмпатии, которое не воспринимает переживающий, не обесценивает эмоциональный отклик и понимание эмпатом эмоций другого. Поэтому А. Б. Орлов и М. А. Хазанова выступают за то, чтобы поведенческий компонент был вынесен за скобки эмпатического процесса и не рассматривался в качестве составной части феномена эмпатии [102]. Однако мы не согласны с этим, так как эмпатия оказывает влияние на поведение, и эмоциональный отклик должен выражаться подходящим для каждой конкретной ситуации способом (в виде помогающего поведения, вербального или невербального выражения сочувствия, молчаливого присутствия, предоставления другому возможности побыть в одиночестве и так далее). Если эмпатия никак не влияет на поведение личности, то смысл ее теряется. Мы считаем, что выбор стратегии проявления эмпатии должен основываться прежде всего на потребностях переживающего другого, даже если он не осознаёт их, а не на стандартных, стереотипных реакциях или потребностях самого эмпата. Только в этом случае будет возможность говорить о развернутом, полноценном, глубоком эмпатическом процессе.

Механизмы, обеспечивающие возможность точного, глубокого понимания партнера по общению, формируются в процессе социализации позднее

механизмов, описанных в личностно-центрированном подходе. Они произвольны, опосредованы, требуют более высокого уровня зрелости личности.

Таким образом, эмпатию можно рассматривать как сложный общепсихологический феномен, имеющий триединую структуру. **Эмоциональный компонент** представлен механизмами эмоционального заражения, неосознанной идентификации и вчувствования, которые позволяют войти в эмоциональный резонанс с переживающим и прочувствовать его эмоциональное состояние. Помимо реконструкции чужих переживаний, эмпатия включает отделение своих переживаний от переживаний другого и формирование собственного эмоционального отклика эмпатирующего на эти переживания (причем это должен быть отклик позитивный, симпатия к переживающему).

В рамках **когнитивного компонента** эмпатии происходит познание и понимание другого. В зависимости от фокуса восприятия эмоций переживающего эмпат или сопереживает другому, ставя себя на его место и делая центром своего внимания собственное благополучие. Или сочувствует другому, что позволяет эмпату понять значение переживаний для самого переживающего, уловить смыслы, которые тот вкладывает в эти переживания. Для этого эмпату необходима децентрация и воображаемое перенесение себя в мысли и чувства партнера по общению. В результате сочувствия происходит принятие эмпатом переживающего.

Когнитивный и эмоциональный компоненты в процессе эмпатии функционируют в тесном единстве. По мнению И. М. Юсупова, «в практических наблюдениях феномен эмпатии практически невозможно дифференцировать на когнитивный и аффективный компоненты, поскольку он проявляется как целостное явление на психофизиологическом, психологическом и социально-психологическом уровнях организации психики» [162, с. 21].

Механизмы, составляющие содержание эмоционального и когнитивного компонентов эмпатии, описаны выше. Эмоциональный отклик, сформированный на основе соприкосновения с эмоциями другого и понимания смысла этих эмоциональных реакций, должен быть каким бы то ни было образом выражен.

Другой узнаёт об эмпатической реакции на его переживания по тому, что эмпат говорит, как он говорит (невербалика) и что делает (поступки, например альтруистическое поведение) [33, с. 63]. Выражение эмоционального отклика подвержено воздействию культурного фактора. В разных странах приняты собственные формы реагирования на переживания партнера по общению.

Итак, третьим компонентом эмпатии является **поведенческий компонент**, позволяющий эмпату выразить эмоциональный отклик, возникший в ответ на прочувствованные переживания другого. Это вербальное и невербальное выражение своих чувств эмпатом способствует взаимопониманию и улучшает эффективность межличностной коммуникации, является возможной причиной альтруистического поведения.

Социальный фактор как внешний фактор формирования механизмов социоцентрированного подхода представлен в том числе и фактором культуры. Культура определяет способы чувствования, познания окружающего мира в целом и партнера по общению в частности, регламентирует поведение. Рассмотрим влияние культурного фактора на эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления эмпатии и ее направленность.

1.1.3. Роль культурного фактора в проявлениях эмпатии

Для того чтобы перейти к решению второй задачи нашей работы – исследованию роли культурного фактора в эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлениях эмпатии, – необходимо рассмотреть культуру как фактор, обуславливающий психологическое функционирование личности (Г. С. Триандис, Д. Мацумото, Н. М. Лебедева и другие).

Анализируя роль культуры в поведении личности, Д. Мацумото сравнивает ее с операционной системой для программного обеспечения: «оставаясь незаметной, она играет важнейшую роль в его развитии и функционировании» [113, с. 27]. Г. С. Триандис выделяет три наиболее значимых и бесспорных аспекта, упоминаемых авторами при определении понятия «культура»: культура

создается в результате взаимодействия друг с другом членов одной общности; существуют культурные принципы, правила и нормы, установки, верования и ценности, которые представители данной культурной общности принимают и разделяют; сохранение культуры происходит благодаря передаче ее из поколения в поколение [137, с. 37]. Важно уточнить, что люди в разной степени и по-разному разделяют общее содержание культуры [76, с. 29]. Вслед за Г. С. Триандисом, мы определяем культуру как «материальные и нематериальные элементы жизнедеятельности группы, которые в прошлом способствовали ее выживанию в существующей экологической нише и стали использоваться членами группы для взаимодействия и поддержания своей территориальной и социокультурной целостности» [137, с. 43].

Культурные различия начали формироваться как способ выживания группы людей в определенных условиях. Сначала формирование проходило под влиянием экологического фактора, который определял, например, необходимость групповой или индивидуальной работы для получения пищи, комфортность окружающей среды, сезонность активности и так далее. Д. Мацумото отмечает связь между экологией, культурой, практикой социализации и психологическим функционированием личности [113, с. 111].

Рассмотрим культуру как внешний фактор формирования личности в целом и эмпатии в частности.

Методологическим основанием нашей работы выступает культурно-историческая концепция Л. С. Выготского [23, с. 91-164] [24, с. 53-90], согласно которой культура рассматривается как необходимое условие формирования личности. «Первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека» [155, с. 477]. Например, в виде произведений искусства, правил и норм, языка. Роль символично-знаковых систем в становлении человеческого сознания огромна. Знаки, изобретенные в процессе антропогенеза, дают личности возможность контролировать собственные эмоциональные и когнитивные процессы, а также собственное поведение. Знак есть «средство психологического

воздействия на поведение – чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком, знак направлен внутрь» [23, с. 90]. С помощью знака становится возможной произвольная регуляция ранее бывших «естественными», процессов. Бывшие ранее «натуральными» [там же, с. 114-118], психические процессы становятся высшими психическими функциями. «Идеальная форма <...> усваивается и субъективируется в процессе индивидуального развития, то есть становится реальной формой психики и сознания индивида» [21, с. 53]. Таким образом личность присваивает, интериоризирует содержание культуры. Культура с этой точки зрения является «идеальным пространством для интеллектуального, этического и эстетического саморазвития» [там же, с. 52].

Л. С. Выготский в качестве высших психических функций рассматривал прежде всего когнитивные процессы, а также письмо, чтение и счет. Однако И. Г. Колымба и А. Ш. Тхостов становление эмоций также рассмотрели с этой точки зрения. Развитие эмоций идет по пути повышения произвольности: от аффекта, владеющего личностью, до «целостной зрелой эмоции, доступной рефлексии и регуляции, субъектом которой человек является» [65, с. 4]. Регуляция эмоции как высшей психической функции осуществляется с помощью объекта, потребности, знака. Слово является знаком, позволяющим контролировать собственные чувства. Оно обеспечивает переход от «Я испытываю чувство» через «Я владею чувствами» к «Я чувствую» [там же, с. 5]. Таким образом, эмоции обладают всеми характеристиками высших психических функций: «иерархическим коренением, прижизненным социальным характером формирования, знаково-символическим опосредованием и произвольностью регуляции» [там же, с. 6]. Личность научается обозначать собственные эмоции, давать им имя, превращая в объект, которым можно управлять.

Эмоции занимают парадоксальное промежуточное место между личностью и другим, «принадлежат одновременно и мне, и иному» [там же, с. 4]. Эмпатия также невозможна без взаимодействия двух личностей. И также, как эмоцию, эмпатию можно рассматривать как высшую психическую функцию.

Е. Л. Бережковская и Н. Г. Радинская изучили высшую, развернутую форму эмпатии [6]. Слово и речь были рассмотрены как важнейшие средства управления собственным эмпатическим процессом [6, с. 126-127]. Знак позволяет затормозить проявление чувств или исказить их содержание, давая возможность скрыть чувства. Эмпат, испытывая эмоциональный отклик в ответ на переживания другого, также может произвольно регулировать его проявление, выбирая стратегию проявления сочувствия, подходящую для сложившейся ситуации. Кроме того, личность может предпринимать определенные действия, чтобы войти в состояние эмпатического резонирования, произвольно запуская и регулируя эмпатический процесс.

Огромную роль в формировании знаков играет взрослый, и прежде всего мать. М. М. Бахтин считает, что Я рождается только в диалоге с Другим, который благодаря «избытку <...> виденья» [4, с. 50] «оформляет и завершает» [45, с. 18] личность. Близкие взрослые учат ребенка формам проявления эмпатии как предписанным в определенной культуре, так и запрещенным. Правила вежливости представляются первыми средствами, «окультуривающими» взаимодействие с другими в эмоциональной сфере: правильные способы утешения и помощи, извинения, сожаления и так далее [56, с. 45]. Именно благодаря тому, что эмпатия является высшей психической функцией, возможно ее целенаправленное развитие, овладение ею у специалистов помогающих профессий. Например, у психологов [60, 85, 153].

Механизм интериоризации задает значимость эмоций, эмпатические маркеры (это понятие будет подробнее рассмотрено далее), стратегии выражения сочувствия, значимые объекты для эмпатии. Таким образом можно сделать вывод о том, что эмпатия с точки зрения культурно-исторической концепции представляет собой высшую психическую функцию, натуральную в начале и становящуюся все более сложной и социальной в процессе развития. В результате социализации в определенной культурной общности формируется личность с определенными особенностями эмпатии [47], обусловленными воздействием культурного фактора.

Принимая культуру как неотъемлемое условие человеческой жизни, рассмотрим более подробно ее влияние на жизнедеятельность личности. Ему подвержены прежде всего образ мышления, чувствования и поведения.

Культура задает категориальный аппарат, с помощью которого личность интерпретирует окружающую действительность. Посредством языка личность дает «имя» фактам социального и материального мира, вкладывая в них определенный смысл и ценность, обращает внимание на различные аспекты окружающей нас среды, организует свои мысли, получает возможность отделить важное от незначительного, правильное от неправильного. В итоге «культурной» обработки информации объективные характеристики окружающего мира подвергаются селекции, осмысливаются и в итоге представители различных культур могут воспринимать одинаковый факт или событие диаметрально противоположным образом. Появляются конструкты, которые мы называем эмпатическими маркерами от английского *marker* – «метка, веха, указатель, ориентировочный знак <...> признак, индикатор» [97, с. 414]. Это конструкты, сформированные в процессе социализации и указывающие на эмпатогенность ситуации. Если личность интерпретирует ситуацию как включающую в себя эти маркеры, она предпочитает, не всегда осознанно, демонстрировать в ней именно эмпатическую реакцию. В итоге у каждой личности складывается представление о том, в каких ситуациях и кому необходимо проявлять сочувствие с большей готовностью. К людям, имеющим соответствующий маркер (знак, индикатор), личность может формировать эмпатический отклик быстрее и глубже, чем при общении с теми, кто такового не имеет.

Человек формирует представление о себе, отвечает на вопросы «кто я?», «что для меня важно?», «в чем смысл моей жизни?». Культура определяет роль эмоций в жизни личности: допустимую степень интенсивности выражения эмоций, возможные, желательные и неприемлемые формы эмоционального реагирования. Таким образом, культура помогает личности «выстраивать свой социальный и психический мир» [113, с. 110]. Поведение также подвержено влиянию культурного фактора. Это проявляется в способах взаимодействия с

объектами социального и физического мира, правилах и нормах поведения, в том числе в выборе правильных стратегий проявления сочувствия.

С. К. Рощин с соавторами отмечают влияние религиозной системы на традиции, обычаи и привычки социальной общности [114, с. 739]. На особенности восточных культур, например, во многом повлияли идеи конфуцианства, однако нельзя рассматривать конфуцианство как единственный источник объяснения всех особенностей развития представителей стран Азии [114, с. 739]. Современные процессы, такие как глобализация, урбанизация, переход к рыночной экономике, способствуют межкультурной коммуникации и выработке панкультурных форм поведения, однако традиционные культурные элементы, сохраненные в рамках модальной личности (К. Дюбуа, А. Валлас) [76, с. 100] или национального характера, оказывают существенное влияние на поведение отдельной личности и ее взаимодействия с другими людьми.

С одной стороны, культура во многом определяет мысли, чувства и поведение личности. С другой стороны, сама культура создается и поддерживается усилиями каждого отдельного члена культурной общности, а также малых и больших социальных групп [113, с. 65]. Действуя определенным образом, формируя ожидания от партнеров по общению и реагируя на оправдание или не оправдание этих ожиданий, личность «транслирует этнические смыслы» [147, с. 192], тем самым поддерживая сформированные культурные особенности, помогая им сохранить стабильность и устойчивость с течением времени.

Вышеперечисленные особенности изучает этническая психология – «исследование психологических особенностей народа, обусловленных единством его происхождения» [114, с. 738]. Этнические исследования могут ограничиваться представителями одного этноса, тогда как кросс-культурные предполагают всегда межкультурное сравнение, в результате которого можно обнаружить как универсалии, так и специфические особенности представителей определенной культуры. Под универсалиями мы, вслед за J. W. Berry понимаем «психологические процессы, которые характеризуют <...> *homo sapiens* в целом»

[169, с. 4]. Специфические особенности являются культурно-обусловленными, сформированными под влиянием фактора культуры.

Для обозначения этих аспектов К. L. Pike ввел понятия «этик» и «эмик» элементов культуры [76, с. 31] [186]. Под этическими аспектами он понимал общие, универсальные феномены (формы поведения, представления и чувствования), которые можно обнаружить в различных культурах. Эмические аспекты представляют собой специфические, уникальные для определенной культурной общности феномены [76, с. 31-33] [137, с. 97-98]. В данной работе, вслед за W. J. Lonner, назвавшим эмпатию «неизменной универсалией» [Цит. по 113, с. 47], эмпатия понимается как этик-элемент культуры (представитель любой культурной общности в том или ином виде способен на проявление эмпатии). Однако специфические способы функционирования компонентов эмпатии у представителей определенных культур, связь отдельных компонентов между собой, направленность эмпатии на определенные социальные объекты, рассматриваются как эмик-элементы.

Если на уровне личности эмик-элементы культуры проявляются в содержании компонентов эмпатии, то на уровне общества можно говорить о существовании особой системы правил, норм, ценностей, обеспечивающих воспроизводство помогающего поведения, заботливого отношения, которое позволяет обществу развиваться и дает, в свою очередь, возможность личности чувствовать себя комфортно. Б. Х. Бгажноков назвал эту систему «культурой эмпатии» и рассматривал ее как одну из важнейших характеристик общества. Культура эмпатии закреплена в определенных общественных институтах, задачей которых является формирование и воспроизведение сочувственного, понимающего, эмоционально окрашенного сознания и поведения [5].

Эмпатия является частью эмоциональной культуры (как части психологической культуры) личности, «которая отвечает за социальные навыки, помогающие успешному взаимодействию людей» [38, с. 131].

Эмпатическая культура выражается в языке, антропоморфизме, религиозных догмах, системе права, обычаях гостеприимства, поминальных и

свадебных обрядах, этикете, правилах вежливости, культуре прощения. Все это – инструменты взаимопонимания, поддержки друг друга, взаимопомощи. Чем выше уровень эмпатии в конкретном обществе, тем более выражен эстетический и гуманистический характер отношений в нем. Такое общество воспринимается как безопасное, комфортное и способствующее самореализации отдельной личности. Недостаточно развитая культура эмпатии в обществе, наоборот, тормозит развитие личности, лишает ее ощущения безопасности и покоя, посредством формирования агрессивной и эстетически ущербной среды, вызывает повышение тревоги, злость, зависть и уныние. Таким образом, определенный уровень эмпатии поддерживает воспроизводство общества благодаря взаимопониманию, взаимопомощи, взаимопринятию, сплоченности и солидарности, сопричастности с происходящими в обществе переменами, новыми группами и социальными институтами [54, с. 22].

Культурные различия особенно заметны при возникновении непонимания между представителями различных культур. В межкультурной коммуникации проявляется феномен этноцентризма: представитель другой культуры воспринимается «через призму своего этнического бытия» [114, с. 742]. В результате эмпат относится к другому из культурной аут-группы как к странному, а значит, чуждому [135, с. 64]. Рост национализма только усиливает это отчуждение. Необходимо больше объединяющих факторов, а не разделяющих [там же, с. 65]: «чтобы понять другого или другое, в частности, менталитет другого человека или ментальность другой культуры, надо перенестись в это другое, стать его частью, смотреть на мир его глазами» [63, с. 80]. Это согласуется с представлениями об эмпатии К. Роджерса [121]. По результатам исследований «факт принадлежности объекта эмпатии к другой этнической группе значительно снижает эмпатию» [83, с. 30]. Несоответствие ожиданий проявляется не только на когнитивном, но и на эмоциональном уровне. Люди чувствуют, что что-то не так, вместо ощущения комфорта возникает чувство отчуждения, невозможность предсказать поведение партнера по общению вызывает фрустрацию. Представители другой культуры могут казаться черствыми или бесчувственными,

скрытными или навязчивыми, демонстрирующими пренебрежение или слабости. В результате личность может негативно воспринимать представителя другой культуры, игнорировать его, минимизировать с ним контакты. Поэтому роль эмпатии в понимании людьми друг друга крайне значима [14, с. 106].

Так как культура представляет собой сложный многосоставной феномен, для анализа ее влияния на эмпатические проявления необходимо выделить отдельные параметры культуры. Существуют различные классификации психологических особенностей культуры, самой распространенной из которых являются измерения культуры, или культурные синдромы, выделенные Г. С. Триандисом [137]. Эти измерения представляют собой «определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна культурная группа отличается от другой» [42, с. 152]. Для анализа роли культуры в эмпатических проявлениях личности важно рассмотреть такие параметры, как индивидуализм – коллективизм, простота – сложность и открытость – закрытость. Наиболее разработанным параметром является первый из них.

Индивидуалистические и коллективистические культуры различаются прежде всего отношениями между группой и отдельной личностью. В индивидуалистической культуре цели отдельных членов общества не менее (а иногда и более) важны, чем групповые [137, с. 209-223]. Общество во многом оценивается с позиции комфорта отдельных его членов и представляет собой среду для самоактуализации каждого из них. Однако доминирование индивидуального над общественным может привести к стремлению отгородиться от других людей или контролировать личность другого [181]. В коллективистических культурах отношения «личность – общество» диаметрально противоположны: исторической единицей, способной к выживанию, являлась прежде всего группа людей, соответственно потребности коллектива, его жизнь и благополучие доминируют над потребностями, и даже жизнью отдельной личности. Важной категорией в коллективистической культуре является гармония [190]. Это внутриличностная гармония, развитие самоконтроля, самосовершенствование, «чтобы, изменив себя, изменить мир» [14, с. 100]. В

связи с этим значимость эмпатии в обществе достаточно высока, так как она предполагает эмоциональную гармонию и комфорт в общении: «говорящий стремится приспособить себя к чувствам своих слушателей, а те, в свою очередь – более точно понять чувства говорящего» [76, с. 157]. В Китае, по мнению Г. Триандиса, доминирует установка на вертикальный коллективизм, в котором значима иерархия общества и служение группе [137, с. 209]. В России, по сравнению с Китаем, более выражена индивидуалистическая установка.

Следующим культурным синдромом является **простота – сложность**, определяющим, насколько велико разнообразие социальных ролей в обществе. Как Россия, так и Китай, являясь информационными обществами, принадлежат к наиболее сложным культурам [там же, с. 204]: в них проявление эмпатии обусловлено разнообразием социальных ролей и правил поведения, большим количеством категорий в описании материальной и социальной среды [137, с. 201].

Закрытость–открытость (или жесткость и рыхлость) [137, с. 204-209] культуры показывает степень регламентированности поведения личности. В закрытой культуре поведение личности подчинено большому количеству норм и правил, отступление от которых приводит к негативным внешним (социальное давление) и внутренним (чувство стыда) последствиям. Нормативность поведения в закрытых культурах обеспечивает предсказуемость и повышает ощущение безопасности и комфорта в обществе: «люди знают, чего от них ожидают и как себя вести в любой ситуации» [137, с. 209]. Русская культура более открытая и рыхлая, чем китайская. Это можно объяснить тем, что в России на одной территории жили и живут представители различных культур, но плотность населения значительно ниже, чем в Китае. В открытых культурах людям каждый раз приходится решать, какие нормы использовать, они не теряются в ситуации нормативного хаоса. Друг для друга представители закрытых культур в этом свете могут казаться негибкими и бескомпромиссными, а открытых – недисциплинированными и своенравными, дурно воспитанными, что может вызвать проблемы в межкультурной коммуникации.

Конечно, нельзя рассматривать культуру как находящуюся только на одном полюсе описанных параметров. Скорее, можно говорить о соотношении этих установок в каждом обществе. Так же как и личность может проявлять разные тенденции в разном социальном контексте: с близкими или незнакомыми людьми (зависит от степени дистанции до объекта). Это говорит о значимости исследования эмпатии в ее направленности на определенный социальный объект. Мы подробно рассмотрим этот аспект в последнем пункте теоретической части работы.

Итак, мы рассматриваем эмпатию как свойство личности, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления. Эти проявления функционируют благодаря механизмам, проанализированным нами в рамках двух подходов: личностно- и социоцентрированного. Механизмы личностно-центрированного подхода более примитивны и появляются в процессе социализации первыми. Механизмы социоцентрированного подхода сложнее и формируются позже под воздействием в том числе и культурного фактора. Поэтому в эмпатии можно выделить культурно-обусловленные проявления и проявления, независимые от культурного фактора – универсалии. Обратимся к характеристике каждой группы проявлений эмпатии.

1.2. Культурная обусловленность содержания и направленности эмпатии

1.2.1. Характеристика универсалий эмпатии

Мы считаем, что в эмпатии есть особенности, подверженные влиянию культурного фактора (культурно-обусловленные), и те аспекты, на которые это влияние не распространяется (универсальные). Этот пункт посвящен прояснению различий между ними и характеристике универсалий. Мы предполагаем, что с точки зрения культурного фактора эмпатию можно рассматривать как двухуровневый феномен. Низший уровень состоит из универсалий – «всеобщих, всеохватывающих» [143, с. 468] аспектов, сходных у людей различных

культурных групп. Высший представлен культурно-обусловленными особенностями.

В психологической литературе встречаются два основания для разделения проявлений эмпатии на уровни. Во-первых, многослойность переживания, в которое вчувствуется эмпат, позволяет выделить уровни эмпатии по глубине проникновения во внутренний мир другого. Об уровневой структуре переживания писали К. Унал [30, с. 150], Дж. Иган [48], К. Роджерс [120]. Поэтому и в эмпатии можно выделить более поверхностный и более глубокий уровни.

Во-вторых, порядок появления определенных механизмов в онтогенезе дает возможность проследить линию развития эмпатии от «низших» инстинктивных до высших социальных форм [161, с. 29]. Т. П. Гаврилова рассматривала сопереживание и сочувствие как две формы эмпатии и считала, что в онтогенезе сначала развивается сопереживание, потом неустойчивые эмпатические тенденции (когда у личности эмпатия проявляется то в виде сопереживания, то в виде сочувствия) и, наконец, сочувствие как высшая форма развития эмпатии [28, с. 132-135]. Таким образом, онтогенетическое развитие идет по пути усложнения, произвольности и опосредованности, «окультуривания» ранее возникших примитивных, простых форм, основанных прежде всего на биологических механизмах, превращения эмпатии в высшую психическую функцию. Например, М. Спенсер связывал развитие высших форм эмпатии с усложнением общественных форм и психического развития человека [30, с. 147].

Мы считаем, что оба эти основания не противоречат друг другу. Поверхностный уровень переживаний «обрабатывается» более примитивными механизмами, которыми первыми появляются в онтогенезе. Более сложные механизмы, появившиеся в процессе социализации позднее, позволяют сделать процесс эмпатии более осозанным, произвольным, целенаправленным, позволяющим проникнуть в более глубокий слой переживаний партнера по общению.

Выделение универсалий и культурно-обусловленных особенностей в эмпатии также является основанием для выделения ее уровней. В данном пункте

дадим характеристику эмпатическим универсалиям. Культурно-обусловленные особенности станут объектом анализа далее.

В психологии осуществляется поиск универсалий не только в эмпатии, но и в структуре личности в целом. Так, К. Г. Юнг выделяет «архетипы» – наиболее глубокие структуры коллективного бессознательного, общие для представителей всех культур и народов [158]. Эти архетипические образы отражены, например, в общих элементах мифологии различных народов, они же лежат в основе всех мировых религий, заложены в виде образов в различных произведениях искусства (музыка, живопись, танец), понятных представителям различных культур.

Универсалии обеспечивают возможность проникновения в переживания поверхностного уровня, которые более стереотипны, просты, осознаются переживающим и однозначно выражаются им. Считывание эмоций и понимание этих переживаний осуществляется легко, эмпат чаще всего обладает опытом переживания подобных чувств, что помогает более точному восприятию эмоций и облегчает возникновение эмоционального отклика. Можно предположить, что эмпатический процесс в ответ на такого рода переживания запускается автоматически и является произвольным. Например, личность испытывает жалость при виде человека, которому больно.

Примитивный, базовый уровень в модели И. М. Юсупова представлен формами произвольного отражения и регулирования эмпатии. К нему относятся «аффективные подсознательные явления» [162, с. 18], которые происходят в результате эмоционального заражения [30, с. 149]. Например, способность ребенка заплакать, видя плачущего человека, которую М. Л. Хофман назвал проявлением «глобальной эмпатии» [цит. по 75, с. 172-175]. К. Обуховский связал этот период с потребностью в эмоциональном контакте, что вызывает необходимость ориентироваться на эмоциональные проявления значимого взрослого [30, с. 154]. И. М. Юсупов видит причину возникновения «первичных эмпатических реакций» [161, с. 29] в потребности личности в адаптации. Большую роль при реализации этих эмпатических форм играет способность к подражанию [162, с. 20]. Т. Рибо видел механизм подражания при сенергии

(низшем уровне эмпатии) в согласовании двигательных реакций эмпатом и переживающим [30, с. 148]. Подражание присуще любому человеку и приводит к имитации поведения окружающих, что, в свою очередь, способствует возникновению сходных ощущений через переживание определенных физических состояний. По мнению М. Спенсера, в возникновении наиболее простых элементов эмпатии важны инстинкты [там же, с. 147]. Например, инстинктивная привязанность к заботящемуся взрослому делает чувствительность по отношению к его переживаниям автоматической. На инстинктах также основан общий опыт простых эмоций, который получает любая личность (примитивные, простые эмоции, например, страх).

Таким образом, универсальный уровень позволяет подключиться к примитивным переживаниям другого посредством наиболее простых эмпатических механизмов, описанных нами в рамках личностно-центрированного подхода.

Рассмотрим универсальные особенности каждого компонента эмпатии.

Универсалией **эмоционального компонента**, является прежде всего совокупность субъективных переживаний, которые способна испытывать личность вне зависимости от культурной принадлежности. Их можно назвать универсальными, или базовыми эмоциями. *Базовые эмоции* функционируют с помощью врожденных нейронных программ, они имеют филогенетическое происхождение, специфичные голосовые проявления, высокую скорость возникновения [49, с. 30-31, с. 64], поэтому с трудом поддаются самоконтролю. У каждого человека существует «опытная база» [113, с. 290] эмоций, обнаруживаемая с помощью самоотчетов об интенсивности, продолжительности, физиологических симптомах и поведенческих реакциях: это невербальное поведение, манера говорить и так далее [там же, с. 289]. Это означает, например, что всем людям знакома эмоция страха и она представлена в сходном перечне физиологических, эмоциональных и поведенческих реакций.

Кроме того, *факторы*, вызывающие базовые эмоции, подобны. Например, ребенок, испытывающий боль, с большой вероятностью вызовет жалость и

желание помочь у представителей различных культур, чем взрослый [там же; 49, с. 64].

Главным универсальным *механизмом* эмоционального компонента эмпатии является эмоциональное заражение, способствующее разделению эмоций с партнером по общению (этот механизм был описан в первом пункте нашей работы). В ситуации кросс-культурного общения ввиду наличия языкового барьера, этот механизм может быть очень значим для взаимопонимания представителей различных культур. Н. М. Лебедева предположила, что к универсалиям прежде всего относятся феномены, тесно связанные с биологией, экологией или социальной структурой человеческого общества [76, с. 32]. Таковыми во всех культурах являются забота и участие [113, с. 259], которые личность выражает по отношению к своим близким и должна получить от своих близких в процессе социализации.

В когнитивном компоненте универсальными являются *схемы распознавания* простых эмоций, основанные на общекультурных мимических способах их выражения [там же, с. 281]. Выделяют шесть универсальных выражений лица: гнев, отвращение, страх, счастье, печаль и удивление. Наличие этих выражений у человекообразных приматов и слепых от рождения людей [там же] доказывает их биологическую природу и подтверждают факт универсальности. Приматы способны распознавать эмоции сородичей, что способствует эмпатии в группе [135, с. 62]. Некоторые исследователи добавляют презрение или смущение [113, с. 292], но это не является общепринятым. Однако, сколь ни была сильной общекультурная база, эмоциональные категории закрепляются в языке, и эти лингвистические особенности затрудняют эмпирическое изучение данной универсалии [там же, с. 295].

Некоторой универсальностью обладает и *оценка эмоций*. Респонденты разных национальностей похоже описывали эмоции, которые они испытывали в ситуациях «предвкушения чего-то нового, приятных внутренних ощущений <...>, возможности справиться с задачей» [там же, с. 289]. Необходимо отметить, что универсальными являются скорее примитивные параметры оценки, тогда как

сложные параметры несут черты культурных различий [там же]. Например, категория «приятно» является универсальной, а «справедливо» имеет кросс-культурные особенности. Оценка интенсивности эмоций является универсальной «несмотря на различия в физиогномике, анатомических особенностях, расовой и половой принадлежности и культурных нормах, регламентирующих выражение эмоций и восприятие мимики» [там же, с. 293].

Также существуют *универсальные критерии*, позволяющие воспринимать партнера по общению как человека, нуждающегося в сочувствии – слабого, обделенного, несправедливо наказанного. Эти параметры мы называем эмпатическими маркерами. Результатом работы этих маркеров является, например, сочувствие человеку, которому больно или находящемуся в опасной ситуации. Особое место занимают общечеловеческие ценности, такие как ценность человеческой жизни.

Универсальным когнитивным *механизмом*, позволяющим сделать эмпатию более глубокой (регуляционный аспект), является постановка себя на место партнера по общению.

Универсальной является *направленность эмпатии на некоторые социальные объекты*. Особенно на самых близких людей, на переживания которых личность готова отреагировать, прежде всего, эмпатией, формируя глубокий и интенсивный эмоциональный отклик. Инвалид, пожилой человек, жертва несчастного случая тоже, вероятно, являются универсальными эмпатическими объектами.

В рамках **поведенческого компонента** универсалией является *помогающее поведение* в той или иной форме. Стремление оказать действенную помощь партнеру по общению является более универсальной стратегией, чем вербальная помощь, так как языковой барьер затрудняет выражение эмпатии вербальным способом.

Нейрофизиологическим механизмом, обеспечивающим работу эмпатических универсалий, являются зеркальные нейроны [59, 119, 166, 175], открытие которых произошло в конце XX века Дж. Ричцоллатти [59, с. 129].

Активация этих нейронов при наблюдении выражения эмоциональных реакций другого [59, с. 129] [119, с. 160] приводит к генерации таких же эмоций, которые индивид наблюдает у другого. Так происходит автоматическое «резонирование» с эмоциями переживающего другого. При этом активизируются не только эмоциональный (возникновение эмоций, релевантных эмоциям переживающего), но и соматический (например, частота сердцебиения и дыхания) ответы личности, что позволяет ей дать полноценный эмпатический ответ на переживания другого. Эти механизмы являются врожденными [59, с. 129]. Таким образом, работа зеркальных нейронов «неизбежно приводит к пониманию наблюдателем эмоций окружающих» [119, с. 161] посредством деления сопереживающим другим висцеромоторных реакций. В данном случае не имеется в виду понимание как проникновение в систему смыслов переживающего, а, скорее, опознание эмоций другого. Именно такой механизм позволяет человеку не только анализировать поведение другого по его невербальным проявлениям или исходя из ситуации, в которую он попал, но и чувствовать то, что чувствует в это время другой «собственной кожей». Однако такой механизм характерен только для простых эмоциональных выражений (таких как гнев, страх, радость). Кроме того, активация этого физиологического механизма создает лишь потенцию для развертывания эмпатического процесса. Полноценная реализация этой потенции зависит от целей личности в общении, степени развития эмпатических способностей, социального контекста, в котором происходит общение, работы когнитивных механизмов, рефлексии, направленности личности, отношение к другому, готовность к личности к эмпатическому способу реагирования в ответ на переживания другого, то есть от более сложных, культурно-обусловленных особенностей эмпатии. «Способность мозга отражать восприятие лиц и жестов других людей и мгновенно кодировать их в терминах висцеромоторных реакций обеспечивает мозговой субстрат для эмпатии и сопереживания, которое на различных уровнях и различными путями регулирует и направляет наше поведение и взаимоотношения с другими» [119, с. 163]. До сих пор не решен вопрос о том, в какое время начинает функционировать этот механизм (теории

ранней или поздней модуляции). Либо зеркальные нейроны работают автоматически, а уже потом происходит когнитивная обработка полученной информации, направленной на понимание другого. Либо их работу запускает когнитивный механизм, и, таким образом, эмпатия является целенаправленным результатом когнитивных процессов. Дж. Раццоллатти выступает за раннее включение «зеркального мозга», так как его эволюционное значение заключается в опознании эмоций другого и предвосхищении его реакций [59, с. 131]. Последнее делает социальную среду безопасной для личности и позволяет удовлетворять собственные социальные потребности более эффективно. Таким образом, эмоциональное резонирование, неосознанная подстройка к переживающему другому, происходит всегда, однако не всегда личность понимает, что именно происходит и может не формировать собственный эмоциональный отклик, то есть остаться глухой к результату эмоционального резонирования, истолковать его, например, с эгоистической точки зрения. В настоящее время осуществляется поиск нейробиологических механизмов, обеспечивающих функционирование эмпатии [173].

Итак, универсальные особенности примитивны и позволяют проникать только в поверхностный уровень переживаний. Однако их значение для эмпатического процесса нельзя недооценивать. Универсалии присущи людям любой культуры. Они обеспечивают эмоциональный резонанс с переживаниями другого, позволяют понимать партнера по общению и оказывать ему помощь вне зависимости от его культурной принадлежности, так как они основаны на общечеловеческих эмоциональных механизмах, ценностях и формах взаимопомощи. Однако с развитием более сложных культурно-обусловленных механизмов, базовые процессы постепенно «окультуриваются» и становятся произвольными, превращаясь в высшие психические функции. То есть личность может контролировать их работу в той или иной степени, происходит трансформация «врожденной эмпатийности» [49, с. 31]. В результате формируются культурно-обусловленные особенности эмпатии, к анализу которых мы обратимся далее.

1.2.2. Культурно-обусловленные особенности эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии

Данный пункт посвящен анализу кросс-культурных особенностей эмпатии в каждом из ее компонентов. Сначала рассмотрим принципиальные отличия кросс-культурных особенностей эмпатии от эмпатических универсалий.

Ранее было отмечено, что культурно-обусловленные особенности эмпатии позволяют проникать в более глубокие переживания другого по сравнению с универсалиями. Эти механизмы более сложны и были описаны в рамках социоцентрированного подхода. Эмпатию по отношению к глубоким переживаниям обычно описывают в контексте работы психотерапевта [20, 60, 91, 120, 191]. Психолог, сознательно, применяя специальные приемы, добивается вчувствования в глубокие эмоциональные переживания клиента, точной и полной рефлексии этих переживаний и выражения собственного эмпатического отклика. Идеал, к которому должен стремиться психолог, К. Роджерс описал так: «терапевт чутко и аккуратно реагирует как на явные переживания клиента, так и на лежащие глубже, к выражению которых клиент пока не способен. Он настроен на волну клиента так, что сможет быть полностью присутствующим в случае, если глубокое самораскрытие клиента произойдет» [Цит. по 57]. Профессиональная задача психолога – добиться такого «высококачественного» общения в процессе взаимодействия с клиентом, при этом эмпатия для психолога является навыком, который подразумевает «наиболее развернутую, произвольную форму этого процесса» [58, с. 51]. Такое глубокое проникновение во внутренний мир другого достаточно редко встречается в обыденной жизни, однако может проявляться в процессе тесного интимно-личностного общения [91]. Важно не только вчувствование в глубокие переживания, которые не осознаются, слабо выражаются или вовсе отвергаются другим, но и точная рефлексия переживаний другого. Таким образом, эмпатия по отношению к глубоким переживаниям более сложна, произвольна, требует эмоциональной децентрации и наличия в репертуаре эмпата достаточного количества смыслов, чтобы понять переживания

партнера по общению. Вслед за Т. Д. Карягиной мы считаем, что между эмпатией как навыком профессионала и эмпатией вне профессиональной деятельности не существует принципиальных различий: эмпатия является значимой частью просоциального поведения и гуманистической мотивации личности [56, с. 43]. Этапы эмпатического процесса, выделенные G. T. Barret-Lennard [там же, с. 57], одинаковы как для профессионала, так и для обывателя.

И. М. Юсупов включил в группу культурно-обусловленных особенностей эмпатическое понимание, которое он определяет как «произвольный процесс эмоционально-когнитивной децентрации субъекта, сопровождающийся проникновением-вчувствованием в эмпатируемый объект» [162, с. 13]. Личность использует такие механизмы, как проекция, атрибуция, интуиция, интроекция, рефлексия и содействие, которые постепенно усваиваются в процессе социализации. В результате такого проникновения эмпатирующая личность обретает уверенность в том, что представление о внутреннем мире переживающего является адекватным и точным. Основными чертами такого понимания являются произвольность, применение когнитивных механизмов для анализа внутреннего мира другого и децентрация, то есть временный отказ от своего Я. Произвольное регулирование представляет собой сознательный акт психической активности личности с привлечением когнитивных процессов для точной реконструкции внутреннего мира переживающего субъекта. Чем меньше информации об эмоциональном состоянии другого и его причинах личность получает путем открытого наблюдения (даже с привлечением произвольного внимания), тем большая роль принадлежит когнитивным процессам, с помощью которых эмпат пытается снять неопределенность и построить целостный образ партнера по общению.

Итак, для проникновения в глубокие переживания другого необходимо использовать механизмы эмпатии, которые формируются в результате социализации под влиянием культурного фактора.

Культурный фактор оказывает влияние на эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления эмпатии [149], в результате чего формируются ее

культурно-обусловленные особенности. Рассмотрим влияние культурного фактора на каждый из компонентов эмпатии.

На **эмоциональный компонент** эмпатии прежде всего оказывает влияние *эмоциональный опыт*, полученный личностью в процессе социализации [167, с. 29-30]. Опыт зависит в том числе от культурного контекста: от структуры семьи, особенностей эмоционального взаимодействия с родителями и окружающими, обычаев и обрядов, в которых личность участвовала, опыта кормления, приемлемости телесного контакта и так далее.

Целый ряд исследователей подчеркивали значимость общения с близким взрослым для формирования эмпатии (Н. Я. Большунова, 2014; Т. Д. Карягина, 2010; К. Кохут, 2003; Н. С. Курек, 1997; А. Миллер, 2015; Е. Р. Овчаренко, 2003; М. Schaffer, 2009). В. Штерн обратил внимание на роль подражания взрослым в развитии способности эмоционально реагировать на переживание другого, в способах помощи ему [30, с. 149]. Ф. Олпорт определяет симпатию как условно-рефлекторный феномен [там же], требующий, соответственно, должной тренировки. А. Бандура рассматривал эмпатию как особый вид научения, который позволяет эмпату почувствовать «замещающее переживание»: эмпат переживает сходное с переживающим состояние, что вызывает положительное подкрепление со стороны другого (например, родителя) и, таким образом, закрепляет это поведение у эмпата [там же, с. 151]. Соответственно, эмпатические формы реагирования формируются в процессе социализации под воздействием взаимоотношений с близкими посредством наблюдения за их поведением, получения опыта сочувствия от них по отношению к себе и поощрению родителями определенного поведения по проявлению сочувствия. Ребенок в семье научается правильным с точки зрения культуры формам проявления эмпатии.

Обусловленность эмоционального состояния личности подвержена влиянию культурного фактора. В разных культурах существуют специфические причины, которые приводят, например, к чувству стыда или страха. В Китае это страх опозорить свой род [49]. В коллективистических культурах эмоциональное

состояние личности больше зависит от эмоций других людей, чем в культуре с другой доминирующей установкой, личности труднее отстраниться от эмоционального состояния окружающих. Можно предположить, что механизмы эмоционального заражения и идентификации работают более интенсивно. Принятие группой, в том числе эмоциональное, является для представителя коллективистической культуры гораздо более важной ценностью, чем в культуре с доминированием индивидуалистической установки. «Чувство стыда и изоляция от группы являются главными факторами поддержания дисциплины» [132, с. 155]. Повышается чувствительность к людям, которых личность включает в ин-группу, то есть группу «своих» [67, с. 265-267]. Людей связывают родственные чувства, на первый план выходит качество эмоциональных взаимоотношений с близкими. В индивидуалистических культурах эмоциональная сфера личности, конечно, так же подвержена влиянию настроения близких людей, однако более важны собственные отношения личности к среде. Личность более независима в эмоциональном плане, ей может быть проще отстраниться от эмоций близких людей при необходимости.

Кроме того, культурный фактор влияет на выбор *способа проявления чувств и интенсивность их выражения*: допустимо ли свободное выражение эмоций, что считается открытостью в межличностном общении, определена ли необходимая степень сдержанности, регламентирована ли возможная сила возникающего ответного чувства. Например, для русской культуры свойственна экспрессивность, отсутствие которой может восприниматься как равнодушие к окружающим и осуждаться [111, с. 182, с. 187]. Ю. Е. Прохоров также отмечает высокую дифференциацию выражений эмоциональных состояний (как положительных, так и отрицательных) невербальными средствами [там же, с. 163]. Однако то, что в России считается открытым проявлением своих чувств, в Китае может рассматриваться как «потеря лица» [144, с. 55]. Сдержанность в демонстрации чувств является важной способностью в Китае [150, с. 101] [123, с. 10]. «Человек должен быть уравновешенным, внешне бесстрастным, сдерживать проявления эмоций» [123, с. 47], что соответствует конфуцианско-

даосистскому учению. В открытых культурах личность может более свободно демонстрировать собственные переживания даже на публике. В итоге ее поведение становится более соответствующим эмоциональному состоянию, то есть более конгруэнтным. В закрытых культурах вариативность способов демонстрации своих переживаний ограничена. Личность проявляет собственные эмоции в соответствии с писаными и неписаными правилами, касающимися того, какие эмоции можно выражать в определенных условиях, а какие необходимо скрывать, каким образом возможна демонстрация чувств, как долго и насколько интенсивно это возможно делать. Соответственно, интерпретация демонстрируемых другим эмоций также происходит в контексте культуры.

В рамках **когнитивного компонента** можно выделить многочисленные культурно-обусловленные особенности. Первая группа особенностей касается *распознавания эмоций*. Этот процесс бывает затруднен в межкультурном общении, так как представитель другой культуры может выражать собственные чувства особым образом, определенным культурными нормами проявления эмоций [113, с. 282]. В детстве личность усваивает нормы демонстрации универсальных эмоций в определенной ситуации. Например, в Китае не принято проявлять негативные эмоции прилюдно, поэтому китайцы стараются до последнего скрывать раздражение или злость. Таким образом, понять их искренние чувства представителю другой культуры может быть достаточно сложно. В данном случае на точность распознавания эмоций влияют параметры коллективизма – индивидуализма: представители индивидуалистических обществ более успешно опознают отрицательные эмоции, такие как гнев и страх (они более ценны, их необходимо учитывать при общении или исправлять условия, в которых они появились), чем представители культур с доминирующей коллективистической установкой, предпочитающие избегать конфронтации ради сохранения гармонии [там же, с. 297]. «Понимание параметров культуры может послужить ключом к объяснению межнациональных различий в восприятии отрицательных эмоций» [там же, с. 299]. Кроме того, в некоторых культурах существуют специфические невербальные способы проявления чувств, которые

позволяют более точно понять собеседника, тогда как представитель другой культуры, не зная этих особенностей, потеряет часть полезной информации и вместе с ней точность распознавания эмоций. Например, в Китае есть четыре тона, позволяющих придать различное значение одинаковому сочетанию звуков [150]. Также это могут быть определенные жесты, особенности одежды и так далее. Таким образом, эмоции не только понимаются, но и выражаются по-разному. Добавляют различий в распознавание эмоций языковые особенности выражения, описания эмоций, их категоризации [113, с. 290].

Второй группой особенностей в когнитивном компоненте являются особенности, связанные с *культурными нормами декодирования*. Точность распознавания тесно связана с социально-психологическими переменными [там же, с. 297]. На точность опознания эмоциональных состояний влияют как объективные, так и субъективные факторы [72, 73]. Например, представители Азии ниже оценивают интенсивность счастья, удивления и страха по сравнению с американцами [113, с. 298]. Считанные в процессе взаимодействия с другим эмоции интерпретируются с точки зрения культурных норм и ценностей, которые также различны. Например, в Японии могут осуждаться эмоции, угрожающие внутригрупповой гармонии [там же, с. 296-297]. Будучи универсальным сигналом «приветствия, признания или демонстрация благосклонности» [там же, с. 298], улыбка тем не менее по-разному оценивается в различных культурах. Для американцев улыбка – неременный показатель вежливости, тогда как в России для демонстрации вежливости улыбка не обязательна [111].

В процессе понимания другого происходит *оценка эмоционального состояния* партнера по общению – сличение его вербального и невербального поведения с эталонами выражения чувств, принятых в конкретной культуре. В итоге личность делает выводы о степени интенсивности эмоций и адекватности их выражения, что в итоге влияет на процесс формирования эмпатического отклика.

Культура определяет *ценность эмоций* для понимания другого, анализа ситуации и выбора стратегии поведения личностью: насколько нужно обращать

внимание на эмоции другого, насколько значима рефлексия собственных чувств и интуиция при взаимодействии с другим. В культурах с доминированием индивидуализма, эмоции отдельной личности имеют ценность как для нее самой, так и для группы, подчеркивается важность чувств, значимость той или иной ситуации или отношение к ней конкретной личности становится определяющим. Это может повышать значимость эмоций (как собственных, так и эмоций другого) при общении. Однако собственное эмоциональное состояние может быть важнее состояния партнера по общению, что приводит скорее к возникновению сопереживания, нежели сочувствия. В коллективистической культуре эмоции отдельной личности могут не иметь такой ценности, особенно если мешают достижению общегрупповых целей.

Также культура определяет *когнитивные конструкты*, в рамках которых происходит понимание переживаний другого. Одни и те же переживания другого интерпретируются в соответствии с лингвистическими особенностями, а значит, осмысливаются с помощью различных категорий. Разные ценности усиливают эти различия. Например, понимание эмоций другого может трактоваться и оцениваться в контексте пользы обществу, поскольку «не быть обузой для своей группы» – важная ценность в коллективистических культурах [113, с. 370]. Личность представляет собственное Эго «как более распыленное в обществе, изменчивое и связанное с контекстом» [там же, с. 407] по сравнению с личностью в индивидуалистической культуре. В коллективистических культурах, наоборот, может развиваться глухота к собственным чувствам, переживаниям, они диффузны, и личность не всегда способна отделить свою реакцию от реакции группы, сформулировать собственное мнение, склонна к вытеснению эмоций, идущих вразрез с общегрупповыми. Ей может быть трудно в процессе рефлексии отделить свои чувства от переживаний другого.

В терминах когнитивных конструктов, имеющих свою специфику, представители разных культур объясняют *причины успеха или неудачи*. В культурах индивидуалистического типа успех воспринимается как зависящий в первую очередь от способностей и усилий отдельно взятой личности, а неудача

может быть объяснена неблагоприятным стечением обстоятельств. В коллективистическом обществе причиной каких-либо событий, успеха или неудачи является скорее группа людей [там же, с. 370], а причину неудачи ищут в лени человека. Это различие обуславливает перечень ситуаций, в которых человеку стоит сочувствовать. К примеру, если в коллективистической культуре другой плохо справляется с работой, то он не будет восприниматься как нуждающийся в сочувствии, тогда как в индивидуалистической культуре сочувствие может зависеть от ряда факторов: старания другого, эмоций, которые он испытывает в этой ситуации, и тому подобное. Таким образом формируются эмпатические маркеры.

Интегрированность эмоционального и когнитивного компонентов у представителей различных культур тоже имеет свои особенности. При тесной связи этих компонентов эмпатия представляет собой сложное психологическое явление, включающее как реконструкцию чувств переживающего, так и понимание другого и формирование собственного эмоционального отклика. При автономной работе этих компонентов эмоциональные или когнитивные механизмы работают порознь, например отвечают за эмпатию в различных ситуациях по отношению к различным социальным объектам, а значит, эмоциональное резонирование может не приводить к пониманию и принятию переживающего другого. И, наоборот, понимание в таком случае может основываться на представлениях о нормах и правилах, принятой в культуре системой оценки эмоций и поведения, а не быть результатом эмоционального соучастия личности в ситуации.

Культурный фактор оказывает значительное влияние на **поведенческий компонент** эмпатии, обуславливая перечень стратегий проявления сочувствия и стандарты эмпатического поведения – кому, при каких обстоятельствах и каким образом можно выражать сочувствие, оказывать помощь и поддержку, или, наоборот, не замечать эмоциональных реакций другого. Например, какая форма помощи предпочтительна: действенная или вербальная, насколько допустим телесный контакт при выражении сочувствия. К примеру, русская культура

рассматривается как контактная: из 15 жестов сочувствия 14 являются контактными [111, с. 161].

Культура определяет *допустимую степень конфронтации* с другим. В индивидуалистической культуре главная цель личности – «изменить общество и мир, дабы настроить их на свои интересы» [14, с. 100]. В России борьба, открытая конфронтация, выражение негативных эмоций в виде повышения голоса, бурной жестикуляции и так далее являются одним из допустимых способов достижения цели. Н. М. Лебедева описывает это как «избирательный» стиль общения [76, с. 156-159], Ю. Е. Прохоров – как реализацию концепции «ограниченной свободы личности» [111, с. 235]. Представители индивидуалистических культур предпочитают прямой контроль: они прямо высказывают свое мнение и указывают другому на его ошибки, могут сказать то, что расстроит другого. В коллективистических культурах личность обращена вовне, на других людей и общество в целом, учится преодолевать свои желания [132, с. 158]. Поэтому личность предпочитает избегать напряженности в отношениях, уходить от конфликтов, старательно не замечая повод, уступать, улаживать конфликт без полемики, и тем более открытой конфронтации, использовать непрямой контроль [150, с. 147]. Этому способствуют многочисленные правила китайской вежливости, которые очень сложны [там же]. С трудностями не борются, а скорее приспособляются к ним [132, с. 157]. В Китае собеседникам даже допустимо говорить неправду, если это позволит им избежать конфликта. Также другому не говорят напрямую о промахе, чтобы он «сохранил лицо», зачастую говорят совершенно противоположные вещи, в то время как другой сам должен понять, что определенная фраза вторым дном имеет контроль и указание на ошибку [113, с. 365].

Степень регламентированности эмпатического поведения также зависит от культуры. В закрытых культурах, к которым принадлежит и китайская, существует четкий свод правил, как и что можно эмоционально выразить и как можно реагировать на проявления эмоций другого различного пола, возраста и социального положения. Эти правила жестко закрепляются в процессе

социализации и их нарушение влечет за собой суровое наказание. Например, в Китае, при проявлении сочувствия к другому эмпат демонстрирует, что переживающий не смог скрыть своих чувств и «потерял лицо», что является болезненным для представителя Поднебесной [150, с. 95]. Категории вежливости являются более дифференцированными в Китае: с помощью различных вербальных и невербальных форм китаец выражает степень благодарности, подчеркивая статус того, кто оказал ему услугу [25, 26]. Однако при кросс-культурном общении личность может чувствовать себя беспомощной, не имея «инструкции» реагирования на эмоциональные переживания партнера по общению. В открытых культурах действия жестко регламентируются только законодательством, в пределах которого люди имеют более широкую вариативность поведения и могут использовать более отклоняющиеся от нормы модели поведения. Представители открытой культуры скорее действуют в соответствии с собственными установками, чем твердыми общегрупповыми нормами, вследствие они легче взаимодействуют с представителями другой культурной группы.

Культурными особенностями определяются и *приемы регуляции* глубины эмпатического отклика личности. Наличие сдерживающих факторов позволяет личности контролировать степень вовлеченности в эмпатический процесс. Так представитель коллективистической культуры может резко изменить поведение с отстраненного на радушное, узнав, что другой относится к ин-группе [137].

Под влиянием культурного фактора в процессе социализации, формируются связи между раздражителями и эмоциями, детерминируются поведенческие паттерны проявления эмоций [49, с. 31]. Через игры, сказки, обучение и воспитание [147, с. 141], наблюдая за окружающим миром и получая от него обратную связь, ребенок не просто осваивает формы проявления чувств, категории сочувственного мышления и правила оказания помощи другому, происходит «освоение национального способа жизни» [114, с. 741] в целом и культуры эмпатии в частности. В процессе развития эмпатии как высшей психической функции она становится целенаправленным действием, в котором

личность произвольно регулирует не только глубину эмоционального резонирования, но и подбирает стратегию проявления сочувствия, адекватную личностным особенностям, потребностям переживающего и ситуационному контексту, например сдерживает выражение своего эмпатического отклика, так как переживающий в данный момент нуждается в покое и одиночестве. Такая настроенность на другого является определяющей особенностью полноценного эмпатического процесса. Таким образом, в результате социализации личность овладевает не только специфичными для культуры эмпатическими автоматизмами, но и формами целенаправленного эмпатического поведения [77].

Итак, культурно-обусловленные особенности формируются в процессе социализации под воздействием опыта взаимодействия с другими людьми (Ф. Е. Василюк, Т. Д. Карягина, Е. Р. Овчаренко, Н. И. Сарджвеладзе). Они, по сравнению с универсалиями, требуют большей осознанности и произвольности деятельности психических процессов, более сильного, автономного Эго, способности к эмоционально-когнитивной децентрации, способности усвоить нормы и правила, декларируемые обществом и контролировать собственное поведение в соответствии с этими нормами. Эти особенности позволяют проникнуть в более сложные переживания и социальные чувства, такие как вина, любовь, верность и другое. Следовательно, помимо этик-элементов, составляющих базовый уровень эмпатии, также существуют и эмик-элементы, различия, обусловленные влиянием культурного фактора.

Универсалии и культурно-обусловленные особенности эмпатии, таким образом, можно рассмотреть как содержание двух уровней: базового и культурно-обусловленного соответственно. Универсальные механизмы базового уровня были описаны в личностно-ориентированном подходе. Культурно-обусловленные механизмы соответствующего уровня – в социоцентрированном. Выделение в эмпатии базового и культурно-обусловленного уровней соответствует представлению об уровне строения психологического феномена

В. В. Столина:

1. Механизмы базового уровня появляются в онтогенезе первыми и являются основой для развития механизмов культурно-обусловленного уровня.
2. Уровни образованы различными «связями и отношениями». В основе базового уровня лежат прежде всего физиологические процессы, тогда как культурно-обусловленный является результатом интериоризации знаков эмпатии, усвоения принятых в культуре форм поведения, то есть обладает характеристиками опосредованности и произвольности.
3. Базовый уровень является необходимым условием развития культурно-обусловленного. Если не развиты механизмы базового уровня, отсутствует органическая основа понимания переживания другого, развитие высших механизмов эмпатии невозможно.
4. Когда эмпатия уже представляет собой высшую психическую функцию, механизмы культурно-обусловленного уровня как вышележащего управляют механизмами базового уровня. Например, направляя свое внимание на переживания другого, эмпат может усиливать эмоциональный резонанс с ним, интенсифицируя эмоциональное заражение.
5. Развитие механизмов базового уровня не прекращается с формированием культурно-обусловленного. Они могут становиться более эффективными, например, за счет произвольной направленности внимания на другого [134, с. 48-49].

Представление о двухуровневом строении эмпатии позволяет нам дополнить определение этого общепсихологического феномена. Эмпатия – это свойство личности, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления и представленное на двух уровнях: базовом и культурно-обусловленном.

Итак, культурный фактор оказывает влияние на эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты эмпатии, в каждом из которых формируются культурно-обусловленные особенности. Возможность регуляции интенсивности эмпатического процесса, в также наличие правил и норм, регламентирующих взаимодействие с представителями различных возрастных,

гендерных и ролевых групп, приводят к тому, что по отношению к одним социальным объектам личность может демонстрировать высокую чувствительность, тогда как к другим проявлять равнодушие. В связи с этим необходимо проанализировать эмпатию как процесс, направленный на определенный социальный объект.

1.2.3. Культурно-обусловленные особенности направленности эмпатии на различные социальные объекты

Обратимся к решению третьей теоретической задачи нашего исследования – выявлению культурной обусловленности направленности эмпатии на различные социальные объекты.

Мы считаем, что сложно говорить об уровне развития эмпатии в целом, так как личность может иметь разный уровень эмпатии по отношению к различным объектам. Чем выше уровень развития коллективистической установки в обществе, тем более вероятно, что личность будет иметь низкий уровень эмпатии по отношению к представителю аут-группы и, наоборот, высокий по отношению к представителю ин-группы. Индивидуалистическая установка проявляется прямо противоположным образом. Необходимо исследовать эмпатию по отношению к различным социальным объектам и сравнить ее у представителей различных культур.

Под направленностью мы понимаем предпочтение в выборе объекта, по отношению к которому личность склонна проявлять эмпатию. В психологической литературе выделено несколько типов направленности эмпатии: на социальный объект, на окружающий мир и на определенное время в жизни личности. Рассмотрим каждый тип отдельно.

В зависимости от эмоциональной дистанции по отношению к социальному объекту, О. А. Орищенко выделила эмпатию двух видов. Во-первых, это эмпатия по отношению к близким социальным объектам: «релятивная эмпатия» (эмпатия к родным, близким, друзьям) и «аутоэмпатия» (по отношению к себе). Во-вторых,

эмпатия по отношению к объектам из широкого круга общения или, как мы их называем, дистанцированным объектам: профессиональная (к коллегам, ученикам, клиентам) и внепрофессиональная (эмпатия по отношению к знакомым и малознакомым людям) [101]. В эту же группу, по нашему мнению, относится эмпатия по отношению к героям художественных произведений.

Вторым видом является эмпатия, направленная на различные аспекты окружающего мира: к животным, растениям, к природе и окружающему миру в целом.

И, наконец, третьим – временная направленность, нацеленная либо на прошлое личности и ее близких, либо на события, ожидаемые в будущем.

И. М. Юсупов уделил особое внимание направленности эмпатии на различные социальные объекты. Кроме эмпатии по отношению к близким (родителям, пожилым людям) и дистанцированным (незнакомым людям и героям художественных произведений) социальным объектам, он выделил эмпатию по отношению к детям и животным [162]. Интересно, что по данным практических исследований дети воспринимаются студентами как дистанцированный социальный объект [85]. Животные тоже рассматриваются в качестве социального объекта. Это живые существа, испытывающие эмоции и выражающие их, люди могут строить с животными отношения, заботиться о них или бояться. Кроме того, животные – интересный объект для сравнения представителей России и Китая, так как в этих странах принято разное к ним отношение [81]. В данном пункте мы будем анализировать направленность эмпатии именно на различные социальные объекты, что соответствует поставленным цели и задачам исследования.

Особое место среди социальных объектов в нашем исследовании занимает незнакомый человек. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, отношение к этому объекту зависит от такого измерения культуры, как индивидуализм – коллективизм, задающего разницу в отношении к людям ин- и аут-группы [67]. А, во-вторых, взаимодействие между представителями различных культур начинается именно между незнакомыми людьми, что делает этот объект

актуальным при межкультурной коммуникации. Поэтому незнакомый человек является наиболее показательным социальным объектом с точки зрения кросс-культурных различий.

Рассмотрим влияние культурного фактора на эмпатию по отношению к различным социальным объектам.

Значительное влияние культурный фактор оказывает на разницу в отношении к *представителям In- и Out-group* [67, с. 265-267]. Так как в индивидуалистических культурах личные особенности доминируют над социальными, то у их представителей нет существенных различий в отношении к другому из «своей» (ин-) или «чужой» (аут-) группы. Учась проявлять эмпатию по отношению к близким, личность «распространяет» такое отношение и на незнакомых людей. В коллективистических культурах, наоборот, к представителю ин-группы проявляется положительное отношение, доходящее до самопожертвования, а другой из аут-группы вызывает скорее индифферентное или сдержанное отношение [137, с. 211]. Разделение на «мы» и «они», «свой» и «чужой» более явное: китайцев «заботит только собственная семья, и не заботит общество» [81, с. 165]. Х. Чен объясняет это перенаселенностью Китая, что заставляет людей каждый день конкурировать с окружающими за получение благ, бытовых удобств и так далее. В Китае принято формировать «гуаньси», то есть «связи», полезные знакомства, посредством которых можно решить собственные проблемы [150, с. 114-122]. Важно то, что для китайца эти контакты, кажущиеся на первый взгляд совершенно формальными, создают атмосферу «социальной теплоты» [там же, с. 120], позволяющей личности чувствовать себя защищенной и рассчитывать на помощь другого в случае необходимости. Важно и то, что помощь оказывают не только люди, непосредственно знакомые друг с другом, но и те, кто связан с личностью опосредованно, через несколько «промежуточных» контактов. В общении с деловыми партнерами у китайцев важна вежливость, соблюдение норм, коммуникативная аккуратность, тогда как русские могут форсировать сокращение дистанции, пренебрегать правилами формальной вежливости, проявляя «коммуникативный демократизм» [111, с. 183]. Важной

особенностью русского менталитета является «соборность», подразумевающая «общинность, коллективность сознания и бытия как национальный приоритет» [111, с. 100].

В ин-группу личность может включать другого по принципу сходства с ним. Это прежде всего родные, знакомые, коллеги, соседи и другие люди, с которыми личность связана так или иначе. Представитель своей культуры может войти в ин-группу, например, когда речь идет о том, кому сочувствовать: представителю своей или другой культуры. Разница в эмпатии по отношению к этим социальным объектам обусловлена несколькими факторами.

Первым фактором является сходство личности с представителем собственной культурной группы. Сходство рассматривается как фактор, способствующий развитию эмпатии [32, с. 18] [79, с. 42] [176, с. 51]. У носителей одной культуры много общего, что обеспечивает большую эмпатичность по отношению к ним. Общие схемы выражения эмоций облегчают интерпретацию эмоциональных реакций и возникновение эмоционального резонанса. Общность языка, схожесть установок и нравственных позиций способствуют быстрому пониманию партнера по общению. Общие стандарты оказания помощи другим, проявления сочувствия и поддержки позволяют личности выразить эмпатию максимально эффективно для переживающего. Сходства между представителями одной культуры в эмоциональном, когнитивном и поведенческом аспектах обусловлены социализацией в едином культурном пространстве. Воспитание в рамках одной культуры имеет общие принципы и методы, детям демонстрируются схожие модели эмпатического поведения, транслируются сходные установки, дети учатся выражать чувства похожим образом. В результате социализации личность становится полноценным представителем своей культуры, в том числе формируя общую для группы «культуру эмпатии».

Вторым фактором выступает дифференциальная работа зеркальных нейронных сетей по отношению к различным социальным объектам. Зеркальные нейроны гораздо более активны, когда человек наблюдает за действиями представителя своей культуры [14]. Это позволяет быстрее распознавать эмоции и

действия другого, легче понимать его, что делает личность более адаптивной в контексте собственной культуры. Вероятно, именно такая генетически заложенная предрасположенность обуславливает большую чуткость по отношению к представителям своей культуры. Однако, возможно, зеркальные нейронные сети подвергаются тренировке в результате социализации: происходит многократно повторяющиеся реакции именно на представителей своей культуры, с общими для всех схемами выражения эмоций. В этом случае человек опознаёт по ключевым признакам представителя собственной культуры и реагирует на него более интенсивно. Выражение эмоций или поведение представителя другой культуры может не соответствовать видотипическим схемам выражения эмоций и запускать эмпатический процесс с большим трудом. В основе объяснений механизма работы зеркальных нейронов лежит идея адаптации. По мнению У. МакДауголла, животные реагируют на значимые для их выживания эмоции, которые проявляют другие члены их группы, так как это способствует их выживанию [30, с. 149]. Например, когда кто-то из группы испытывает страх, то, скорее всего, он увидел опасность, которую еще не видят другие. Возможно, именно этот механизм лег в основу работы зеркальных нейронов и их повышенной активности по отношению к представителям своей культуры.

Третьим фактором является то, что проявление эмпатии по отношению к другому из своей культуры является важным способом поддержания своего членства в группе, принадлежность к которой значима для личности, так как дает ей ощущение психологического благополучия. Это можно объяснить феноменом «коллективного начала» – особой связи, возникающей между людьми. В ее основе лежит потребность в безопасности, которая реализуется благодаря чувству защищенности в «своей» группе. К. Г. Юнг объясняет это ощущением родства, позволяющем преодолеть страх смерти, кристаллизованным в виде архетипов коллективного бессознательного, общих для представителей одной расы, национальности, культуры [159]. Одиноким человеком, не имеющим принадлежности к какой-либо группе, воспринимается как беззащитный и беспомощный. Именно ощущение родства, принадлежности, чувство «мы»

позволяет почувствовать личности уверенность и силу, необходимую для преодоления жизненных трудностей. Эмпатия по отношению к представителям ин-группы (в данном случае культурной), разделение с ними переживаний, позволяет личности преодолеть одиночество и почувствовать себя частью безопасного целого.

Однако такая внутригрупповая эмпатия полезна не только для благополучия отдельной личности, но и для группы в целом. Проявляя эмпатию по отношению к представителям своей культуры, сочувствуя, оказывая помощь и поддержку членам своей группы, личность способствует выживанию и развитию группы, делая пребывание в ней еще более комфортным для всех, включая саму себя. Таким образом, эмпатия личности по отношению к представителям своей культуры является результатом потребности в самосохранении, и следовательно, сохранении своей группы.

Для анализа роли социализации в формировании культурно-обусловленных особенностей эмпатии у представителей индивидуалистических и коллективистических культур, мы ввели понятия «ситуация Мы» и «ситуация Я». Высокая чувствительность, внимательность и стремление помочь представителю ин-группы вместе с отстраненностью и безразличием по отношению к другому из аут-группы, позволяет четко устанавливать границы между опасным и безопасным, знакомым и непонятым, создают «ситуацию Мы», в которой живет представитель коллективистической культуры. Личность с ярко выраженной индивидуалистической установкой, живущий в «ситуации Я», замыкает границы вокруг собственной личности. Любой другой представляется для него инобытием, хоть и в разной степени близким. Соответственно, жесткой дифференциации между «близким иным» и «незнакомым иным» у такой личности не будет.

Формирование представления о связи себя с другими людьми – «ситуация Мы» или «ситуация Я» – происходит на ранних стадиях онтогенеза. В индивидуалистических культурах высоко ценится автономия ребенка, пребывание его отдельно от родителя, формирование им индивидуального опыта, самостоятельность. Родитель проявляет уважение к его внутреннему миру,

пространству и вещам; раньше, чем в коллективистических культурах, формирует с ним отношения «на равных». В коллективистических культурах близка дистанция между матерью и ребенком, и эта связь является для ребенка крайне значимой [113, с. 259]. Страх лишиться любви и близости является самым страшным наказанием [там же, с. 128], так как проявления этой связи (близкий телесный контакт, пребывание на руках у матери, ласки, «балованье») приводят к зависимости ребенка от взрослого и прежде всего матери [132, с. 153]. Результатом этих отношений является внимательность и чувствительность китайцев к родным и близким, обходительность и радушие по отношению к гостям [там же, с. 155]. Важно улавливать нюансы эмоционального состояния близких людей, подстраиваться к ним, что невозможно сделать без развитой эмпатии. Не применяя к ребенку физическое наказание, мать выражает боль и разочарование в ответ на его плохое поведение. В результате ребенок, стремясь сохранить отношения с матерью, учится принятым формам поведения, проявлению собственных чувств, способам реагирования на чужие чувства. В Китае «любовь, доброжелательность и уважение к родителям» [113, с. 263-264] являются важными правилами поведения ребенка, которому внушается, что «не может быть никогда вознаграждено то, что сделали для него родители» [150, с. 148]. Таким образом, родитель, и в первую очередь *мать*, является важнейшим социальным объектом, на который направлена эмпатия личности в коллективистической культуре.

Особое значение S. Myler уделил роли *сиблингов* в формировании опыта сочувствия к другому. Он отметил, что нехватка такого опыта у китайцев, вызванная политикой одного ребенка, приводит к недостаточной эмпатичности в китайском обществе [185]. Таким образом, братья и сестры, воспитывающиеся вместе и получающие друг от друга опыт понимания и поддержки, также являются важными социальными объектами, на которые направлена эмпатия личности.

Культура влияет на степень эмпатиности по отношению к представителям различных социальных ролей, возрастных групп, людям с какими-либо

особенностями. Например, *пожилой человек* воспринимается как социальный объект, достойный уважения как в Китае, так и в России [124, с. 11]. Однако нормы, требующие внимательного и уважительного отношения, не обязательно предполагают возникновение эмоционального отклика по отношению к определенному социальному объекту.

В Китае социальная иерархия, распределение социальных ролей в обществе, не считается случайным. Рольевые характеристики скорее воспринимаются как личностные особенности другого, что объясняет разницу по отношению к представителям различных социальных ролей. «Справедливость» в контексте гармонии, значимой в китайском обществе, понимается как пребывание каждого на месте, на котором он родился, неукоснительное выполнение своей социальной роли. По мнению Конфуция, все люди связаны между собой целой системой связей [113, с. 124]. Например, даже если отец не прав, сын должен почтительно принять его решение. «Когда общество ориентировано именно так, социально рольевые ожидания или культурные традиции рассматриваются скорее как приближение к сути бытия или к воспринимаемому естественному праву, чем просто как социальные построения. Люди рассматриваются как естественная составляющая социального целого, а их удовлетворение воспринимается как тесно связанное с благополучием общества» [там же, с. 265].

В Китае особое значение имеет *статус личности в обществе*. Первой иерархией являются отношения «родитель – ребенок». Четкие и многообразные модели поведения определяют то, какие, когда, где и с кем возможны проявления эмпатии. Понимание другого в сложных культурах также происходит в терминах его социальных ролей, личностные особенности партнера по общению и его позиция, заданные, например, профессиональной ролью, отделяются друг от друга. Даже способы именованья человека зависят от его возраста и социального статуса [92].

Кроме социальных объектов, на которые направлена эмпатия, культура определяет объекты, по отношению к которым эмпатия снижена. В Китае таким объектом являются *животные*. Животные (тем более их эмоциональное

состояние) не заслуживают внимания в Китае, они скорее рассматриваются как источник пищи, а не субъект, нуждающийся в сочувствии [150, с. 173, с. 194].

Культура обуславливает характеристики другого, эмпатические маркеры, которые могут облегчить процесс эмпатии, показывая личности, что социальный объект входит в группу тех, на кого нужно реагировать эмпатически. Например, важным фактором проявления сочувствия к другому может быть степень его виновности в ситуации. Невинный человек, попавший в трудную ситуацию в силу обстоятельств (например, жертва стихийного бедствия), будет вызывать больше сочувствия.

Межкультурная коммуникация способствует расширению списка эмпатических маркеров и выработке универсальных форм поведения, что постепенно изменяет культуру. Новый опыт запускает процесс изменения традиционных и приобретения новых схем [103, с. 104]. Однако традиционные культурные особенности вчувствования, вмысливания и поведения продолжают играть огромную роль в жизнедеятельности личности. Поэтому так важно изучать эмпатию с точки зрения влияния культурного фактора, исследуя специфические особенности, которые необходимо учитывать при межкультурном контакте, и универсалии, являющиеся основой понимания представителя другой культуры.

Итак, по отношению к различным объектам эмпатия может быть выражена по-разному. В процессе социализации в рамках определенной культурной общности закрепляется перечень значимых социальных объектов, по отношению к которым эмпатия возникает чаще. Наиболее показательной категорией при сравнении представителей культур с доминирующей коллективистической или индивидуалистической установкой является представитель аут-группы. Таким образом, включив в определение эмпатии категорию направленности, мы можем полностью сформулировать определение этого общепсихологического феномена. Мы понимаем эмпатию как свойство личности, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления, направленное на определенный социальный объект и представленное на двух уровнях: базовом и культурно-обусловленном.

Выводы по первой главе

По результатам теоретического исследования были сделаны следующие выводы:

1. В соответствии с задачами исследования, теории эмпатии, описанные в психологической литературе, были разделены на две группы: личностно-центрированные (объясняющие изменения, происходящие в личности эмпата при взаимодействии с переживающим другим) и социоцентрированные (позволяющие анализировать точность понимания и реконструкции внутреннего мира переживающего эмпатом). Социоцентрированный подход дает возможность исследовать формирование механизмов эмпатии (таких как эмоционально-социальная децентрация, сочувствие, понимание) в процессе социализации, в том числе под влиянием культурного фактора. Развитие эмпатии идет по пути усложнения от более простых механизмов с постепенным включением все более сложных, позволяющих точнее понимать партнера по общению, превращаясь в высшую психическую функцию.

2. Культура является источником развития эмпатии как высшей психической функции. Такие измерения культуры, как коллективизм – индивидуализм, открытость – закрытость и простота – сложность помогают проанализировать влияние культуры на эмпатию как свойство личности. Под воздействием культурного фактора в эмпатии формируются универсалии и культурно-обусловленные особенности. Универсалии являются общими для представителей различных культур. Они основаны на биологических и общекультурных механизмах и первыми проявляются в онтогенезе. Культурно-обусловленные особенности формируются в онтогенезе позднее, в процессе социализации в рамках определенной культурной общности. Это позволяет нам рассматривать эмпатию на двух уровнях: базовом (состоящем из универсалий) и культурно-обусловленном. Культурный фактор оказывает влияние на эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления эмпатии.

3. Направленность эмпатии является культурно-обусловленной. Культура задает перечень социальных объектов, на которые направлена эмпатия (быстрее возникает глубокая эмпатия или проявляется эмпатическое поведение), и, наоборот, объектов, по отношению к которым возникновение эмпатии будет затруднено. Незнакомый человек (представитель аут-группы по какому-либо признаку) является наиболее показательным социальным объектом для анализа влияния культурного фактора на эмпатию.

Таким образом, мы понимаем эмпатию как свойство личности, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления, направленное на определенный социальный объект и представленное на двух уровнях: базовом и культурно-обусловленном. Эмоциональными проявлениями являются эмоциональное резонирование с переживаниями другого и формирование собственного эмоционального отклика, когнитивными – точное понимание внутреннего мира другого, поведенческие представлены выбором определенной стратегии взаимодействия с другим.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Характеристика выборки исследования

Исследование проводилось в два этапа. Всего в исследовании приняли участие 415 студентов, юношей и девушек (табл. 1).

Таблица 1 – Состав выборки исследования (в количестве человек)

Этап исследования	Группа	Девушки	Юноши	Всего
Монокультурный	Помогающая	101	15	116
	Коммуникативная	95	9	104
	Техническая	48	43	91
	Всего	244	67	311
Кросс-культурный	Студенты из России	31	21	52
	Студенты из Китая	31	21	52
	Всего	62	42	104
В целом по выборке		306	109	415

На **монокультурном этапе** в исследовании приняли участие студенты 2–4 курсов Уральского федерального университета и Уральского государственного педагогического университета. Выборка составила 311 человек в возрастном диапазоне от 18 до 22 лет. Респонденты были разбиты на три группы в зависимости от направленности обучения (Приложение А, табл. А.1).

Первую группу составили представители помогающих профессий, для которых целью деятельности является благополучие другого, в том числе и эмоциональное (*Помогающая группа*). Для этой группы респондентов эмпатия является профессионально важным качеством, поэтому предполагался более высокий уровень развития эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов эмпатии (особенно у психологов) в сравнении с представителями других групп. С другой стороны, это связано с предположением о том, что поступать на специальности этой группы будут абитуриенты с достаточно высоко развитыми эмпатическими способностями, а также выраженной установкой на эмпатию и альтруистическое поведение. С другой стороны, обучение

представителей помогающей направленности связано с развитием их эмпатических способностей. В эту группу вошли студенты – будущие психологи, социальные работники и дефектологи.

Вторую группу, *Коммуникативную*, составили студенты, в будущей профессиональной деятельности которых важную роль играет эффективная коммуникация с другим, но благополучие другого при этом является средством достижения других целей. Например, получение информации, повышение производительности труда или продажа своего товара. Развитие коммуникативных навыков представителей этой группы предполагает в том числе формирование внимания по отношению к другому, умение замечать и интерпретировать невербальные проявления его чувств, понимать его мотивы и предсказывать поведение, то есть развитие прежде всего когнитивного компонента эмпатии. Группа состояла из будущих журналистов, менеджеров по туризму и менеджеров по персоналу.

Третья группа представлена студентами, обучающимися на химиков и теплоэнергетиков. Она была названа *Техническая*. Эмпатия не имеет значения для будущей деятельности студентов данной группы, так как их профессии не предполагают непосредственной коммуникации с другими и входят в группы человек-техника и человек-знак [61].

Монокультурный этап позволил исследовать роль внешнего фактора (направленности обучения) в степени выраженности эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии и уточнить список использованных на втором этапе методик.

На втором, **кросс-культурном**, этапе было проведено исследование, в котором приняли участие 104 человека: 52 студента из Китая и 52 из России (Приложение А, табл. А.2). Все респонденты обучались в Уральском федеральном университете.

Выбор России и Китая для сравнения обусловлен двумя причинами. Во-первых, происходит интенсификация сотрудничества между странами и поиск эффективных способов построения межкультурного диалога [95]. Во-вторых,

Россия и Китай представляют собой два типа культуры, имеющие выраженные особенности: западную и восточную [157]. Поэтому кросс-культурное исследование представителей этих стран дало возможность выявить значительное количество культурно-обусловленных особенностей в содержании и направленности эмпатии. Это позволило расширить представление об исследуемом феномене и рассмотреть два его уровня: базовый и культурно-обусловленный.

Все студенты китайской выборки являются гражданами Китая, они родились в этой стране, китайский язык является родным для каждого из них, все они приехали в Россию после школы изучать русский язык. Приехав в Россию, китайские студенты, несомненно, прошли процесс адаптации, при котором достаточно легко понимаются правила поведения в обществе, но гораздо труднее «происходит усвоение чужих культурных норм и обычаев» [156, с. 43]. Эмпатия как базовое свойство личности [17] сохраняет свою культурную самобытность, несмотря на адаптацию к жизни в другой стране. Таким образом, несмотря на то, что респонденты из Китая проживают в России, наша выборка является подходящей для кросс-культурного исследования.

Все респонденты российской выборки, соответственно, граждане России, рожденные и проживающие в нашей стране, русский является их родным языком. Выборка российских студентов была рандомизирована по полу и возрасту. Включение аспирантов в российскую выборку обосновано тем, что студенты из Китая в среднем старше студентов из России, так как перед поступлением они проходят дополнительные курсы изучения русского языка.

Мы определяем нашу выборку через аспект культуры, а не этноса: россияне (граждане России) и китайцы (граждане Китая). В Китае, как и в России, проживает большое количество этнических групп, обобщающим фактором для которых является гражданство и общий государственный язык, социализация в рамках культуры одной страны. Соответственно, проведенное исследование является не этнографическим, но кросс-культурным [42, с. 305].

Данный этап позволил выявить сходства и различия среди эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии и ее направленности на различные социальные объекты у представителей обеих стран. Проявления, по которым были обнаружены достоверные различия между выборками, мы интерпретировали как культурно-обусловленные особенности эмпатии. Проявления, сходные у респондентов обеих стран, рассматривались нами как эмпатические универсалии. Конечно, в данном контексте мы используем понятие «универсалия» весьма ограниченно. Мы исследуем небольшое количество респондентов одного возраста (студенческого) всего двух культурных групп. Поэтому полученные в ходе практического исследования сходства невозможно рассматривать в качестве универсалий, как они были определены вслед за J. W. Berry с соавторами в теоретической части работы [169, с. 4]. Однако наше исследование призвано иллюстрировать выдвинутые нами положения: существуют универсалии и культурно-обусловленные особенности эмпатии, которые позволят рассматривать это феномен на двух уровнях – базовом и культурно-обусловленном. Именно поэтому анализ результатов проводится нами с использованием этих понятий.

Все студенты проходили исследование на добровольной основе, в китайской выборке был только один отказ. Студент отказался заполнять методики, объяснив это трудностью выбора однозначного ответа, не передающего многообразие его поведения. Однако он принял участие в интервью. В российской выборке отказов не было. Исследование проводилось с 2012 по 2015 гг.

2.2. Организационные методы исследования

Целью работы стало выявление универсалий и культурно-обусловленных особенностей эмпатии у студентов из России и Китая.

Исследование проводилось в два этапа.

Монокультурный этап позволил выбрать направление исследования, уточнить цель и задачи работы, а также определиться с выбором эмпирических методов для проведения кросс-культурного этапа. Перед нами стояла задача исследования особенностей эмпатии, обусловленных спецификой обучения студентов. Для этого было проведено сравнительное исследование эмпатии у студентов с различной направленностью обучения. Среди студентов различных специальностей были обнаружены как сходства, так и отличия в различных компонентах эмпатии. Сходства объяснимы наличием общих факторов: культурным и возрастным. Различия – выбором определенной специализации и обучения на ней (освоением специальных учебных дисциплин, формированием профессиональных установок). Было сделано предположение о том, что культурный фактор как фактор более общий, чем направленность обучения, в результате социализации оказывает большее влияние на содержание эмпатии. Так же было принято решение изменить список используемых эмпирических методик (этот аспект будет подробнее раскрыт в следующем пункте нашей работы).

Кросс-культурный этап представлял собой проведение непосредственно кросс-культурного исследования как одного из видов экспериментального сравнительного исследования. Этот метод предполагает межгрупповое сравнение естественных или отобранных групп [42, с. 305]. Кросс-культурное исследование направлено на выявление детерминации общегрупповых особенностей «социокультурными факторами, специфическими для каждой из сравниваемых этнокультурных общностей» [там же, с. 152]. Интерпретация полученных различий между группами (эмик-элементов эмпатии) проводилась с точки зрения влияния культурного фактора. Кросс-культурное исследование позволяет выйти за пределы представлений одной этнографической группы и получить принципиально новый результат, связанный с обогащением знаний об исследуемом феномене [69, с. 194]. Таким образом, исследование было направлено прежде всего на углубленное изучение феномена эмпатии. Выявление особенностей эмпатии представителей Китая не было главной задачей нашей работы.

Первая задача состояла в выявлении универсалий и культурно-обусловленных особенностей в эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлениях эмпатии у студентов из России и Китая. В рамках решения этой задачи предполагалось проверить *первую гипотезу* исследования: среди эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии у представителей России и Китая есть как универсалии, так и культурно-обусловленные особенности. Эмоциональные проявления эмпатии более выражены у студентов из России, тогда как когнитивные – у студентов из Китая. Основанием для выдвижения этой гипотезы выступили представления о высокой эмоциональности русской культуры [111] и значимости интуиции в китайской [81].

Второй эмпирической задачей было исследование кросс-культурных особенностей направленности эмпатии на различные социальные объекты. Это предполагало проверку *второй гипотезы*: направленность эмпатии на незнакомого и малознакомого человека является культурно-обусловленной и более выражена у российских студентов. Для решения этой задачи было произведено сравнение выраженности эмпатии по отношению к различным социальным объектам у студентов из России и Китая. В результате стало возможно обнаружить социальные объекты, на которые эмпатия направлена одинаково сильно у представителей обеих групп, и объекты, на которые направленность эмпатии выражена по-разному. В каждой выборке были выявлены социальные объекты, по отношению к которым эмпатия выражена сильнее, чем к другим, и объекты, на которые эмпатия направлена в меньшей степени. В ряду этих объектов особую роль занимает незнакомый и малознакомый человек, выраженность эмпатии по отношению к которому зависит от такого параметра культуры, как индивидуализм – коллективизм, задающего разницу в отношении к людям ин- и аут-группы [67]. Значимость данного социального объекта в рамках нашего исследования была обоснована в теоретической части работы.

Третья эмпирическая задача заключалась в изучении взаимосвязи направленности эмпатии с ее эмоциональными и когнитивными проявлениями у студентов обеих стран. Решение этой задачи предполагало проверку *третьей гипотезы*: эмпатия, направленная на определенный социальный объект, связана у студентов из России и Китая с разными ее проявлениями (эмоциональными или когнитивными). Для решения данной задачи были применены методы корреляционного и факторного анализа. Была выявлена корреляционная структура особенностей эмпатии (проявлений эмпатии и направленности эмпатии на различные социальные объекты) отдельно для каждой выборки. Проанализированы эффекты факторов культуры и пола, а также их межфакторного взаимодействия на содержание и направленность эмпатии.

Таким образом, общей **гипотезой** исследования выступило предположение о том, что существуют универсалии и культурно-обусловленные особенности в содержательных проявлениях эмпатии (эмоциональных, когнитивных и поведенческих) и ее направленности на определенный социальный объект.

2.3. Эмпирические методы и их обоснование

На **монокультурном** этапе исследования был применен следующий диагностический инструментарий: «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко [9, с. 120-123], «Опросник по изучению эмпатии» А. Меграбиана [110, с. 618-624] и «Методика определения уровня рефлексивности» А. В. Карпова и В. В. Пономаревой [55, 108]. Охарактеризуем каждую методику.

«Диагностика уровня эмпатических способностей»

В. В. Бойко

Эмпатия по В. В. Бойко представляет собой «форму рационально-эмоционально-интуитивного отражения другого человека, которая позволяет преодолеть его психологическую защиту и постичь причины и следствия самопроявлений – свойств, состояний, реакций – в целях прогнозирования и

адекватного воздействия на его поведения» [9, с.117]. Тест состоит из 36 утверждений, которые опрашиваемый оценивает по дихотомической шкале. Автор выделяет шесть шкал, позволяющих исследовать все компоненты эмпатии. Эмоциональный компонент исследуется с помощью шкал «Эмоциональный канал» (способность сочувствовать) и «Идентификация» (умение переносить себя в ситуацию другого и сопереживать себе в этой ситуации). Когнитивный компонент можно исследовать с помощью шкал «Рациональный канал» (направленность когнитивных процессов на другого), «Интуиция» (интуитивный способ познания другого) и «Установки, способствующие эмпатии». Поведенческий компонент отражает шкала «Проникающая способность в эмпатии» (умение создавать атмосферу открытости и доверительности). Методика позволяет диагностировать общий уровень развития эмпатии: очень низкий, заниженный, средний и очень высокий. Общий уровень складывается из суммы баллов по всем шести шкалам. Таким образом, один и тот же уровень у разных респондентов может базироваться на различных шкалах, что дает возможность для определения связи между компонентами эмпатии.

«Опросник для измерения эмоциональной эмпатии» А. Меграбиана

в модификации А. Н. Сухова и А. А. Деркача

Авторами методики являются А. Меграбиан (A. Mehrabian) и Н. Эпштейна (N. Epstein). Методика адаптирована Ю. М. Орловым и Ю. Н. Емельяновым [112, с. 72-75]. Тест направлен на выявление эмоциональной реакции личности на переживания другого. А. Н. Сухов и А. А. Деркач разработали «Опросник Меграбиана по изучению эмпатии», состоящий из 83 вопросов, который и был использован в нашем исследовании. Степень согласия с каждым вопросом-утверждением оценивалась респондентом в регистрационном бланке по шкале от -4 до +4 с шагом в 1 балл. Данный вариант методики позволяет исследовать два компонента эмпатии. Эмоциональный компонент с помощью шкал «Эмпатическая тенденция» (способность к сопереживанию, впечатлительность) и «Сензитивность к отвержению» (способность к возникновению адекватного чувства вины, восприимчивость к критике в свой адрес). Поведенческий

компонент – посредством шкалы «Тенденция к присоединению» (способность к проявлению тепла, дружелюбия, поддержки, оказанию помощи) [78]. Методика позволяет дифференцировать различные аспекты эмоционального канала эмпатии (например, исследовать появление эмоционального отклика в адрес партнера по общению), а также дает возможность более подробно исследовать поведенческий компонент, выраженный в самоотчете о конкретных действиях, а не только о создании определенной атмосферы, как в предыдущей методике.

«Методика диагностики рефлексивности»

А. В. Карпова, В. В. Пономаревой.

Тест, разработанный А. В. Карповым для изучения уровня выраженности свойства рефлексивности, состоит из 27 утверждений, которые оцениваются по 7-балльной шкале. Методика позволяет выявить общий уровень рефлексивности и выраженность четырех ее отдельных видов. Для проведения исследования была использована только одна шкала данной методики: «Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми» [108]. Она позволяет получить информацию о том, насколько выражено у респондента понимание межличностных отношений, причин поступков другого. Методика приведена в соответствие с требованиями психометрики и стандартизована на возрастном диапазоне 16–30 лет. Данная методика была использована для исследования способности к рефлексии как одного из механизмов когнитивного компонента эмпатии.

Шкалы методик позволили диагностировать все компоненты эмпатии. Для диагностики *эмоционального компонента* использовались шкалы «Эмоциональный канал» и «Идентификация в эмпатии» (В. В. Бойко), а также шкалы «Эмпатическая тенденция» и «Сензитивность к отвержению» (А. Меграбиан). *Когнитивный компонент* исследовался с помощью шкал «Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми» (А. В. Карпов и В. В. Пономарева), «Рациональный канал», «Интуитивный канал», «Установки, способствующие эмпатии» (В. В. Бойко). Для исследования *поведенческого компонента* были применены шкалы «Проникающая способность в эмпатии» (В. В. Бойко) и «Тенденция к присоединению» (А. Меграбиан). Анализ каждого

компонента проводился комплексно по всем шкалам, включенным в этот компонент.

В результате проведения первого этапа был сделан ряд выводов об использовании диагностического инструментария на кросс-культурном этапе:

1. При проведении пилотажного исследования со студентами из Китая (всего приняли участие три студента) было выявлено, что большой объем вопросов представляет собой значительную трудность для иностранных студентов. Поэтому возникла необходимость сократить количество используемых методик и применить только те, которые непосредственно направлены на исследование эмпатии. По этой причине мы были вынуждены отказаться от методики А. В. Карпова. Методика А. Меграбиана оказалась слишком объемной и вследствие этого трудной для представителей другой языковой группы. Кроме того, она дала меньше всего информации о различиях между группами на монокультурном этапе. В процессе работы над выбранной темой исследования была обнаружена модификация методики В. В. Бойко, сделанная самим автором методики и О. А. Клиценко. Она включает в себя меньше вопросов, чем классический вариант, и соответствует требованиям психометрики. Поэтому было принято решение применить на втором этапе исследования именно ее.

2. В процессе проведения теоретического исследования выяснилось, что необходимо диагностировать не только общие показатели эмпатии, но и направленность эмпатии по отношению к различным социальным объектам. Однако инструментарий, использованный на монокультурном этапе, не давал такой возможности. Для реализации этих целей на кросс-культурном этапе была использована методика И. М. Юсупова.

3. Также мы пришли к выводу, что использованные на монокультурном этапе методики не дают достаточной информации об особенностях поведенческого компонента эмпатии. Тогда как в рамках кросс-культурного исследования этот аспект представлял значительный интерес.

4. Был сделан вывод о том, что такой сложный феномен, как эмпатия, не эффективно исследовать исключительно с помощью количественного метода.

Поэтому было решено использовать качественные методы исследования, позволяющие, помимо получения данных по стратегиям проявления эмпатии, расширить представление о направленности эмпатии на различные социальные объекты и эмпатических маркерах у представителей России и Китая. Кроме того, методики карандаш-бумага, предложенные на русском языке, не включали эмических элементов китайской культуры, тогда как в кросс-культурном исследовании необходимо получить данные об уникальном, особенном содержании изучаемого феномена в обеих выборках [137, с.118]. Для восполнения этого пробела было проведено формализованное интервью с открытыми вопросами, разработанное автором работы. Его вопросы были достаточно широки и направлены на получение информации об особенностях эмпатии китайских студентов.

Таким образом, для проведения **кросс-культурного этапа** исследования был подобран следующий психодиагностический инструментарий: «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко в модификации В. В. Бойко и О. А. Клиценко [10], «Тест эмпатийного потенциала личности» И. М. Юсупова [161, с. 187-192], авторское интервью с открытыми вопросами, экспертная оценка знаний русского языка китайскими студентами.

*«Методика диагностики уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко
(в модификации В. В. Бойко и О. А. Клиценко)*

В процессе модификации оригинального варианта методики был создан вопросник, содержащий всего 32 вопроса с дихотомической шкалой ответов и включающий всего два показателя (Приложение Б). Шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание» (ЭОП) измеряет способность человека эмоционально откликаться на переживания другого и постигать смысл этих состояний для самого переживающего. Шкала «Непроизвольное внимание и интуиция» (НВИ) отражает способность человека проявлять немотивированное внимание к субъектной реальности другого и пользоваться интуицией при понимании партнера по общению. Интегративный показатель эмпатии в данном варианте методики может быть интерпретирован с точки зрения «зоны» эмпатии

(дефицита, нормы, амбивалентности и деформации) в зависимости от сочетания показателей шкал ЭОП и НВИ. В. В. Бойко считает, что эмпатия проявляется только при сочетании эмоциональных и когнитивных проявлений в определенной пропорции. При дефиците обоих компонентов эмпатия практически отсутствует, а при избытке эмоциональности эмпатия искажается (зона деформации) либо становится амбивалентной, то есть двойственной и противоречивой характеристикой индивида, что затрудняет прогнозирование ее роли в восприятии другого. Шкалы методики направлены на исследование эмоциональных (ЭОП) и когнитивных (НВИ) проявлений сочувствия как высшей развернутой формы эмпатии.

«Тест эмпатийного потенциала личности»

И. М. Юсупова

Методика И. М. Юсупова была использована для исследования направленности эмпатии на различные социальные объекты (Приложение Б). Автор понимает под эмпатией взаимодействие образно-чувственного и логического познания, происходящее благодаря эмоциональному резонансу с партнером по общению [162]. Таким образом, методика основана на интегративном подходе к пониманию феномена эмпатии. Текст методики состоит из 36 утверждений, которые нужно оценить по 5-балльной шкале. Методика имеет показатели надежности и валидности, она позволяет проверить ответы респондента на искренность и учесть фактор социальной желательности [161, с. 106-113]. Тест позволяет выявить общий уровень эмпатии (очень низкий, низкий, нормальный, высокий и очень высокий) и выраженность эмпатии по отношению к шести различным социальным объектам (к родителям, детям, пожилым людям, животным, героям художественных произведений, а также незнакомым и малознакомым людям). На сегодняшний день это наиболее известная русскоязычная методика, которая позволяет исследовать направленность эмпатии, которая может быть задана культурным фактором.

Авторское формализованное интервью с открытыми вопросами

Интервью позволило нам получить не только количественные, но и качественные данные по теме исследования, а также уточнить результаты, полученные по номотетическим методикам [86, с. 116-138]. В частности, было значительно расширено представление о социальных объектах, на которые направлена эмпатия, и об эмпатических маркерах у представителей России и Китая. Также появилась возможность исследовать поведенческий компонент эмпатии, так как в настоящее время в отечественной психологии отсутствуют стандартизированные методики, непосредственно направленные на качественное исследование способов выражения эмпатии, хотя разработка такого инструментария ведется [151].

В интервью были включены следующие вопросы:

1. Кому вы чаще всего сочувствуете?
2. В каких ситуациях вы сочувствуете людям?
3. Что вы делаете, когда испытываете сочувствие?
4. Представьте такую ситуацию: у вашего друга (подруги) что-то случилось, он(она) очень расстроен(а), он(а) очень переживает, может быть плачет. Что вы будете делать в такой ситуации?
5. Кому вы чаще всего сочувствуете: русским (китайцам) или иностранцам?

Перед началом исследования был проведен пилотаж (в котором приняли участие три студента из Китая), позволивший сформулировать вопросы максимально кратко и понятно для респондентов из Китая. В формулировке вопросов интервью слово «эмпатия» было заменено на слово «сочувствие». В психологической литературе Т. П. Гаврилова, А. А. Бодалев и другие разделяли сочувствие и сопереживание как две формы проявления эмпатии. Мы исследовали сочувствие как высшую форму развития эмпатии. Кроме того, «сочувствие» в отличие от понятия «эмпатия» было знакомо нашим иностранным респондентам.

Для исследования стратегий проявления сочувствия необходимо было выбрать социальный объект, одинаково значимый для представителей России и

Китая. Кроме того, в культуре обеих стран не должно было быть жестких традиционных стратегий выражения сочувствия по отношению к этому объекту. Поэтому незнакомый человек и родитель не могли выступить объектами для четвертого вопроса интервью. В результате в качестве социального объекта был выбран друг: дружба представляет ценность для представителей обеих культур и в Китае отсутствуют строгие правила проявления сочувствия по отношению к другу.

Интервью проводилось на русском языке (Приложение В). В литературе встречаются описания результатов проведения психологического исследования с китайскими студентами, изучающими русский язык, на русском [82]. Процедура перевода вопросов на китайский язык при работе со студентами из Китая не проводилась. При переводе смысл вопросов подвергся бы искажению и в результате в двух выборках были бы исследованы различные феномены, что исключило бы возможность сравнения результатов обеих выборок друг с другом (в китайском языке, например, сочувствие к различным социальным объектам обозначается разными иероглифами). К сожалению, в современной психологии отсутствуют методики, соответствующие критерию культурной универсальности.

Данные, полученные в результате интервью, были обработаны с помощью контент-анализа (Приложение Г). Этот метод позволил проанализировать содержание ответов респондентов, выявить категории, которые они сами применяют, описывая собственный эмпатический опыт, объединить категории в группы и сравнить частоту их использования у студентов обеих групп [16, с. 134-136].

Респонденты из Китая владеют русским языком достаточно для того, чтобы сформулировать ответ на вопросы интервью и оценить утверждения опросников. Для того чтобы исключить влияние степени владения русским языком на результаты выполнения вопросников и прохождения процедуры интервью, была проведена экспертная оценка знаний русского языка.

Экспертная оценка знаний русского языка китайскими студентами

Знания русского языка каждого студента из Китая независимо друг от друга оценивали два преподавателя, непосредственно работающие со ними. Всего в исследовании приняли участие шесть преподавателей кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета. Оценка проводилась по следующим параметрам: устная речь, понимание устной речи, понимание письменной речи. Оценка проводилась по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 – минимальное владение языком, а 10 – максимальное (Приложение В). Средний результат экспертной оценки сравнивался с самооценкой студентов по этим же параметрам.

Таким образом, используемый инструментарий позволил нам исследовать все три компонента эмпатии, направленность эмпатии на различные социальные объекты и связь между этими параметрами.

Рассмотрим распределение шкал методик и вопросов интервью по компонентам эмпатии. Для диагностики *эмоциональных проявлений* применялась шкала «ЭОП» (модифицированный опросник В. В. Бойко) и отчет об эмоциональной реакции на переживания другого, полученные в вопросе № 4 интервью. *Когнитивные проявления* исследовались с помощью шкалы «НВИ» (модифицированный тест В. В. Бойко) и вопросов № 1, 2 и 5 интервью. Вопросы интервью № 3, 4 и 5 направлены на исследование *поведенческого компонента* эмпатии. Направленность эмпатии изучалась с помощью отдельных шкал методики И. М. Юсупова.

Процедура сбора данных на кросс-культурном этапе включала две серии. Сначала проводилось групповое обследование с применением бланковых методик. Работа в обеих выборках проводилась в минигруппах до 10 человек. После этого индивидуально проводилось интервью. С разрешения респондентов результаты записывались на диктофон или стенографировались автором работы. Студенты из Китая имели возможность пользоваться словарем.

2.4. Методы математико-статистической обработки полученных данных

Для проверки нормальности распределения был использован критерий Колмогорова – Смирнова (Приложение Д, табл. Д.1, Д.2, Д.3; Приложение Е, табл. Е.1, Е.2).

Обработка результатов **монокультурного этапа** проходила с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Применение этого метода позволило выявить достоверно-значимые различия между группами студентов с разной профессиональной направленностью обучения по отдельным особенностям эмпатии. Метод допустим при исследовании больших выборок, тогда как критерий Манна – Уитни не целесообразен в группах более 60 человек [125, с. 50].

Для проверки эмпирических гипотез на **кросс-культурном этапе** исследования использовались как количественные, так и качественные методы обработки данных.

Качественно-количественным методом выступил контент-анализ, позволяющий выявить качественные, культурно своеобразные категории в ответах респондентов на вопросы интервью и перевести эти категории в количественные показатели для дальнейшей обработки и анализа (Приложение Г). Результаты интервью сравнивались с помощью углового преобразования Фишера (ϕ^*).

Сравнение результатов студентов из России и Китая, а также юношей и девушек обеих стран осуществлялось с помощью однофакторного дисперсионного анализа [88, с. 62].

Для выявления наиболее показательных различий между представителями России и Китая мы сравнили их ответы на отдельные вопросы методик В. В. Бойко и И. М. Юсупова. Для этого был использован непараметрический U-критерий Манна – Уитни. Параметры выборки делают возможным применение данного критерия [125, с. 50].

В качестве метода корреляционного анализа использовался критерий корреляции Спирмена [94, 152]. Он позволил проанализировать связи между когнитивными и эмоциональными проявлениями эмпатии с одной стороны, и направленностью эмпатии на различные социальные объекты, с другой.

Факторный и двухфакторный дисперсионный анализ позволили нам получить дополнительную информацию об исследуемом феномене. Факторный анализ (по методу главных компонент, с последующим вращением по типу *Varimax normalized*) был использован для выявления факторной структуры исследуемого феномена отдельно в каждой выборке. Двухфакторный анализ был использован для исследования эффектов факторов культуры и пола на различные проявления эмпатии и их межфакторного взаимодействия [35, с. 277-288]. В качестве первого фактора выступила культура, а в качестве второго – половая принадлежность респондентов. Таким образом независимыми переменными в нашем исследовании являются культура и пол, а зависимыми – шкалы методик В. В. Бойко и И. М. Юсупова.

Для обработки первичных данных использовался программный статистический пакет *Statistica 6.0*. Интерпретация данных проходила в русле структурного подхода.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМПАТИИ У СТУДЕНТОВ ИЗ РОССИИ И КИТАЯ

3.1. Исследование выраженности эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии у студентов из России и Китая

3.1.1. Результаты исследования проявлений эмпатии на монокультурном этапе

Обратимся к результатам первого, монокультурного этапа исследования, которое легло в основу изучения кросс-культурных особенностей эмпатии.

На этом этапе была поставлена задача эмпирического изучения отдельных компонентов эмпатии. Данные были проанализированы с точки зрения различий между группами студентов с различной направленностью обучения по каждому компоненту эмпатии (табл. 2).

Таблица 2 – Итоги сравнения выраженности проявлений эмпатии у студентов с разной направленностью обучения, однофакторный дисперсионный анализ

Проявления эмпатии	Показатель	Пом. – Ком.		Ком. – Тех.		Пом. – Тех.	
		F	p	F	p	F	p
Эмоциональные	Сензитивность к отвержению	1,24	0,266	1,61	0,205	0,12	0,730
	Эмпатическая тенденция	2,72	0,101	9,60	0,002	23,13	0,000
	Эмоциональный канал	5,10	0,025	1,16	0,283	10,72	0,001
	Идентификация в эмпатии	0,00	0,986	9,74	0,002	8,36	0,004
Когнитивные	Рефлексия общения	0,02	0,885	3,97	0,048	4,64	0,032
	Рациональный канал	4,34	0,038	3,61	0,059	0,00	0,994
	Интуитивный канал	0,09	0,759	1,41	0,237	0,81	0,369
	Установки, способствующие эмпатии	0,04	0,848	2,99	0,085	3,49	0,063
Поведенческие	Проникающая способность	0,19	0,660	5,23	0,023	3,13	0,078
	Тенденция к присоединению	0,05	0,830	0,77	0,383	1,47	0,227

Примечание: Пом. – Помогающая (N = 116); Ком. – Коммуникативная (N = 104); Тех. – Техническая (N = 91).

Наиболее чувствительными к влиянию фактора профессиональной направленности студентов являются эмоциональные проявления эмпатии. Это согласуется с результатами сравнения эмоциональных особенностей у студентов психологов и юристов [141]. Способность сочувствовать («Эмоциональный канал») оказалась отличительным признаком студентов помогающей группы: она развита достоверно выше, чем у остальных участников исследования. Необходимо заметить, что студенты помогающих профессий и будущие педагоги нередко становятся объектом изучения эмпатии как профессионально-важного качества [85], в том числе и с точки зрения формирования эмпатии с помощью различных психолого-педагогических средств [37, 60, 64, 145, 153, 163].

У студентов технической группы достоверно хуже развиты впечатлительность и способность к сопереживанию («Эмпатическая тенденция»), а также идентификация в эмпатии, чем у представителей двух других групп. Это означает, что студенты технических специальностей наименее склонны формировать собственный эмоциональный отклик в ответ на переживания партнера по общению. Вероятно, они предпочитают скорее когнитивный ответ или помощь без эмоциональной вовлеченности.

Необходимо отметить, что половину технической группы составили юноши, тогда как две другие группы преимущественно состоят из девушек. Согласно данным эмпирических исследований девушки демонстрируют более выраженную эмпатийность по сравнению с юношами при использовании эмпирических методов, содержащих категории, входящие в тезаурус понятия «эмпатия» [174]. Ю. А. Менджерицкая видит причину этих различий в страхе юношей не соответствовать гендерной роли [83]. В целом полученные нами результаты согласуются с этими данными (Приложение Д, табл. Д.4, Д.5, Д.6). Мы полагаем, что полученные различия в выраженности эмоциональных проявлений обусловлены гендерным фактором: девушки предпочитают выбирать профессии, связанные с общением и помощью другим людям в процессе коммуникации, считая, что они обладают более развитыми способностями к этим видам деятельности. Тогда как юноши предпочитают технические специальности,

не связанные с коммуникацией и тем более с проявлением сочувствия и оказанием эмоциональной поддержки как неотъемлемой части профессии. Таким образом, гендерный фактор и фактор профессиональной направленности усиливают друг друга. То есть девушки со слабо выраженными проявлениями эмпатии скорее предпочтут профессии технической направленности, процесс освоения которых не будет способствовать развитию их эмпатийного потенциала. И, наоборот, высокоэмпатийные девушки выберут, например, помогающие профессии, обучение которым направлено на развитие способности понимать партнера по общению и формирование установок, способствующих эмпатии.

Для студентов Коммуникативной группы характерна такая же особенность: у юношей менее выражены результаты по шкалам эмоционального компонента, чем у девушек. Однако в Помогаящей группе средние результаты юношей по шкалам эмоционального компонента практически не отличаются от результатов девушек. Группа юношей, обучающихся профессиям помогающей направленности, по средним значениям отличается от юношей остальных групп, особенно по эмоциональному компоненту эмпатии (Приложение Д, табл. Д.4). Возможно, это связано с тем, что юноши выбирают помогающую профессию более осознанно, чем девушки, так как это направление соответствует женской гендерной роли. Поэтому юношей, обучающихся на специальностях помогающей и коммуникативной направленности, гораздо меньше, чем девушек. К сожалению, большая разница в численности юношей и девушек в Помогаящей и Коммуникативной группах затрудняет исследование гендерных различий с помощью математических методов анализа.

В когнитивном компоненте наиболее чувствительной оказалась шкала «Рефлексия в общении». По этой шкале студенты Технической группы также показали достоверно более низкие результаты по сравнению с остальными группами. Они способны направлять когнитивные процессы на собеседника также, как представители Помогаящей и Коммуникативной групп («Рациональный канал»). Однако понимание межличностных отношений и адекватная интерпретация поведения партнера по общению (что измеряет шкала

«Рефлексия в общении») развиты у них хуже. Возможно, это связано с тем, что они слабо задействуют эмоциональные механизмы, дающие возможность при дефиците информации о другом проникнуть в его внутренний мир и соприкоснуться с его чувствами [162, с. 23].

В поведенческом компоненте представители Коммуникативной группы показали наиболее высокий уровень развития способности создавать атмосферу открытости и доверительности, являющейся для них профессионально важным качеством. Достоверные различия получены между представителями Коммуникативной и Технической групп.

Итак, мы можем констатировать факт влияния профессиональной направленности обучения на выраженность компонентов эмпатии за счет двух факторов. Во-первых, степень развития определенных способностей (в данном случае мы говорим о степени выраженности проявлений эмпатии) является одним из факторов выбора направленности обучения. Во-вторых, содержание обучения на определенной специальности позволяет зафиксировать внимание на важных для эмпатии аспектах человеческих отношений, сформировать профессиональные установки, развить навыки, необходимые для проявления поведенческого компонента эмпатии.

По ряду шкал отличия между группами обнаружены не были. Прежде всего это одна шкала эмоционального компонента – «Сензитивность к отвержению», диагностирующая возникновение адекватного чувства вины при взаимодействии с другим. Также две шкалы когнитивного компонента – «Интуитивный канал» и «Установки, способствующие эмпатии», хотя ожидалось, что по установкам, формирующимся в процессе обучения, у студентов помогающей группы результаты будут выше. Кроме того, шкала поведенческого компонента – «Тенденция к присоединению» (способность к проявлению тепла, дружелюбия и поддержки) не выявила различий между группами. Соответственно, мы можем утверждать, что на эти эмпатические проявления направленность обучения влияния не оказывает.

Итак, полученные в результате проведения монокультурного этапа исследования данные позволили удостовериться в том, что эмпатию возможно описать как состоящую из трех компонентов: эмоционального, когнитивного и поведенческого. Было выявлено, что фактор профессиональной направленности оказывает влияние на выраженность проявлений эмпатии. Эмоциональный компонент оказался наиболее «чувствительным» к влиянию фактора профессиональной направленности личности. С одной стороны, это влияние обусловлено содержанием учебного процесса, с другой – сам выбор направленности обучения может быть следствием знания собственных способностей и личностных особенностей студентами. В результате мы пришли к выводу, что на эмпатические проявления влияет фактор более общий – культурный.

3.1.2. Анализ результатов кросс-культурного исследования проявлений эмпатии

Решение первой задачи нашего исследования предполагает выявление универсалий и культурно-обусловленных особенностей в эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлениях эмпатии у студентов из России и Китая. Для решения данной задачи рассмотрим полученные результаты отдельно в каждом из проявлений эмпатии.

Эмоциональные проявления изучались с помощью шкалы «Эмоциональная отзывчивость и понимание» (ЭОП) методики В. В. Бойко и интервью (Приложение Е, табл. Е.3). По шкале ЭОП было получено достоверное различие между выборками ($F = 6,74$ при $p = 0,011$): российские студенты имеют достоверно более высокий уровень эмоциональной отзывчивости и понимания по сравнению со студентами из Китая, то есть у них более развита способность эмоционально откликаться на переживания другого и проникать в эти переживания посредством эмоций, постигая смысл этих состояний для другого. Можно предположить, что речь идет о механизме вчувствования. Это

соответствует представлениям о высокой эмоциональности представителей русской культуры [111, с. 182, с. 187].

Эмоциональный аспект эмпатии иллюстрируют два вопроса, по которым между выборками были получены достоверные различия. Китайским студентам трудно понять, почему пустяки могут сильно огорчать людей (в утверждении № 32 методики В. В. Бойко $U_{\text{экс}} = 832 < U_{\text{кр}} = 993$ при $p < 0,01$) и они считают, что «фильмы и книги могут вызвать слезы только у несерьезных людей» (в утверждении № 20 методики И. М. Юсупова $U_{\text{экс}} = 1058 < U_{\text{кр}} = 1098$ при $p < 0,05$). Оценка этих утверждений демонстрирует факт, описанный в литературе: роль эмоций в китайском обществе ниже, чем в российском, проявления эмоций находятся под контролем, и для того чтобы испытывать сильные эмоции, а особенно демонстрировать их, нужна серьезная причина [150, с. 131]. Это подтверждают различия, обнаруженные в ответах респондентов на утверждение № 12 методики В. В. Бойко: студенты из Китая реже рассуждают о причинах поступков близких людей, тогда как 100 % российских респондентов выбрали противоположный ответ ($U_{\text{экс}} = 832 < U_{\text{кр}} = 993$ при $p < 0,01$).

В интервью респондентам были заданы два вопроса, которые касались проявления сочувствия (третий и четвертый вопросы интервью):

- «Что вы делаете, когда испытываете сочувствие?»
- «Представьте такую ситуацию: у вашего друга (подруги) что-то случилось, он (она) очень расстроен(а), он(а) очень переживает, может быть плачет. Что вы будете делать в этой ситуации?»

В ответах на эти вопросы нами была выделена группа категорий, с помощью которых респонденты описывали собственные эмоциональные реакции, происходящие в ответ на переживание другого («сама чувствую так же», «падает настроение», отчет о том, что возникают чувство жалости, сочувствие, грусть, желание плакать, радость за кого-то и тому подобное) (Приложение Г). Мы назвали эту категорию *эмоциональный отклик* и обнаружили, что российские студенты достоверно чаще отчитываются о его возникновении ($\varphi^* = 1,79$ при $p = 0,037$). Это может объясняться тем, что китайские респонденты рассматривали

ответ на поставленные выше вопросы с точки зрения активных действий, и прежде всего искали варианты помощи другому. Эти данные подтверждаются доминированием стратегии действенной помощи в китайской выборке и стратегии работы с эмоциями в российской, что будет описано при анализе поведенческих проявлений эмпатии. Интересно, что респонденты упоминали не только негативные эмоции, но и категории «позитивной эмоциональной эмпатии» [139, с. 145].

Китайские респонденты в интервью утверждали, что по отношению к русским легче испытывать сочувствие, так как выражение эмоций у них соответствует тем чувствам, которые они испытывают, словесные формулировки чаще соответствуют мыслям и чувствам человека: «китайцы хитрые», а «русские прямые». Российские студенты не скрывают эмоций, поэтому легко понять, радуются они или грустят. Поведение россиян соответствует «норме аутентичности», то есть в отношении них действует «предположение о том, что действия личности и внешние проявления поведения соответствуют ее внутреннему состоянию» [113, с. 403]. В китайской культуре, напротив, личность пытается «сохранить лицо» [131, с. 52], скрывая эмоции часто даже от близких (например, родители от детей). Общение в Китае часто происходит в виде намеков, которые должны быть правильно истолкованы [150, с. 95-96]. На востоке «людям следует выражать свои чувства соответственно ситуации» [113, с. 535], а не искренне и прямо. В китайском обществе допустимо рассогласование между тем, что чувствует, думает и делает личность [44, с. 146-148]. Например, возможно говорить неправду ради соблюдения правил приличия: китаец может обещать, что придет на встречу, не собираясь этого делать. Отказать, глядя в глаза собеседнику, неприлично. Эту особенность можно назвать инконгруэнтностью.

Кроме того, экспрессия россиян развита лучше, чем у представителей Китая [111, с. 187] [150, с. 101]. Россияне не только чаще интенсивно реагируют на переживания партнера по общению, но и более экспрессивно выражают свои чувства. С одной стороны, это значительно облегчает понимание и служит улучшению межкультурной коммуникации, частично компенсируя трудности

понимания вербальной информации. С другой стороны, россияне для китайцев могут казаться невоспитанными и несдержанными, прямое выражение своих чувств может восприниматься как неучтивость и удивлять людей в Китае.

В. В. Бойко обращает внимание на значимость связи между эмоциональными и когнитивными проявлениями эмпатии. Его методика дает возможность анализировать зоны эмпатии, демонстрирующие адекватность сочетания ее эмоциональных и когнитивных проявлений (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение показателей по зонам эмпатии в методике В. В. Бойко (N 1 = 52; N 2 = 52), в %

Группа респондентов	Зона эмпатии			
	Дефицит	Норма	Амбивалентность	Деформация
Студенты из Китая	1,9	86,6	7,7	3,8
Студенты из России	0	78,9	9,6	11,5

Большинство результатов респондентов попадает в зону нормы, то есть сочетание эмоциональных и когнитивных проявлений у этих респондентов является «идеальным». В. В. Бойко считает, что эмоциональный компонент «как бы надстраивается над когнитивным» [10, с. 15]. Иными словами, в основе эмпатии лежит прежде всего направленность внимания и интуиция, а эмоциональная реакция на переживания другого – это своего рода следующий шаг после работы когнитивных механизмов. С этой точки зрения доминирование эмоционального аспекта над когнитивным рассматривается как деформация эмпатии. В зону деформации попадают результаты 11,5 % студентов из России. Вероятно, избыточная эмоциональность редуцирует эмпатическое понимание и способствует возникновению эмпатического отклика без должного проникновения во внутренний мир переживающего другого, без реконструкции системы его смыслов, а значит, без должного понимания эмоционального состояния другого. Люди с эмпатией в зоне деформации всегда готовы, например, к жалости. Но эта эмоциональная реакция не основана на эмпатическом

понимании другого как субъекта, а является установочной реакцией сопереживания (например, «мне всегда жалко пожилых людей»).

Итак, эмоциональные проявления эмпатии более выражены у студентов из России: российские респонденты более склонны эмоционально откликаться на переживания другого и чаще формируют эмоциональный отклик, эмоциональная сфера является для них более значимой, чем для студентов из Китая. Это позволяет нам утверждать, что *высокая эмоциональность* является культурно-обусловленной особенностью российской выборки. Это говорит о том, что культурный фактор оказывает значительное влияние на эмоциональные проявления эмпатии.

Результаты исследования **когнитивных проявлений** эмпатии основаны на данных шкалы «Непроизвольного внимания и интуиции» (НВИ) методики В. В. Бойко, диапазон значений по которой у российских респондентов шире ($1 \div 15$), чем у респондентов из Китая ($4 \div 12$) (Приложение Е, табл. Е.1, Е.2). При этом распределение результатов шкалы НВИ в китайской выборке плосковершинное, тогда как в российской оно приближается к нормальному. Это говорит о том, что ответы студентов из Китая менее однозначны и не имеют какой-то одной наиболее часто встречающейся выраженности, а распределены по нескольким наиболее популярным ответам. То есть мы наблюдаем разнообразие в строго определенных рамках.

Ожидалось, что по непроизвольному вниманию и интуиции достоверно выше будут результаты китайских студентов, так как развитую интуицию рассматривают как необходимую особенность для установления социальных отношений в Китае [150, с. 96]. Однако достоверных различий между группами обнаружено не было, а средние результаты китайских студентов оказались даже ниже результатов студентов из России (Приложение Е, табл. Е.3). Полученные результаты частично опровергают первую гипотезу. Это можно объяснить тем, что в вопросах данной шкалы не уточняется, об отношении к какому именно социальному объекту идет речь, тогда как для респондентов из Китая этот вопрос является принципиальным. Поэтому можно констатировать, что данная методика

не исследует конструкт интуиции так, как она понимается в Китае, так как речь идет о незнакомом человеке в целом без указания на его возраст, пол и социальный статус. Это подтверждает необходимость исследовать эмпатию по отношению к различным социальным объектам.

С одной стороны, полученные данные ставят вопрос о возможности применения данного диагностического инструментария в кросс-культурных исследованиях. Методика В. В. Бойко не является универсальной, она стандартизирована на российских студентах и вербализована в терминах понимания эмпатических особенностей, характерных для России. С другой стороны, для наших респондентов из Китая актуальными являются нормы именно российской культуры, так как они живут и учатся в нашей стране. Практическое значение нашей работы заключается в составлении рекомендаций, помогающих студентам из Китая адаптироваться к жизни и учебе в России, в том числе и в плане межличностных отношений, для которых очень важна эмпатия (Приложение Ж).

Таким образом, можно сказать о том, что кросс-культурные различия обуславливают значимость другого, необходимую степень внимания к его внутреннему миру, определяют, насколько другой важен для эмпата как личность. Без внимания к другому, без спонтанного интереса к его внутреннему миру, сложно почувствовать его эмоциональное состояние, сосредоточиться на его переживаниях. Возможно, в Китае не принято относиться к внутреннему миру другого как к чему-то важному. Исключение составляют только близкие отношения. Различия в эмпатии по отношению к различным социальным объектам будут рассмотрены в следующем пункте работы.

Когнитивные проявления эмпатии исследовались также с помощью второго вопроса интервью: «В каких ситуациях вы сочувствуете людям?». Отвечая на этот вопрос, респонденты описывали особенности ситуации, в которую попал другой, его характеристики или собственные особенности. Эти признаки, индикаторы, ориентировочные знаки мы назвали эмпатическими маркерами и дали характеристику этому понятию в теоретической части работы. Среди маркеров

нами были выделены объективные и субъективные. Объективные маркеры описывают то, что может объективно наблюдать эмпат: характеристики ситуации, те обстоятельства, в которые попал другой, то, что он говорит или делает. Субъективные маркеры, наоборот, описывают эмоции, отношения и личностные особенности участников взаимодействия (Приложение Г).

Среди *объективных маркеров* прежде всего была выделена группа ситуаций, разбитая, в свою очередь, на три подгруппы: социальные (проблемы в сфере общения, непонимание, конфликты), конкретные ситуации (конкретные примеры, которые приводили респонденты: «потерял ценную вещь», «стало плохо на улице» и другое) и сферы, в которых происходят какие-то проблемы и которые по мнению респондентов являются наиболее эмпатогенными (семья, работа, учеба, здоровье и так далее).

Часто респонденты давали характеристику ситуации, в которой оказался другой: «трудная», «беда», «что-то плохое», так же использовались такие характеристики, как «неудача», «опасная», «безвыходная» ситуация.

Необходимость помощи выступила последней категорией, вошедшей в группу объективных маркеров. В эту категорию вошли, с одной стороны, маркеры объективной необходимости помощи («видно, что нужна помощь»), а с другой – просьба о помощи, высказанная другим (табл. 4).

Таблица 4 – Частота встречаемости объективных эмпатических маркеров, угловое преобразование Фишера (N 1 = 52; N 2 = 52)

Эмпатический маркер		%		Значение ϕ^*
		Студенты из России	Студенты из Китая	
Ситуации	Социальные	36,5	17,3	2,24**
	Конкретные	11,5	5,8	1,05
	Сферы	57,7	38,5	1,97**
Характеристики ситуации		63,5	51,9	1,20
Необходимость помощи		13,5	11,5	0,31

Примечание: p – уровень значимости; * – p < 0,1; ** – p < 0,05; *** – p < 0,01.

Определяя ситуации, в которых наиболее вероятно сочувствие, респонденты обеих групп чаще всего перечисляли сферы, в которых другой

испытывает какие-то трудности. Россияне достоверно чаще рассматривали трудности в социальной сфере как повод посочувствовать другому. Под трудностями в социальной сфере понималось возникновение конфликтных ситуаций и переживания другого по этому поводу. Возможно, такая разница между выборками при сочувствии в конфликтной ситуации связана с различным отношением к конфликту в культурах. В русской культуре не принято бояться конфликтов, люди часто вступают в конфронтацию друг с другом, причем допустимо это делать «на людях». Вкупе с высокой эмоциональностью это делает конфликтную ситуацию эмпагогенной для россиян: они сочувствуют участникам конфликтов. В китайской культуре, напротив. «Опасение обидеть, оскорбить, обременить другого человека – характерная черта речевого поведения китайцев» [124, с. 10]. Человек, не сумевший избежать конфронтации, может восприниматься китайцами как недостаточно постаравшийся для этого, не компетентный и, соответственно, не вполне заслуживающий сочувствия.

Также были обнаружены два универсальных объективных маркера: ориентация на негативные характеристики ситуации и необходимость помощи другому. Больше половины участников каждой группы, не вдаваясь в подробности, описали негативные характеристики ситуации, которая вызывает сочувствие к попавшему в нее другому. Это подтверждает идею Т. П. Гавриловой о том, что эмпатия проявляется и изучается чаще в ситуации неблагополучия другого [31, с. 108]. Практически одинаковое количество респондентов ориентируются на необходимость помощи другому. Очевидно, что просьба о помощи и внешние проявления ее необходимости в данный конкретный момент, являются универсальным объективным эмпатическим маркером как в российской, так и в китайской выборках, что подтверждается теоретическими данными [132, с. 226]. Просьба о помощи со стороны другого уменьшает социальную дистанцию до объекта, который становится вследствие этого более «близким». А «близость» является значимым маркером сочувствия для обеих групп (в следующем пункте этот вопрос будет рассмотрен на примере друзей и родственников).

Далее рассмотрим результаты исследования значимости *субъективных эмпатических маркеров*. К ним были отнесены эмоции другого, особенности другого и особенности «Я».

Во-первых, респонденты описывали эмоции другого как повод посочувствовать ему. Прежде всего упоминались грусть, печаль, плач как их выражение, а также страх, гнев, радость и другие эмоциональные состояния.

В группу особенностей другого были объединены такие характеристики, как «невиновный в ситуации», «беспомощный», а также имеющий положительные личностные характеристики («хороший», «добрый» и так далее).

Интересную группу составили категории, в совокупности названные нами «Особенности Я». С одной стороны, респонденты говорили о том, что ситуация другого должна быть им понятна («со мной тоже такое было», «могу поставить себя на место другого человека», «понятная мне ситуация»), вызывать какие-то чувства («пугает меня»), а, с другой стороны, у личности должна быть возможность помочь другому («могу помочь») (табл. 5).

Таблица 5 – Частота встречаемости субъективных эмпатических маркеров, угловое преобразование Фишера (N 1 = 52; N 2 = 52)

Эмпатический маркер	%		Значение ϕ^*
	Студенты из России	Студенты из Китая	
Эмоции другого	51,9	38,5	1,38*
Особенности другого	23,1	15,4	1,0
Особенности «Я»	15,4	1,9	2,7***

Примечание: p – уровень значимости; * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Среди субъективных маркеров в обеих выборках чаще упоминают маркер «Эмоции другого» (в выборке студентов из России $\phi^* = 3,09$ при $p < 0,000$, в выборке студентов из Китая $\phi^* = 2,71$ при $p = 0,002$). Проявление эмоций является более значимым маркером для российской выборки (различие на уровне тенденций). При анализе эмоциональных проявлений эмпатии было обнаружено, что студенты из Китая одной из особенностей русских, облегчающих сочувствие

в их адрес, упоминают свободное проявление эмоций («на лице то же самое, что на душе»). Таким образом, китайцы менее привычны ориентироваться на демонстрацию эмоций другим, больше внимания уделяя контексту ситуации, для чего необходима высокая степень «единомыслия», формирующаяся у китайцев в процессе социализации [150, с. 95].

Вторым по частоте упоминания маркером стали особенности другого. Они в равной степени важны для представителей обеих выборок, так как между ними не было обнаружено различий по данному аспекту. Студенты обращают внимание на то, чтобы другой не был сам создателем ситуации, по поводу которой переживает («не виноват») и был «хорошим, добрым» человеком. Таким образом, этот маркер является универсальным.

Единственное различие между группами было обнаружено в частоте упоминания такого маркера, как особенности «Я»: российские студенты особенности собственной личности упоминали достоверно чаще, чем китайские. Возможно, сочувствие для россиян является более субъективным механизмом: хочу – сочувствую, не хочу – не сочувствую. Такую особенность эмпатии российских студентов мы назвали индивидуализированностью. Тогда как для китайцев это скорее социально зависимая характеристика: в некоторых ситуациях и к определенным людям сочувствие необходимо испытывать в любом случае, вне зависимости от собственных мыслей и чувств. Вышесказанное позволяет сделать вывод о большей стандартизованности эмпатии у представителей Китая.

Сравнение частоты упоминания объективных и субъективных маркеров отдельно в выборках России и Китая подтверждает этот факт. Оказалось, что объективный маркер «Характеристики ситуации» упоминается в китайской выборке чаще на уровне тенденций ($\phi^* = 1,38$ при $p = 0,084$) по сравнению со следующими по частоте встречаемости маркерами: «Сферами» и «Эмоциями другого». Тогда как в российской выборке наиболее предпочтительного маркера обнаружено не было: различия между наиболее упоминаемыми маркерами «Характеристики ситуации» и «Сферы» $\phi^* = 0,61$ при $p > 0,10$.

Система правил и норм облегчает китайцам ориентацию в обществе и способствует гармоничному сосуществованию огромного количества людей на ограниченной территории. В России же принято больше ориентироваться на собственную интуицию, эмоции и желания. В этом смысле особенности российской выборки соответствуют представлениям об индивидуалистической культуре, представители которой скорее действуют в соответствии с собственными установками, полагаются на свою интуицию и поэтому могут проявлять эмпатическое поведение, не свойственное данной культуре. Это может представлять трудность для китайцев при взаимодействии с русскими людьми, и особенно при проживании и обучении в России. Китайские студенты нуждаются в системе знаний о мыслях, чувствах и поведении, позволяющих ориентироваться в отношениях с незнакомыми людьми в России, в стране, в которой от посторонних ожидается внимание, участие и помощь [111, с. 100-105].

Можно сделать вывод о том, что среди когнитивных проявлений эмпатии у представителей китайской и российской выборок выявлены как универсалии, так и культурно-обусловленные особенности. Универсалиями являются такие эмпатические маркеры, как трудность ситуации и необходимость помощи другому, а также особенности другого. Таким образом, студенты обеих стран склонны сочувствовать «хорошему человеку, оказавшемуся в беде и нуждающемуся в помощи». Специфическими особенностями китайской выборки, обусловленными культурным фактором, является стандартизованность когнитивного компонента эмпатии. Тогда как специфической особенностью российской выборки является ориентация на особенности «Я» – индивидуализированность эмпатии.

Исследование **поведенческих проявлений** позволило выявить стратегии проявления эмпатии, наиболее характерные для представителей России и Китая. Этот аспект был исследован с помощью третьего и четвертого вопросов интервью (Приложение Г).

Российские студенты давали более развернутые ответы именно на эти вопросы по сравнению с другими вопросами интервью и упоминали большее

количество категорий, иллюстрирующих различные стратегии. В итоге на 6,9 категорий в среднем у каждого российского студента пришлось всего 3,6 категорий у студента из Китая. В остальных вопросах разница в количестве категорий была меньше. Полученная разница между количеством категорий в ответах на разные вопросы не позволила нам рассматривать полученные различия между выборками по стратегиям проявления сочувствия исключительно с точки зрения большого словарного запаса студентов российской выборки по сравнению со студентами из Китая. Российские студенты подробно описывали свои действия (что они скажут, как будут себя вести), что демонстрирует значимость проявления эмпатии для них. Китайские студенты чаще всего давали короткие ответы, не вдаваясь в подробности, описывали ситуацию, перечисляя ключевые слова без деталей. В связи с этой разницей мы проанализировали стратегии проявления эмпатии не с точки зрения различий между группами (так как за счет разницы в количестве категорий частота упоминания каждой стратегии достоверно выше у российских респондентов), а с точки зрения их преобладания в каждой выборке.

Прежде всего была выделена группа *вербальных стратегий*, упомянутая практически одинаковым числом респондентов в обеих выборках – 65,4 % китайцев и 61,5 % россиян. В эту стратегию были включены следующие категории: «разговаривать», «приятные слова», «рассказать о своих проблемах». Это те категории, которые нельзя точно отнести к стратегиям когнитивной группы или работе с эмоциями, описанным ниже. Мы не выделяли вербальную стратегию среди основных, так как практически все нижеперечисленные стратегии предполагают ту или иную вербальную форму взаимодействия. Возможно, китайские респонденты не смогли точно обозначить стратегии, описать свое поведение, поэтому некоторые из них останавливались на категориях, включенных в эту группу. Например, «буду разговаривать», но о чем, непонятно. Российские же студенты чаще всего далее уточняли, о чем именно они будут говорить.

В результате контент-анализа были выделены следующие стратегии проявления сочувствия: работа с эмоциями другого, когнитивные стратегии,

действенная помощь и совместная деятельность с другим. Охарактеризуем каждую из них, а затем сравним их значимость у представителей России и Китая.

Работа с эмоциями другого представлена категориями, в которых упоминались различные аспекты эмоциональной сферы или действия, направленные на «нормализацию душевного состояния» [151, с. 213] партнера по общению: «дать выплеснуть эмоции», «моральная (или словесная) поддержка», «утешить», «успокоить», «поднять настроение», «позаботиться» и так далее. Целью данной стратегии является изменение эмоционального состояния переживающего другого путем непосредственной работы с его чувствами.

В группу *когнитивных стратегий* были включены такие категории, как «понять ситуацию», «дать совет», «надо двигаться вперед», «рациональный анализ», «помощь в поиске решения», «разложить по полочкам» и другое. В эту группу вошли стратегии рационального анализа проблемы, выяснение причины сложившейся ситуации с тем, чтобы другой не повторил свой негативный опыт снова, реструктурирование ситуации, поиск позитивных аспектов в сложившемся положении, помощь в определении путей выхода из ситуации. Стратегия призвана помочь другому сделать ситуацию более определенной, посмотреть на нее иначе – так, чтобы она перестала быть настолько драматичной.

Третьей выделенной стратегией является *действенная помощь* другому. В данной выборке это были конкретные действия, направленные на изменение ситуации, в которой оказался другой («помогу», «помогу сделать то, что не получается»), помощь деньгами («дам деньги», «помогу материально») и едой («дам еду», «накормлю», «напою чаем»).

Последней стратегией является *совместная деятельность с другим* («гулять вместе», «угостить», «пить вместе чай», «быть рядом», «все брошу и приеду», «играть в бадминтон»). К этой стратегии были отнесены категории, в которых непосредственно упоминается взаимодействие с другим и пребывание с ним рядом. Хотя совместное времяпровождение подразумевают практически все вышеописанные стратегии, ряд респондентов подчеркивал категорию «вместе», то есть пространственную и деятельную сопричастность с другим, разделение тем

самым бременем его переживаний. Можно констатировать, что студенты, упоминающие категории этой группы, считают, что переживающему будет легче, если рядом с ним будет другой человек (чаще всего друг).

Итак, в обеих выборках был получен одинаковый перечень стратегий. Это позволило нам предположить, что выделенные стратегии являются универсальными способами выражения сочувствия по отношению к переживающему другому для представителей обеих групп. Однако частота встречаемости этих стратегий оказалась различной, то есть подверженной влиянию культурного фактора (табл. 6).

Таблица 6 – Предпочитаемые стратегии проявления сочувствия, угловое преобразование Фишера (N 1 = 52; N 2 = 52)

Стратегия проявления сочувствия	%		Значение ϕ^*	p
	Студенты из России	Студенты из Китая		
Работа с эмоциями	96,2	42,3	6,8	0,000
Когнитивные стратегии	88,5	46,2	4,87	0,000
Действенная помощь	75	59,6	1,68	0,046
Совместная деятельность	57,7	32,7	2,59	0,003

Сначала рассмотрим наиболее упоминаемые стратегии в каждой группе.

Практически все респонденты из России (96,2 % от общей выборки) указали на то, что будут *работать с эмоциями* переживающего другого, тогда как среди китайских респондентов эта стратегия заняла только третье место. Результаты показывают, что для россиян более значимо эмоциональное состояние партнера и они готовы работать с этим состоянием «напрямую», разговаривая о чувствах. Эта стратегия оказалась доминирующей в российской выборке на уровне тенденции: по сравнению с второй по частоте упоминания группой когнитивных стратегий $\phi^* = 1,52$ при $p = 0,064$. Россияне видят проблему именно в переживаниях партнера по общению и направляют усилия на облегчение этих переживаний. Тогда как для китайцев повышение настроения может быть «побочным эффектом» от совместного времяпровождения или оказания конкретной помощи.

Работа с эмоциями может сопровождаться *телесным контактом* («обниму», «похлопаю по плечу», «буду держать за руку») с переживающим другим. Этот аспект упомянули 17,3 % студентов из России и всего 5,8 % студентов из Китая ($\varphi^* = 1,90$ при $p = 0,028$). Вероятнее всего, не все респонденты выделяли его отдельно: эмоциональная поддержка могла подразумевать телесный контакт. Полученные данные согласуются с представлениями о высокой контактности русской культуры [111, с. 61]. Для представителей России более, чем для представителей Китая, допустимо и даже необходимо дотрагиваться до переживающего другого в процессе выражения сочувствия, оказания эмоциональной поддержки.

Действенная помощь является доминирующей стратегией в китайской выборке на уровне тенденций: по сравнению с второй по частоте упоминания группой когнитивных стратегий $\varphi^* = 1,37$ при $p = 0,085$. Действенная помощь стоит на третьем месте у российских студентов. Вероятно, китайцы считают, что другой нуждается прежде всего в реальном изменении ситуации, в которой оказался, и обращается друг скорее за действенной помощью, нежели за эмоциональной поддержкой или помощью в анализе ситуации. Российские студенты часто решают, могут ли они помочь, и какая именно помощь необходима («если смогу что-то сделать, то, конечно, сделаю», «если я смогу помочь»). У китайских студентов такое уточнение не звучало. Наиболее вероятным вариантом оказания помощи для китайских студентов является материальная помощь («дать денег»): об этом заявили девять человек, тогда как в российской выборке об этом упомянул только один респондент ($\varphi^* = 2,96$ при $p < 0,000$). Возможно, это связано с разным отношением к деньгам в исследуемых культурах: в России менее принято давать в долг друзьям, чем в Китае. Оказание материальной помощи может восприниматься студентами из Китая как вариант, требующий минимальных усилий.

Вторая по частоте упоминания стратегия для обеих выборок – *когнитивная*. Вероятно, представители обеих групп считают важным провести анализ проблемы, помочь другому разобраться в ситуации.

Последнее место в обеих выборках занимает стратегия *совместной деятельности*. Китайские студенты чаще рассматривали эту стратегию как попытку отвлечь друга от его переживаний («пойдем гулять», «по магазинам», «пойдем на танцы»), что подтверждается ответами на вопрос № 30 методики В. В. Бойко, по результатам которого было выявлено достоверное различие между группами: студенты из Китая предпочитают перевести разговор на другую тему, если друг начинает рассказывать о неприятностях ($U_{\text{экс}} = 936 < U_{\text{кр}} = 993$ при $p < 0,01$). Российские студенты чаще всего говорили о присутствии рядом в процессе переживаний друга («уводить от одиночества», «он не один, я рядом»).

Итак, российские студенты предпочитают работать с эмоциями переживающего другого, утешать, успокаивать его, в том числе с помощью телесного контакта, стараются поднять настроение, вывести его из острого эмоционального состояния, чтобы «привести в состояние разума». Это позволяет нам назвать эмпатию российских студентов эмоциентрированной. Чуть реже они используют когнитивные стратегии – пытаются понять ситуацию, причины, ее вызвавшие, найти пути выхода из ситуации, дать совет. Если есть возможность – оказывают действенную помощь. Если такой возможности нет – стараются просто быть рядом, проявляя заботу и участие.

Китайские студенты настроены прежде всего на оказание действенной помощи. Некоторые китайские респонденты не упоминали больше никаких стратегий, кроме недифференцированной вербальной стратегии и стратегии действенной помощи. Понимание ситуации и поиск выхода из сложившегося положения студенты из Китая упоминали наравне с эмоциональными стратегиями. Важным в китайской выборке является взаимодействие, совместная деятельность с другим. Таким образом, проявление эмпатии у китайских студентов более действенно, чем у российских, так как китайцы предпочитают помощь всем остальным стратегиям. Но если нет возможности исправить ситуацию, китайский студент может чувствовать себя растерянным, испытывая трудности в работе непосредственно с эмоциями переживающего другого.

Помимо стратегий выражения сочувствия, описанных выше, в результате контент-анализа был выделен ряд дополнительных категорий, отнесенных к поведенческому компоненту эмпатии.

Во-первых, такой категорией является *ориентация на другого*. В нее были сведены ответы, в которых респонденты упоминали о том, что форма проявления сочувствия должна быть выбрана с учетом состояния переживающего и предлагали различные стратегии в зависимости от потребностей другого (молча быть рядом или говорить, помочь или не вмешиваться). Эту категорию упомянули 21,2 % российских студентов и только одна китайка (1,9 % от выборки китайских студентов) ($\varphi^* = 3,47$ при $p < 0,000$). Это подтверждает данные о стандартизованности эмпатии студентов из Китая, описанные при анализе когнитивных проявлений эмпатии. Стратегии утешения в Китае более стандартизованы и ориентированы на социальный статус личности, нежели на особенности ее переживаний и потребностей. Усвоив правила выражения сочувствия в процессе социализации, китаец знает, как именно нужно проявлять сочувствие в различных ситуациях с людьми разного пола, возраста и социального положения. В России же таких правил меньше, поэтому русские скорее склонны ориентироваться на потребности партнера по общению и собственную интуицию, выбирая наиболее подходящую стратегию проявления сочувствия в каждой конкретной ситуации. Поэтому китайские студенты нуждаются в систематизации знаний о способах выражения сочувствия, принятых в России, с тем, чтобы, с одной стороны, более адекватно выражать собственные чувства по отношению к русским, и, с другой стороны, понимать и принимать сочувствие, которое выражают русские по отношению к ним. Ориентация на другого иллюстрирует регуляционный аспект эмпатии. Выражение и глубина эмпатии регулируется у китайских студентов правилами и нормами, а у российских – потребностями переживающего другого.

Универсальной является частота упоминания *трудностей*, которые испытывают в процессе выражения сочувствия респонденты обеих групп («не знаю, что делать», «теряюсь», «не показываю», что сочувствую). Об этом

упоминают 17,3 % россиян и 11,5 % китайцев ($\phi^* = 0,85$ при $p > 0,10$). Трудности, которые описывали китайские респонденты, не связаны с языковым барьером, так как вопрос касался друга, и респонденты из Китая чаще говорили о соотечественнике. S. F. Myler отметил, что китайцам не достает сочувствия, они с трудом понимают переживания других людей [185]. Он объяснил это двумя причинами. Во-первых, политикой одного ребенка, которая делает невозможной формирование эмпатической реакции путем наблюдения за переживаниями сиблингов в трудных ситуациях и утверждает эгоистическую мотивацию. А во-вторых, перенаселенностью Китая, что приводит к представлению о другом как в первую очередь о конкуренте. Однако такое мнение не кажется нам исчерпывающим. Возможно, респонденты из Китая более аккуратно относятся к внутреннему миру другого, представляя его уникальным и не торопятся расположиться там «как дома» [121, с. 428-430]. В межличностном общении китайцам свойственна деликатность и максимальная точность в понимании другого. А в интерпретации его чувств легко ошибиться, что может привести к утрате гармонии в общении с другим. Возможно поэтому китайцы предпочитают строить отношения, основываясь на объективных категориях (статус партнера по общению, характеристики ситуации), нежели на собственной интуиции в понимании переживаний другого, которое может быть ошибочным. Однако внимание к точности понимания партнера по общению и правильности выражения сочувствия характерно и для россиян. В России аспект выражения сочувствия, оказания поддержки (по крайней мере, эмоциональной) очень важен: нужно не усугубить состояние партнера по общению, а облегчить его. При этом нет четких схем и алгоритмов выражения сочувствия. Необходимо «попасть», точно сделать то, что хочет переживающий другой, не быть «слоном в посудной лавке». Поэтому, несмотря на отсутствие различий по этому аспекту, трудности россиян и китайцев могут быть обусловлены различными причинами. У россиян меньше стандартных способов реагирования, им труднее выбирать правильную стратегию и находить правильный подход к другому, тогда как китайцы

испытывают трудности прежде всего в эмоциональном аспекте: им труднее вчувствоваться в партнера по общению, и не всегда есть мотивация это делать.

Итак, как в группе российских, так и в группе китайских студентов был обнаружен универсальный перечень стратегий, которые респонденты используют при выражении сочувствия. Это работа с эмоциями, когнитивные стратегии, действенная помощь и совместная деятельность. Однако значимость тех или иных стратегий является культурно-обусловленной. Доминирующей стратегией студентов из России является работа с эмоциями переживающего другого, тогда как китайцы предпочитают стратегию действенной помощи. Таким образом, работа с эмоциями и стратегия действенной помощи являются культурно-обусловленными стратегиями представителей России и Китая соответственно. Студенты из России достоверно чаще используют телесный контакт с переживающим другим. При выборе стратегии проявления сочувствия российские студенты чаще ориентируются на потребности переживающего другого, тогда как китайские студенты на стандарты и нормы, принятые в обществе.

Подводя итоги, можно сказать о том, что первая гипотеза исследования подтвердилась частично: среди эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии у представителей России и Китая есть как универсалии, так и культурно-обусловленные особенности. Эмоциональные проявления эмпатии более выражены у студентов из России. Однако в степени выраженности когнитивных проявлений эмпатии различий обнаружено не было.

3.2. Исследование направленности эмпатии у студентов из России и Китая

3.2.1. Исследование выраженности направленности эмпатии на различные социальные объекты

Следующей задачей нашего исследования стало изучение кросс-культурных особенностей направленности эмпатии на различные социальные объекты. Пункт посвящен проверке второй исследовательской гипотезы: направленность эмпатии на незнакомого и малознакомого человека является культурно-обусловленной и более выражена у российских студентов.

Методика И. М. Юсупова, использованная нами для исследования направленности эмпатии, позволила выявить ее общий уровень, который складывается из выраженности эмпатии по отношению к различным социальным объектам. Из возможных пяти уровней эмпатии в нашей выборке были обнаружены только три. В выборке отсутствуют респонденты с очень низким и очень высоким уровнями эмпатии (табл. 7).

Таблица 7 – Распределение показателей по уровням эмпатии

(N 1 = 52; N 2 = 52), в %

Группа респондентов	Низкий	Средний	Высокий
Студенты из Китая	1,9	94,2	3,8
Студенты из России	1,9	86,5	11,5

Большая часть респондентов имеет средний уровень эмпатии, предполагающий большее внимание к поступкам других, чем ориентацию на свои впечатления, достаточный самоконтроль эмоциональных проявлений, возможные трудности при общении с излишне эмоциональным собеседником, стремление быть понятым партнером по общению, недостаточную способность прогнозировать поступки других.

Однако, для того чтобы понять специфику эмпатии представителей различных культур, недостаточно выяснить ее общий уровень, так как по

отношению к различным объектам глубина и интенсивность эмпатии может быть различной [70, 101]. Например, два респондента могут иметь одинаковый суммарный показатель по методике И. М. Юсупова. При этом один респондент может иметь средний уровень эмпатии по отношению ко всем объектам, тогда как другой может быть чрезвычайно чувствителен к одним объектам и равнодушен к другим. Мы предполагаем, что эти различия могут быть обусловлены влиянием культурного фактора. В реальной ситуации общения с различными социальными объектами эта разница становится существенной, поэтому актуальным является изучение степени выраженности эмпатии по отношению к отдельным социальным объектам.

По результатам методики И. М. Юсупова респонденты обеих выборок продемонстрировали практически одинаковую последовательность социальных объектов по степени выраженности эмпатии (Приложение Е, табл. Е.7). Результаты интервью позволили нам расширить представление о направленности эмпатии и обнаружить объекты, отсутствующие в методике.

Результаты ответа на первый вопрос интервью («Кому вы чаще всего сочувствуете?») показали, что респонденты по-разному подошли к характеристике социальных объектов, вызывающих эмпатию.

Большинство участников исследования (94,2 % российской выборки и 96,2 % китайской) выделяют конкретные категории людей, к которым они испытывают сочувствие. Все они были разделены на четыре группы (Приложение Г).

В *близкое окружение* вошли наиболее значимые люди (родители, друзья, любимые, родные и близкие, «Я»). С них респонденты чаще всего начинали перечисление социальных объектов.

В группу *социальных объектов* были включены следующие категории: незнакомые, девушки, дети, пожилые, герои фильмов и животные. Перечень социальных объектов (кроме девушек), выделенных в результате контент-анализа ответов респондентов, практически совпадает с объектами, выраженность эмпатии к которым измеряет методика И. М. Юсупова.

В группу *нуждающихся* вошли социальные объекты, испытывающие какие-то объективные трудности и потребность в помощи со стороны, так как не могут справиться с проблемой самостоятельно. Это люди, испытывающие материальные трудности (бедные, просящие милостыню, «имеющие проблемы с деньгами»), социальные трудности (одинокое, сироты, безработные, бездомные, «несчастливые в любви»), трудности, связанные с уровнем здоровья (больные, инвалиды), а также жертвы войн и катастроф.

Группа контакта состоит из коллег, соседей и других социальных объектов, с которыми личность периодически взаимодействует, но не имеет значимых отношений.

Однако не все респонденты смогли свести социальные объекты к каким-либо группам. Так, например, 9,6 % российских студентов заявили, что не могут назвать конкретные категории людей, а ориентируются только на другие параметры. Ими, например, могут быть эмпатические маркеры – эмоции другого или характеристика ситуации. Это подтверждает низкую стандартизованность эмпатии российских студентов.

Проанализируем полученные по группам социальных объектов результаты (табл. 8).

Таблица 8 – Группы социальных объектов, к которым чаще всего испытывают сочувствие, угловое преобразование Фишера (N 1 = 52; N 2 = 52)

Группы социальных объектов	%		Значение ϕ^*	p
	Студенты из России	Студенты из Китая		
Близкое окружение	75	48,1	2,87	0,001
Нуждающиеся	46,2	65,4	-1,98	0,023
Социальные объекты	63,5	44,2	1,98	0,023
Группа контакта	15,4	3,8	2,12	0,017
Не выделяют групп	9,6	0	3,20	0,000

По результатам интервью были получены достоверные отличия между студентами двух стран в частоте упоминания всех групп объектов. Китайские респонденты достоверно чаще российских упоминают в качестве объекта для сочувствия нуждающихся. Эта группа является доминирующей в выборке студентов из Китая ($\varphi^* = 1,79$ при $p = 0,037$) по сравнению со следующей по частоте упоминания группой «Близкое окружение». Российские студенты имеют достоверно более высокие результаты по всем остальным группам. Доминирующей группы у респондентов российской выборке не выявлено.

Рассмотрим различия между группами респондентов, полученные по конкретным объектам. В результате сравнения получился список объектов, по которым отсутствуют различия по частоте упоминания (мы рассматриваем их как универсальные), и объектов, по которым были получены достоверные различия между студентами из России и Китая (культурно-обусловленные) (табл. 9).

Таблица 9 – Социальные объекты по результатам интервью,
угловое преобразование Фишера ($N_1 = 52$; $N_2 = 52$)

Группы объектов	Универсальные социальные объекты	Культурно-обусловленные социальные объекты	
		Студенты из России	Студенты из Китая
Близкое окружение	Родители, друзья, Я	Родные и близкие ($\varphi^* = 6,74$ при $p = 0,000$).	
Нуждающиеся	Больные, одинокие, несчастные в любви, инвалиды, жертвы войн и катастроф		Испытывающие финансовые трудности ($\varphi^* = -2,71$ при $p = 0,002$). Безработные ($\varphi^* = -2,0$ при $p = 0,023$). Сироты ($\varphi^* = -1,8$ при $p = 0,036$).
Социальные объекты	Дети, пожилые, герои кино	Животные ($\varphi^* = 1,67$ при $p = 0,047$). Незнакомые ($\varphi^* = 2,40$ при $p = 0,007$).	Девушки ($\varphi^* = -3,2$ при $p = 0,000$).
Группа контакта	Соседи, коллеги, преподаватели	Знакомые ($\varphi^* = 3,53$ при $p = 0,000$). С кем сталкиваюсь ($\varphi^* = 2,48$ при $p = 0,005$).	

Примечательно, что в каждой группе есть как универсальные, так и культурно-обусловленные объекты.

В группе «*Близкое окружение*» **универсальными** социальными объектами оказались родители ($\varphi^* = 0,74$ при $p > 0,10$) и друзья ($\varphi^* = 0,60$ при $p > 0,10$). В обеих выборках наиболее часто в качестве социального объекта эмпатии упоминались родители. По данным Р. О. Агавеляна, полученным на студенческой выборке, многие респонденты ставят родителей на первое место в списке социальных объектов [85, с. 100]. Родители являются наиболее близким и значимым объектом для респондентов как России, так и Китая. Эмоциональная значимость родителей и важность близости с ними обусловлены формированием личности в онтогенезе, в процессе которого члены семьи, и прежде всего родители, играют огромную роль в ее развитии [66]. Так как в культуре обеих стран уважение к родителям и значимость общения с ними, эмоциональная близость и доверие между родителями и детьми, оказание ими помощи и поддержки друг другу, являются важными ценностями [124, с. 11]. Заботливое, включающее эмпатию, отношение родителей к детям основано на инстинкте заботы о потомстве, то есть на биологическом факторе. Отношение же взрослых детей к собственным родителям имеет в основе фактор социальный, а значит, и культурный – культурные нормы, усваиваемые личностью в процессе социализации [135]. Таким образом, эмпатия к родителям представляет собой пример универсалии, имеющей не биологическое, а социально-культурное основание.

По одному вопросу, входящему в шкалу «Эмпатия к родителям», было обнаружено достоверное различие между выборками ($U_{\text{экс}} = 970 < U_{\text{кр}} = 993$ при $p < 0,01$): китайские респонденты считают более верным утверждение, что «Родители относятся к своим детям справедливо» (вопрос № 16 методики И. М. Юсупова). Идея справедливости является важной в китайской культуре, обеспечивая выполнение каждым его социальной функции, что необходимо для гармоничного сосуществования людей друг с другом [113, с. 123-124]. Это подтверждают достоверные различия между выборками по результатам ответов респондентов на вопрос № 14 методики В. В. Бойко: китайские студенты по сравнению с российскими достоверно выше оценивают свою способность

предвидеть то плохое, что может произойти с их близкими ($U_{\text{экс}} = 1066 < U_{\text{кр}} = 1098$ при $p < 0,05$). Причем эти различия между группами были получены за счет результатов юношей. Кроме того, 100 % российских девушек (и только 85,7 % российских юношей) считают, что они сразу замечают, что кто-то из близких переживает, что у него плохо на душе (утверждение № 31 методики В. В. Бойко). У китайских респондентов оценка этого утверждения достоверно ниже ($U_{\text{экс}} = 1040 < U_{\text{кр}} = 1098$ при $p < 0,05$). Это показывает то, что высокая чувствительность по отношению к близким людям (за счет интуиции, анализа микромимики или вчувствования) является значимой в выборке российских респондентов. Респонденты из Китая верят, что смогут предвидеть трудную ситуацию, в которую может попасть близкий, но не считают себя чувствительными к его состоянию.

Друг также является универсальным социальным объектом, что позволило использовать именно этот объект при исследовании предпочтения стратегий проявления эмпатии (четвертый вопрос интервью).

Интересна также категория «Я» ($\phi^* = 0,59$ при $p > 0,10$), упомянутая только юношами (одним китайцем и двумя россиянами). Вероятно, девушки не рассматривают себя в качестве объекта, на который может быть направлена их собственная эмпатия.

Несколько универсалий были обнаружены среди *социальных объектов*. Эта группа занимает второе место по частоте встречаемости в российской выборке и третье в китайской.

Универсальными объектами являются пожилые ($\phi^* = 0,21$ при $p > 0,10$), дети ($\phi^* = 0,59$ при $p > 0,10$) и герои кино ($\phi^* = 0,59$ при $p > 0,10$). По результатам методики И. М. Юсупова, пожилые люди так же являются универсальным объектом: между группами не было выявлено различий по шкале «эмпатия к пожилым». Исключением является утверждение № 33: «Молодежь должна удовлетворять любые просьбы и чудачества стариков», которое китайские студенты считают более верным, чем российские ($U_{\text{экс}} = 1006,5 < U_{\text{кр}} = 1098$ при $p < 0,05$). Для китайской культуры важно соблюдение определенных правил,

удовлетворение желаний пожилых считается проявлением уважения к старшим, что ценится в китайском обществе. В китайской культуре возраст партнера по общению имеет большое значение, причем чем возраст больше, тем более уважительное отношение необходимо ему оказывать [144, с. 58]. С одной стороны, отсутствие различий между группами можно объяснить тем, что в русской культуре уважение к пожилым людям также является важной ценностью. С другой стороны, это может быть связано с политикой одного ребенка в Китае, что привело в настоящее время к изменению структуры семьи и поставило в центр средоточия любви, заботы и принятия единственного ребенка.

Причина отсутствия различий между группами в частоте упоминания героев художественных произведений, вероятно, связана с похожими нормами, которые регулируют отношение к художественным персонажам в культуре обеих стран. Результаты интервью подтверждаются данными по методике И. М. Юсупова.

Таким образом, универсальными объектами являются объекты двух типов по величине социальной дистанции: близкие (родители, друзья и пожилые люди) и дистанцированные (дети и герои художественных произведений). Вслед за Р. О. Агавеляном дети были отнесены нами к психологически «далеким», дистанцированным объектам [85], так как у наших респондентов нет своих детей. Эмпатия по отношению к объектам с различной социальной дистанцией может осуществляться различным образом. Так, например, М. А. Пономарева считает, что кратковременные и долговременные отношения обеспечиваются с помощью различных эмпатических механизмов [109]. Вяткиным Б. А. и Ждановой С. Ю. было показано, что познание индивидуальности малознакомого и хорошо знакомого человека отличается [27]. Мы согласны с тем, что кратковременное сочувствие, эмоциональная поддержка или помощь по отношению к незнакомцу отличаются от длительного построения теплых и близких отношений на основе взаимопонимания. Однако исследование этого вопроса не входит в список задач данного исследования.

Группа *нуждающихся* включает в себя целый ряд универсальных объектов, различия по которым между группами обнаружено не было: это бездомные,

больные, одинокие, несчастные в любви, инвалиды, жертвы войн и катастроф. В *группе контакта* универсальными объектами оказались коллеги, соседи и преподаватели.

Таким образом, у респондентов России и Китая было обнаружено много универсальных объектов, на которые направлена их эмпатия. Больше всего таких объектов относятся к группе нуждающихся, что подтверждает универсальную значимость маркеров объективной трудности ситуации и просьбы со стороны другого. Однако в российской выборке на первый план выходит фактор близости, так как чаще всего в качестве объектов для проявления сочувствия рассматриваются объекты из близкого окружения.

Обратимся к перечню **культурно-обусловленных** объектов, также обнаруженных нами в каждой из выделенных групп (табл. 9).

Культурно-обусловленным объектом среди объектов из *близкого окружения* оказались «Родные и близкие». Этот объект достоверно чаще упоминают российские респонденты. Различия между группами обусловлены тем, что российские студенты гораздо чаще говорили о родных и близких в целом. Китайские студенты склонны проводить категоризацию социальных объектов более четко, чем россияне, что можно объяснить большей жесткостью иерархической системы китайского общества [129, с. 63]. Так, в частоте использования категорий «Родители» и «Друзья» различий выявлено не было. Также нужно иметь в виду, что из-за политики одного ребенка у студентов из Китая в среднем меньше родственников, чем в российской семье, поэтому категория «Родные и близкие» зачастую исчерпывается именно родителями и друзьями.

В группе *социальных объектов* культурно-обусловленными оказались незнакомый человек и животные. Российские студенты достоверно чаще, чем китайцы, упоминали животных в качестве объекта для сочувствия ($\varphi^* = 1,67$ при $p = 0,047$). Россияне объясняли свой выбор тем, что животные беззащитны и слабы, поэтому вызывают сочувствие. В китайских городах завести домашнее животное стоит очень дорого, поэтому мало кто имеет такой опыт

взаимодействия с ним. Кроме того, до недавнего времени животные рассматривались в Китае в основном как источник пищи, что также объясняет различия между выборками по этой категории. Антропоморфизм в отношении животного может вызывать удивление у китайцев и рассматриваться как недостаток близости с людьми, невозможность построить с ними отношения [150, с. 194]. По результатам методики И. М. Юсупова, животные как социальный объект стоят на последнем месте после людей и героев художественных произведений (Приложение Е, табл. Е.7).

Достоверные различия были получены в частоте упоминания незнакомого человека как объекта для сочувствия ($\varphi^* = 2,40$ при $p = 0,007$). Данные подтверждаются анализом результатов методики И. М. Юсупова: российские студенты имеют достоверно более высокий уровень эмпатии по отношению к незнакомцам, чем китайские (Приложение Е, табл. Е.7). Это единственное достоверное различие, полученное между выборками по данной методике. Различия можно объяснить тем, что Ю. Е. Прохоров называет «соборностью» [111, с. 100-105], которая обуславливает значимость общения с незнакомыми людьми, возможность быстрого сокращения дистанции с ними, ожидание помощи от них и помощь им, убеждение в том, что нужно действовать «всемирно» для решения проблем. В России ребенка учат обращать внимание на окружающих, учитывать их мнение, проявлять интерес к жизни посторонних людей.

В Китае не принято относиться к внутреннему миру другого (тем более незнакомого) и его чувствам как к тому, что непосредственно касается личности. При общении необходимо соблюдать должную дистанцию и уважать личные границы собеседника, поэтому китайцы склонны очень четко дифференцировать события на те, которые их не касаются, и те, которые имеют к ним непосредственное отношение («Китаец друг, когда есть дело. Когда дело кончилось... всё... не друг»). Возможно, это вариант психологического самосохранения, защитный механизм, оберегающий от излишнего эмоционального перенапряжения. Перенаселенность и конкуренция, о которых было сказано выше, не способствуют эмпатии по отношению к другому из ау-

группы. Таким образом, в китайской культуре, как в культуре коллективистической, отношения делятся на близкие и «остальные». В Китае в основе отношений с людьми лежит не личный контакт, а, скорее, социальная иерархия общества, в результате чего личность предпочитает строить формальные отношения с незнакомыми людьми, заводить связи, нежели дружбу [129, с. 63]. Например, китайские студенты достоверно чаще избегают разговоров о личном с деловыми партнерами (в утверждении № 15 методики В. В. Бойко $U_{\text{экс}} = 1040 < U_{\text{кр}} = 1098$ при $p < 0,05$).

Разница в отношении к незнакомцам проявилась в следующих вопросах методики И. М. Юсупова: «Мне нравится наблюдать за выражением лиц и поведением незнакомых людей» (вопрос № 21) и «Глядя на постороннего человека, мне хочется угадать, как сложится его жизнь» (вопрос № 24). Между группами обнаружены достоверные различия по этим вопросам: $U_{\text{экс}} = 829 < U_{\text{кр}} = 993$ при $p < 0,01$ и $U_{\text{экс}} = 1010,5 < U_{\text{кр}} = 1098$ при $p < 0,05$ соответственно. Таким образом, россияне более внимательно наблюдают за незнакомыми, их поведением, выражением лица, тогда как в китайской культуре это не принято. То, что для студентов из России важны душевность и близкая дистанция в общении, они более открыты и легче устанавливают близкий контакт с незнакомыми людьми, чем студенты из Китая, подтверждается достоверными различиями, обнаруженными по вопросу № 6 методики В. В. Бойко: «Обычно я при первой же встрече угадываю «родственную душу» в новом человеке» ($U_{\text{экс}} = 1040 < U_{\text{кр}} = 1098$ при $p < 0,05$). Все вышеописанное говорит о большей генерализованности эмпатии российских студентов. Эмпатия студентов из России распространяется не только на близких людей, но и на тех, кто никак с ними не связан.

Вышесказанное позволяет нам считать эмпатию, направленную на незнакомого человека, культурно-обусловленной. Сила и глубина эмоционального отклика по отношению к переживающему незнакомцу зависит от степени индивидуализма – коллективизма, характерной для каждой конкретной культуры. Более высокая степень коллективизма китайской культуры

способствует дифференцированному отношению к представителям ин- и аут-группы, снижая эмпатию по отношению к незнакомым и малознакомым людям. В Китае принято сохранять более сильную эмоциональную автономию от других, включая собственных друзей, что подтверждается доминированием действенной помощи как стратегии выражения сочувствия без вовлечения в тесные эмоциональные отношения.

Интересным социальным объектом являются девушки. Его упомянули 9,6 % китайцев (три девушки и два юноши), тогда как у студентов из России этот объект отсутствует в перечне. Это можно объяснить более выраженной патриархальностью китайского общества, в котором роль женщины рассматривается как более тяжелая и предпочтение при рождении отдается мальчикам.

Группа *нуждающихся* является доминирующей в китайской выборке. Китайские респонденты, по сравнению с российскими, достоверно чаще упоминают людей, испытывающих финансовые трудности, безработных и сирот. Бедные и безработные чаще всего воспринимаются студентами из России как ответственные за свое бедственное материальное положение, поэтому эти объекты реже вызывают сочувствие. Из этого следует, что финансовые проблемы рассматриваются китайскими студентами как экстремальная ситуация, а российские студенты не включают бедность в разряд экстремальных. Маркер «нужды», объективной обделенности по сравнению с другими, играет большую роль в эмпатическом процессе у китайских студентов, чем у российских. Нормативные аспекты жесткой культуры заставляют обращать внимание прежде всего на статус, иерархию в обществе. Если человек попадает в определенные, например финансовые, обстоятельства, то он воспринимается как заслуживающий сочувствия. В данном случае возникает скорее стереотипная реакция: к примеру, активизируется стратегия материальной помощи без внимания к переживаниям другого.

Еще одним уникальным в китайской выборке, а значит, культурно-обусловленным эмпатическим объектом является «Одинокий старик». Наличие

этой категории опять же связано с политикой рождения одного ребенка, что ставит родителей, потерявших единственного ребенка или отказавшихся от его рождения в молодости, в трудное положение в пожилом возрасте.

Наименее упоминаемой в обеих выборках оказались объекты из *группы контакта*, которая более важна для российских респондентов (табл. 8). Эти результаты подтверждают различия по шкале «Эмпатия с незнакомыми и малознакомыми людьми» методики И. М. Юсупова и большую значимость незнакомых как объектов сочувствия для студентов из России. «Знакомый» оказался уникальным объектом выборки российских студентов.

В интервью китайские респонденты говорят о том, что китайцы предпочитают строить формальные отношения, например с коллегами по работе, тогда как для россиян более важны эмоции, взаимное принятие, приятная атмосфера. Российские респонденты в целом более склонны сочувствовать незнакомым, посторонним для них людям, тогда как китайцы направлены прежде всего на сочувствие нуждающимся.

Итак, среди социальных объектов были обнаружены как универсальные, так и культурно-обусловленные. С одной стороны, для российских студентов наиболее значимыми объектами для сочувствия являются люди, составляющие их близкое окружение. С другой они, в отличие от китайцев, более склонны испытывать сочувствие к малознакомым (соседям, просто знакомым) или незнакомым людям. Тогда как китайские студенты в качестве объекта эмпатии рассматривают прежде всего объективно нуждающихся людей (бедных, сирот, бездомных и так далее). Это можно объяснить тем, что в китайской культуре большое значение придается «стремлению спасти и помочь попавшим в беду» [132, с. 226], а по отношению к близким людям, например родителям, принято испытывать скорее уважение и любовь, чем сочувствие. Это согласуется с данными, полученными при исследовании стратегий проявления сочувствия: у китайских респондентов доминирует стратегия действенной помощи, именно она прежде всего необходима другому из группы нуждающихся.

Участники обеих групп при ответе на первый вопрос не только называли тех, кому сочувствуют, но и особо выделяли категории людей, по отношению к которым сочувствия, наоборот, не испытывают. Эти ответы были объединены в категорию «отсутствие эмпатии», различия по которой между группами не выявлено ($\phi^* = 0,85$ при $p > 0,10$). Китайцы называли только один объект, к которому не испытывают сочувствие, – это «Родственники и друзья». Это объясняется тем, что к близким людям принято испытывать другие чувства (прежде всего уважение) или тем, что с ними «всё хорошо», а сочувствие возможно только в трудной жизненной ситуации («нет, нет, нет, сейчас у них всё хорошо»). В российской выборке это «алкоголики», люди, которые «сами виноваты» в сложившейся ситуации (степень виновности другого в ситуации является значимым фактором выбора реакции для студентов из России) и сверстники (так как они обладают всеми возможностями для совладания с ситуацией и, вероятно, не используют их).

В нашем исследовании был подробно изучен вопрос о представителе своей или чужой культуры как социальном объекте, на который может быть направлена эмпатия. Пятый вопрос интервью был направлен на изучение значимости принадлежности другого к культурной ин- или аут-группе при оценке интенсивности сочувствия в его адрес (табл. 10).

Таблица 10 – Частота встречаемости различий в уровне эмпатии по отношению к другому из культурной ин- или аут-группы, угловое преобразование Фишера (N 1 = 52; N 2 = 52)

Показатель	%		Значение ϕ^*	p
	Студенты из России	Студенты из Китая		
Не имеет значения	80,8	32,7	5,19	0,000
К ин-группе выше	9,6	40,4	-3,81	0,000
К аут-группе выше	26,9	13,5	1,73	0,042

В научной литературе встречаются данные о том, что «факт принадлежности объекта эмпатии к другой этнической группе значимо снижает как эмпатические реакции сочувствия, так и реакции дистресса» [83, с. 30].

Однако подавляющее большинство российских студентов в интервью заявило об отсутствии влияния фактора культурной принадлежности другого на возникновение эмпатии по отношению к его переживаниям. Тогда как только треть китайских студентов разделяет ту же точку зрения (по этому параметру были получены достоверные различия). Эти данные иллюстрируют различия в отношении к представителям ин- и аут-группы в индивидуалистических и коллективистических культурах, рассмотренные в первой главе работы. С этой точки зрения 80 % студентов из России демонстрируют индивидуалистическую установку. Эти данные согласуются с результатами шкалы эмпатии по отношению к незнакомым и малознакомым людям методики И. М. Юсупова.

Российские студенты достоверно чаще в качестве эмпатических объектов рассматривают представителей аут-группы по сравнению с представителями ин-группы ($\varphi^* = 2,35$ при $p = 0,008$). Необходимо отметить, что респонденты из России часто имели в виду под представителем аут-группы выходцев из бывших республик СССР, приехавших в Россию на заработки. Более высокую эмпатию в их адрес респонденты объясняли тем, что в чужой стране жить тяжелее, чем в родной, и обычно люди других культур испытывают больше сложностей (в том числе языковых), чем местные жители. Эмпатию к людям другой культуры российские респонденты были склонны объяснять именно трудной ситуацией, в которую попадают приезжие, а не самим фактом принадлежности к аут-группе.

Напротив, китайские студенты достоверно чаще в качестве предпочитаемого объекта для эмпатии рассматривали соотечественника ($\varphi^* = 3,19$ при $p < 0,000$), так как они лучше понимают друг друга и имеют много общего. «Китайцы проводили в своей стране слишком много времени вместе, и поэтому могут теперь узнать, что тот или иной собеседник действительно имеет в виду» [150, с. 95]. Это можно объяснить тем, что, находясь в другой стране, далеко от своей семьи, студенты из Китая стараются «держаться» друг за друга, помогать друг другу, так как с русскими испытывают трудности в общении. Эти трудности связаны прежде всего с пониманием устной речи во время свободного общения с жителями России, не имеющими опыта межкультурного

взаимодействия. Такие люди обычно говорят слишком быстро, и студентам из Китая сложно сориентироваться в ситуации. Поэтому преподаватели и сотрудники высшего учебного заведения, в котором обучаются иностранные студенты нужно учить общаться с ними: говорить медленно, стараясь использовать правильно форму слов и говорить максимально просто (рекомендации сформулированы в Приложении Ж).

Таким образом, можно говорить о том, что респонденты из Китая и России по-разному понимают принадлежность к ин- или аут-группе в развертывании эмпатического процесса. Для российских студентов большее значение имеет субъективные эмпатические маркеры (эмоции другого, особенности другого и собственной личности), а для китайских – культурная общность (принадлежность к ин-группе).

Итак, вторая гипотеза подтвердилась: направленность эмпатии на незнакомого и малознакомого человека является культурно-обусловленной и более выражена у российских студентов.

Можно сделать вывод о том, что эмпатия российских студентов является генерализованной, так как они способны развернуть эмпатию как по отношению к близким людям, так и по отношению к знакомым и малознакомым людям. В русской культуре меньше правил, жестко регламентирующих объекты эмпатии, поэтому российскому студенту необходимо каждый раз выбирать способ общения с конкретным социальным объектом, ориентируясь на собственные чувства. Тогда как китайцы больше ориентируются на социальные и ситуативные факторы – принадлежность к определенной социальной группе, например группе нуждающихся. Их эмпатию мы назвали сфокусированной. Таким образом, русский с точки зрения китайца может казаться непредсказуемым, что вызывает растерянность студента из Китая при кросс-культурной коммуникации, а проявления сочувствия китайцем могут вызвать сомнения у русских с точки зрения их искренности. Китайский студент, живущий и обучающийся в России, нуждается в системе принятых в нашей стране правил проявления сочувствия и оказания помощи другим людям.

3.2.2. Обусловленность направленности эмпатии ее эмоциональными и когнитивными проявлениями

Предыдущие пункты были посвящены анализу универсалий и культурно-обусловленных особенностей различных компонентов эмпатии и ее направленности на различные социальные объекты. Обратимся к третьей эмпирической задаче – изучению взаимосвязи направленности эмпатии с ее эмоциональными и когнитивными проявлениями у студентов обеих стран.

Прежде всего рассмотрим связи между отдельными особенностями эмпатии. Корреляционные плеяды построены для российской и китайской выборок без учета гендерного фактора (Приложение И, табл. И.1, И.2). Это позволило глубже проанализировать связи между параметрами и ответить на вопрос: какие механизмы обеспечивают эмпатию по отношению к определенному социальному объекту.

В выборке студентов из Китая были обнаружены 5 связей, образующие две плеяды (рис. 1).

Рисунок 1 – Эмпирическая структура эмпатических особенностей личности студентов из Китая, коэффициент корреляции Спирмена

Примечание: $N = 52$; НВИ – шкала «Непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание»; ГХП – герои художественных произведений; p – уровень значимости; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Первая плеяда представляет собой связи эмпатии к незнакомым людям с когнитивными проявлениями (непроизвольным вниманием и интуицией), с одной стороны, и эмпатией к героям художественных произведений – с другой. Это

означает, что эмпатия к незнакомцам у китайских респондентов основана прежде всего на когнитивных механизмах: направленностью внимания на объект и интуицией, помогающей понимать значение поступков и эмоций для переживающего другого. В данном случае понимание не сопровождается эмоциональной вовлеченностью, личность не стремится эмоционально участвовать в ситуации, касающейся дистанцированного социального объекта, отстраненно наблюдая ее со стороны. Это характерное отношение к аут-группе для представителя коллективистической культуры. Если когнитивные механизмы эмпатии у личности развиты плохо, от этого пострадает эмпатия в первую очередь к посторонним людям. По отношению к родным и близким есть другие факторы, заставляющие личность фокусироваться на проблемах других, например релевантность проблемы близкого человека. Как было отмечено, незнакомцы в китайской культуре не являются эмоционально значимыми и сколько-нибудь близкими социальными объектами. В факторном анализе это F1 «Когнитивная эмпатия по отношению к дистанцированным социальным объектам» (Приложение И, табл. И.3). Вероятно, герои кино, театра и литературных произведений воспринимаются как «незнакомые» и, соответственно, эмоционально далекие объекты.

Во *второй* *плеяде* наиболее сильная связь обнаружена между эмоциональной отзывчивостью и пониманием и эмпатией по отношению к родителям. По мнению Н. Я. Большуновой, «эмпатийные отношения с родителями, по-видимому, не отличаются “рациональностью”» [11, с. 226]. Родители являются наиболее близкими людьми для респондентов, и отношения с ними в китайской выборке основаны на эмоциональных механизмах, способности эмоционально откликаться на их переживания и постигать смыслы этих переживаний для них (переживающих родителей). В Китае «моя семья» означает саму личность и ее родителей, а не партнера и детей, как в России [133, с. 20]. Это характерно для коллективистических культур: родители входят в ин-группу, что обуславливает эмоциональность по отношению к ним. Вероятно, китайские студенты имеют тесные эмоциональные связи со своими родителями и чувствуют

смену их настроения даже без направления внимания на их состояние. Поэтому чем лучше развиты эмоциональные механизмы эмпатии (вчувствование, способность к идентификации, понимание на основе вчувствования), тем выше эмпатия по отношению к родителям. Уважение и внимание к родителям, забота о них являются естественными и необходимыми для китайца.

Эмпатия к родителям, в свою очередь, связана с эмпатией по отношению к пожилым людям. Уважение к старшим является в Китае важной нормой межличностных отношений: пожилые люди рассматриваются как объект заботы и внимания. В семье старшие родственники участвуют в воспитании детей наравне с родителями, поэтому они тоже входят в ин-группу для студентов из Китая. Чем выше эмпатия по отношению к родителям, тем выше она и по отношению к пожилым, и наоборот.

Так же шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание» положительно связана с эмпатией по отношению к животным. Животные не воспринимаются в китайской культуре как существа, достойные сочувствия. Значит, личность не учится направлять внимание на животных, думать об их благополучии и чувствах, которые они испытывают. Это подтверждает тот факт, что эмпатическое отношение к животным связано скорее с эмоциональной чувствительностью, нежели с когнитивными проявлениями эмпатии. Поэтому высокую эмпатию по отношению к ним имеют только высоко чувствительные респонденты с развитыми эмоциональными механизмами.

С помощью корреляционного анализа связь между эмпатией к родителям и когнитивными проявлениями эмпатии была обнаружена только на уровне тенденции (Приложение И, табл. И.1). Однако по результатам факторного анализа с вращением по типу Varimax normalized эти переменные входят в один фактор F2 (Приложение И, табл. И.3). Этот фактор мы обозначили как «Когнитивная эмпатия по отношению к близким социальным объектам». Отношения с родителями и пожилыми людьми в Китае строго регламентированы. Уважение и внимание по отношению к ним является значимой нормой межличностного общения. Внимание произвольно направлено на родителей и пожилых людей,

личность находится в «готовности» к пониманию их нужд и состояний, а также к правильному, возможно, автоматическому, реагированию на эти состояния. Однако не всегда это приводит к эмоциональному отклику.

Интересно то, что шкала «Эмпатия по отношению к родителям» входит в два фактора – когнитивный и эмоциональный. Возможно, эмпатия по отношению именно к этому социальному объекту является наиболее значимой для китайских респондентов и поэтому обеспечивается различными эмпатическими механизмами. По результатам факторного анализа это единственный социальный объект в китайской выборке, по отношению к которому эмпатия представляет собой интегративный процесс: взаимосвязь эмоциональных и когнитивных проявлений. Их сочетание означает, что к этому социальному объекту студенты из Китая склонны проявлять развернутую форму эмпатии – сочувствие, направленное на постижение внутреннего мира другого, механизмы которого описаны в рамках социоцентрированного подхода. Однако незначительное число участников выборки позволяет нам рассматривать факторный анализ только как дополнительный метод математической статистики, поэтому мы можем рассматривать интегрированность эмпатии по отношению к родителям в китайской выборке только как потенциальную тенденцию, нуждающуюся в проверке.

Таким образом, по результатам корреляционного анализа когнитивные и эмоциональные проявления эмпатии в выборке китайских студентов обеспечивают эмпатию по отношению к различным социальным объектам, что говорит о дифференцированности эмпатии студентов из Китая.

Примечательно то, что различия между китайской и российской выборками были обнаружены по шкале «Эмоциональная отзывчивость и понимание» и «Эмпатия к незнакомым людям». Эти переменные состоят в разных плеядах и имеют самую высокую нагрузку в факторе, в который входят.

В выборке студентов из России было обнаружено большее число корреляций между шкалами, чем в китайской (десять против пяти). Практически все шкалы тесно связаны между собой (рис. 2).

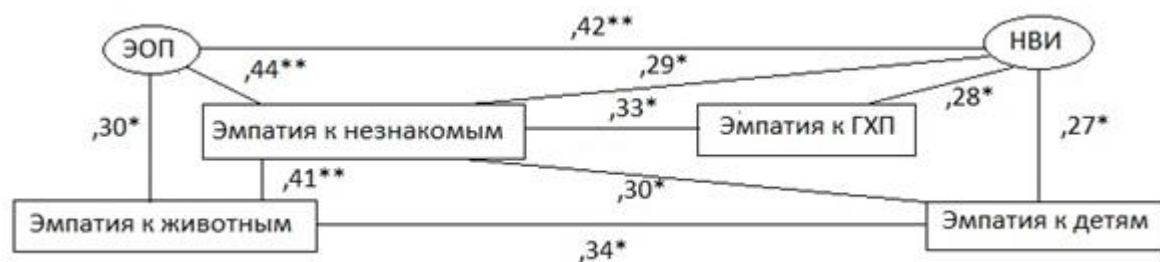

Рисунок 2 – Эмпирическая структура эмпатических особенностей личности студентов из России, коэффициент корреляции Спирмена

Примечание: N = 52; НВИ – шкала «Непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание»; ГХП – герои художественных произведений; p – уровень значимости; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

В выборке российских студентов выявлены тесные связи между пятью параметрами: эмоциональной отзывчивостью и пониманием (эмоциональные проявления эмпатии), непроизвольным вниманием и интуицией (когнитивные проявления), эмпатией к незнакомым, животным и детям. В факторном анализе это F1 «Комплексная эмпатия по отношению к дистанцированным социальным объектам» (Приложение И, табл. И.3).

Прежде всего необходимо отметить, что эмоциональные и когнитивные проявления эмпатии тесно связаны друг с другом. Чем выше способность личности фокусировать непроизвольное внимание на субъективной реальности другого, тем легче ей сформировать эмоциональный отклик в ответ на эмоциональное содержание этой субъективной реальности. По результатам исследования в выборке китайских студентов внимание к другому не всегда приводит к эмоциональному отклику на его переживания и постижению тех смыслов, которые вкладывает в эти переживания другой (за исключением родителей), тогда как в выборке российских студентов это происходит чаще. Это согласуется с представлениями об эмпатии в индивидуалистических культурах. Таким образом, в российской выборке эмпатия представляет собой комплексный, интегрированный феномен, в котором вслед за когнитивными механизмами начинают функционировать эмоциональные, и наоборот.

Также отличие выборки студентов из России состоит в том, что эмпатия к незнакомым связана как с эмоциональными, так и с когнитивными проявлениями эмпатии. Связь с эмоциональной отзывчивостью и пониманием говорит о том, что эмоциональные механизмы эмпатии у российских студентов начинают функционировать в ответ на переживания не только близких, но и незнакомых людей. В России небольшая дистанция между людьми [111, с. 164], поэтому незнакомые люди воспринимаются как эмоционально более близкие, чем в Китае, русские сопереживают и сочувствуют им. В выборке китайских студентов эмпатия к незнакомцам основана только на когнитивных механизмах. Это подтверждает стандартизованность эмпатии китайских студентов: для них более важно, чем для русских, к какой группе (ин- или аут-) относится другой.

Как и в выборке китайских студентов, эмпатия к незнакомым у студентов из России связана с когнитивными проявлениями эмпатии и эмпатией к героям художественных произведений. Отличием российской выборки является то, что эмпатия к героям художественных произведений имеет собственную связь с произвольным вниманием и интуицией. Это говорит о том, что для сопереживания персонажам театра, кино и так далее, необходима способность к интуитивному пониманию их внутреннего мира, так как читатель или зритель часто находится в условиях недостатка информации о переживаниях героя. Также важна способность направлять внимание не на действия или слова персонажа, а на его внутренний мир, фокусируясь на чувства, которые он испытывает.

Необходимо отметить связь эмпатии к детям с тремя параметрами эмпатии: когнитивными проявлениями (НВИ), эмпатией к незнакомцам и животным. Переживания детей значительно отличаются от переживаний взрослых (студентов), поэтому для возникновения эмпатического отклика по отношению к детям необходимо развитие интуиции и способность отслеживать их переживания, направляя внимание на внутренний мир ребенка. Если эти способности не выражены, эмпатия к детям так же развита слабо. Вероятно, эмпатия к детям не связана с эмоциональными проявлениями в выборке

российских студентов по причине незначительного количества эмоционального опыта взаимодействия с детьми.

Так же, как и в китайской выборке, обнаружена связь между шкалами «Эмоциональная отзывчивость и понимание» и «Эмпатией к животным». Однако в российской выборке эмпатия к животным коррелирует еще с эмпатией к незнакомцам. Чем выше эмоциональная чувствительность личность (то, что измеряет шкала ЭОП), тем выше эмпатия по отношению к незнакомцам и животным. Таким образом, эмпатия к этим социальным объектам может выступать индикатором эмоциональной чувствительности студентов из России.

Примечательно, что в выборке студентов из России отсутствуют корреляции шкал эмпатии к родителям и пожилым с другими проявлениями эмпатии. Возможно, эмпатия к этим важным социальным объектам является самостоятельной характеристикой студентов из России, не зависящей от развития как эмоциональных, так и когнитивных проявлений эмпатии. По результатам факторного анализа эти шкалы образуют самостоятельный фактор (F2) – «Эмпатия к пожилым и родителям» (Приложение И, табл. И.3). Это является показателем того, что пожилые люди и родители в выборке российских студентов имеют такое же большое значение, как и в китайской. Можно предположить, что, даже если эмпатия по отношению к другим социальным объектам не развита и когнитивные и эмоциональные механизмы эмпатии развиты не очень высоко, эмпатия к родителям, бабушкам и дедушкам у российских студентов может быть достаточно высокой. Возможно, именно это объясняет отсутствие корреляций со шкалой «Эмпатия к родителям» у российских студентов.

Можно сделать вывод о том, что эмпатия студентов из России является более интегрированным феноменом, тогда как у студентов из Китая эмпатия к различным социальным объектам обеспечивается разными проявлениями эмпатии.

Двухфакторный дисперсионный анализ дал возможность получить дополнительные данные и ответить на вопрос: какой фактор доминирует при влиянии на различные аспекты эмпатии – культурный фактор, фактор пола или их

сочетание? В качестве первого фактора выступила культура, а в качестве второго – половая принадлежность респондентов. Таким образом, независимыми переменными в нашем исследовании являются культура и пол, а зависимыми – шкалы методик В. В. Бойко и И. М. Юсупова (табл. 11).

Таблица 11 – Эффекты факторов на содержательные особенности эмпатии и эмпатию по отношению к различным социальным объектам

Проявления эмпатии	Фактор культуры (N 1 = 52; N 2 = 52)		Фактор пола (N 1 = 62; N 2 = 42)		Межфакторное взаимодействие	
	F	p	F	p	F	p
НВИ	0,02	0,877	3,44	0,067	5,02	0,027
ЭОП	5,43	0,022	7,95	0,006	2,87	0,093
Эмпатия к родителям	0,88	0,352	0,00	0,927	1,34	0,249
Эмпатия к животным	0,33	0,565	5,72	0,019	3,37	0,070
Эмпатия к пожилым	0,00	0,968	0,00	0,790	0,00	0,968
Эмпатия к детям	0,06	0,807	2,81	0,097	0,00	0,970
Эмпатия к ГХП	0,06	0,802	3,83	0,053	3,75	0,056
Эмпатия к незнакомым и малознакомым людям	8,73	0,004	6,77	0,011	4,78	0,031

Примечание: НВИ – шкала «Непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание»; ГХП – герои художественных произведений.

По результатам исследования обнаружен основной эффект фактора культуры на *эмоциональные проявления эмпатии*, измеренные с помощью шкалы ЭОП, и эмпатию к незнакомым людям. Эти культурно-обусловленные особенности подробно описаны в предыдущих пунктах работы.

Основной эффект фактора пола зафиксирован на большем количестве особенностей эмпатии. Например, на *эмпатии к детям*: девушки обеих культур эмпатичнее к детям, чем юноши. Это соответствует представлениям о женской гендерной роли [51]. По результатам однофакторного дисперсионного анализа это различие характерно только для российской выборки (Приложение К, табл. К.8).

На эмпатию по отношению к *пожилым* и *родителям* оба фактора оказывают незначительный эффект. Эмпатия к этим социальным объектам выражена практически одинаково у всех наших респондентов и является универсальной.

Межфакторное взаимодействие проявляется в эмпатии по отношению к *незнакомым людям* (Приложение Л, рис. Л.8), что подтверждает значимость этого

социального объекта для кросс-культурного исследования. У российских девушек эмпатия к незнакомым достоверно выше, чем у китайок и у российских юношей (Приложение К, табл. К.8, К.9). Это подтверждается данными интервью: как девушки, так и юноши в китайской выборке достоверно чаще отчитываются о сочувствии по отношению к представителю ин-группы (Приложение К, табл. К.7). Китайки достоверно чаще упоминают в качестве объекта для сочувствия представителя аут-группы, чем юноши из Китая. Тогда как российские юноши чаще заявляют об отсутствии факта влияния культурной принадлежности другого на проявление сочувствия по отношению к нему по сравнению с российскими девушками.

Также межфакторное взаимодействие было обнаружено в *эмоциональных проявлениях эмпатии*, измеренных спомощью шкалы ЭОП (Приложение Л, рис. Л.1). Причем действие факторов культуры и пола является изолированным: девушки обеих групп имеют более выраженный уровень развития эмоциональных проявлений эмпатии, чем юноши (Приложение К, табл. К.2). Результаты российских девушек достоверно выше как по сравнению с результатами российских юношей, так и с результатами девушек из Китая (Приложение К, табл. К.1, К.2). Это означает, что у них более развита способность эмоционально откликаться на переживания другого и проникать в эти переживания посредством эмоций, постигая смысл этих состояний для другого. Можно предположить, что речь идет о механизме вчувствования. Девушки, по данным исследований [50, с. 107-108], обладают более высокой эмпатийностью по сравнению с юношами. Эти данные, с одной стороны, согласуются с результатами кросс-культурного исследования эмпатии у студентов из США и Китая [170]. А с другой стороны, подтверждаются достоверными различиями между девушками обеих стран по частоте проявления эмоционального отклика, полученными по результатам проведения интервью (Приложение К, табл. К.3). Вероятно, эффект культурного фактора обеспечивается именно за счет результатов группы девушек из России. Однако результаты исследования девушек представляют большую значимость для целей исследования, чем юношей, так как в психологических особенностях

женщин «глубинный менталитет этноса проявляется наиболее отчетливо» [89, с. 68]. То есть эмпатические особенности девушек более чувствительны к влиянию культуры, в рамках которой они социализируются и, таким образом, их результаты дают больше информации о выраженности эмпатических проявлений в данной культуре.

В когнитивных проявлениях эмпатии, исследованных с помощью шкалы «Непроизвольное внимание и интуиция», также обнаружено межфакторное взаимодействие (Приложение Л, рис. Л.2). Российские девушки имеют более выраженную направленность внимания и интуицию по сравнению с российскими юношами (Приложение К, табл. К.2). В значимости эмпатических маркеров тоже обнаружены различия (Приложение К, табл. К.4). Девушки из России чаще упоминают особенности другого, а девушки из Китая – ситуационный контекст. У российских юношей оба этих маркера достоверно чаще упоминаются по сравнению с юношами из Китая. Российские девушки по сравнению с юношами больше обращают внимание на необходимость помощи другому, тогда как юноши достоверно чаще обращают внимание на особенности другого и ситуационный контекст. Возможно, давая характеристику ситуации, юноши уже подразумевают, что другому необходима помощь. Однако они сфокусированы именно на обстоятельствах, а не на потребностях, реакциях или чувствах другого. Интересно то, что проблемные социальные ситуации («обманул», «обидел», «несправедливость») для российских юношей более важны, чем для девушек. Возможно, юноши переживают трудности в социальной сфере более остро, нежели девушки. Китайские юноши также достоверно чаще упоминают особенности другого. Можно предположить, что для юношей не важно, нуждается ли в помощи другой, важно, насколько он, например, хорош как человек. Если «плохой» человек попал в трудную ситуацию и нуждается в помощи, сочувствия в его адрес от юноши скорее не будет, но девушки посочувствуют ему. Девушки, наоборот, ориентируются скорее на переживания партнера по общению, которые он испытывает в определенной ситуации. Им не важно, может ли он сам совладать с ситуацией, насколько он добр и насколько

успешен по сравнению с эмпатом: если он чувствует страх, печалится или растерян, это может вызвать эмпатию девушек. Юноши же скорее будут испытывать эмпатию по отношению к переживающему, входящему в определенную категорию и не обязательно испытывающим эмоциональные состояния, перечисленные выше. Большая ориентация на особенности другого по сравнению с девушками – универсальная особенность эмпатии юношей обеих стран. Также универсальной особенностью групп юношей является сочувствие другому, испытывающему сложности в социальных ситуациях. По результатам интервью было обнаружено, что универсальной стратегией юношей обеих стран стала действенная помощь (Приложение К, табл. К.6). Это согласуется с представлением о том, что мужчины и женщины одинаково часто, но разными способами выражают эмпатию [171].

Слабое межфакторное взаимодействие было обнаружено в эмпатии по отношению к двум социальным объектам: *животным* (Приложение Л, рис. Л.4) и *героям художественных произведений* (Приложение Л, рис. Л.7). В российской выборке наблюдаются гендерные различия по шкале «Эмпатия к животным» (Приложение К, табл. К.9), тогда как в китайской выборке различия по этой шкале отсутствуют. Мы объясняем это незначительной значимостью животных как социального объекта в Китае. Тогда как в России этот объект имеет важное дифференциальное значение. На эмпатии к этим объектам также зафиксирован эффект фактора пола, который по отношению к животным более значим, чем эффект межфакторного взаимодействия.

В целом данные подтверждают идею о том, что культурный фактор оказывает влияние на развитие эмпатии.

Итак, эмпатию возможно эмпирически изучать как психологический феномен, имеющий как универсалии, так и культурно-обусловленные особенности. Третья гипотеза нашего исследования нашла свое подтверждение: эмпатия, направленная на определенный социальный объект, связана у студентов из России и Китая с разными ее проявлениями. Была обнаружена большая интегрированность эмпатии у студентов из России: когнитивные и

эмоциональные проявления эмпатии связаны между собой, тогда как у китайских студентов таких связей обнаружено не было (эмпатия является дифференцированной).

Выводы по третьей главе

1. В результате проведенного исследования был обнаружен целый ряд универсалий и специфических особенностей эмпатии у студентов из России и Китая:

- В эмоциональных проявлениях культурно-обусловленными особенностями российской выборки являются большая выраженность эмоциональной отзывчивости и понимания (как в группе девушек, так и в целом у группы). Эмоциональные проявления эмпатии более значимы и более развиты в российской выборке по сравнению со студентами из Китая.
- В когнитивных проявлениях:
  - Универсальной особенностью являются некоторые эмпатические маркеры: это объективная трудность ситуации и просьба о помощи со стороны переживающего другого.
  - Культурно-обусловленной особенностью китайской выборки является *стандартизованность* эмпатии: эмпатия китайских студентов зависит от социального статуса переживающего другого, его поло-возрастных характеристик, особенностей ситуации, в которую попал переживающий другой. Тогда как эмпатия российских студентов является *индивидуализированной*: они ориентируются на эмоциональное состояние другого и особенности собственной личности.
  - Культурно-обусловленной особенностью эмпатии российских студентов является *интегрированность*: эмоциональные и когнитивные проявления эмпатии у студентов из России тесно связаны между собой. Эмпатия китайцев является *дифференцированной*: когнитивные и эмоциональные

проявления не связаны между собой и обеспечивают эмпатию к различным социальным объектам (исключение составляют родители).

- **В поведенческих проявлениях:**

- Обнаружен универсальный перечень стратегий проявления эмпатии у студентов обеих групп: работа с эмоциями другого, когнитивные стратегии, действенная помощь и совместная деятельность.
- Культурно-обусловленной особенностью китайской выборки является *действенность*: студенты из Китая направлены прежде всего на проявление действенной помощи переживающему другого. Тогда как студенты из России предпочитают работу с эмоциями другого (*эмоциоцентрированность* эмпатии).

Таким образом, первая исследовательская гипотеза подтвердилась частично: среди эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии у представителей России и Китая есть как универсалии, так и культурно-обусловленные особенности. Эмоциональные проявления эмпатии более выражены у студентов из России, тогда как по степени выраженности когнитивных проявлений различия между выборками обнаружены не были.

2. Также были обнаружены универсалии и культурно-обусловленные особенности в **направленности эмпатии** на различные социальные объекты:

- Перечень социальных объектов, используемый респондентами, является универсальным за исключением отдельных категорий (например, «одиноким старик» в выборке китайских респондентов).
- Универсальной является большая выраженность эмпатии к родителям по сравнению с эмпатией ко всем остальным социальным объектам как в российской, так и в китайской выборках.
- Универсальной является выраженность эмпатии по отношению к пожилым людям, детям и героям художественных произведений.
- Культурно-обусловленной особенностью эмпатии является предпочтение различных социальных объектов студентами разных стран. Китайцы выбирают прежде всего нуждающихся в помощи, а уже потом близких

людей. Для них важна принадлежность другого к определенной социальной группе. Россияне предпочитают родных и близких, а также незнакомых людей (не обязательно нуждающихся).

- Культурно-обусловленной оказалась оценка эмпатии по отношению к другому из культурной ин- или аут-группы. Для китайских студентов факт принадлежности к ин-группе важнее, они чаще испытывают сочувствие по отношению к представителям собственной культуры. Российские студенты, наоборот, чаще заявляют об отсутствии влияния этого фактора на силу и частоту эмпатии по отношению к переживающему другому.
- Культурно-обусловленной особенностью эмпатии российских студентов является *генерализованность*: они включают в круг объектов, которые вызывают эмпатию не только близких, но также незнакомых и малознакомых людей. Тогда как эмпатия китайцев более *сфокусирована* на представителей ин-группы.

Вторая исследовательская гипотеза нашла свое подтверждение: направленность эмпатии на незнакомого и малознакомого человека является культурно-обусловленной и более выражена у российских студентов.

3. Направленность эмпатии на различные социальные объекты **связана** с разными проявлениями эмпатии у студентов из России и Китая:

- Универсальной является связь эмпатии к животным с эмоциональными проявлениями эмпатии (шкала ЭОП). Эмпатия к животным обусловлена эмоциональными механизмами у респондентов вне зависимости от культуры.
- Культурно-обусловленной является связь между эмоциональными и когнитивными проявлениями эмпатии. У российских студентов эти проявления тесно связаны между собой (*интегрированность* эмпатии), тогда как у студентов из Китая эти проявления не связаны и обеспечивают направленность на различные социальные объекты (*дифференцированность* эмпатии).

Это в целом подтверждает третью исследовательскую гипотезу: эмпатия, направленная на определенный социальный объект, связана у студентов из России и Китая с разными проявлениями (эмоциональными или когнитивными).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Выделены два подхода к определению эмпатии: личностно-центрированный (объясняющий изменения, происходящие в личности эмпата при взаимодействии с переживающим другим) и социоцентрированный (позволяющий анализировать точность понимания и реконструкции внутреннего мира переживающего эмпатом). Второй подход рассматривает формирование эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений эмпатии, а также ее направленности в процессе социализации под влиянием культурного фактора.

2. Эмпатия определена как свойство личности, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления, направленное на определенный социальный объект и представленное на двух уровнях: базовом и культурно-обусловленном. Эмоциональными проявлениями являются эмоциональное резонирование с переживаниями другого и формирование собственного эмоционального отклика, когнитивными – точное понимание внутреннего мира другого, поведенческие представлены выбором определенной стратегии взаимодействия с другим.

3. По результатам эмпирического исследования были установлены как универсалии (общие для студентов обеих групп), так и культурно-обусловленные особенности эмпатии. *Универсалиями* являются прежде всего выраженность когнитивных проявлений эмпатии, некоторые эмпатические маркеры (объективная трудность ситуации и просьба о помощи со стороны другого), а также перечень стратегий проявления эмпатии. *Культурно-обусловленными особенностями российской выборки* являются большая эмоциональность (выраженность эмоциональных проявлений), индивидуализированность (ориентация на особенности собственной личности как субъективный эмпатический маркер) и эмоциентрированность (предпочтение работы с эмоциями другого как доминирующей стратегии проявления эмпатии). *Культурно-обусловленными особенностями китайской выборки* стали меньшая эмоциональность (меньшая выраженность эмоциональных проявлений),

стандартизованность (ориентация на правила и нормы) и действенность (предпочтение стратегии действенной помощи).

4. Направленность эмпатии на различные социальные объекты подвержена влиянию культурного фактора. *Универсальной* является выраженность эмпатии к родителям, пожилым, детям и героям художественных произведений, причем родители являются доминирующим социальным объектом у студентов обеих стран. *Культурно-обусловленной особенностью российской выборки* является генерализованность (распространение эмпатии не только на близких, но и на представителей аут-группы). *Культурно-обусловленной особенностью китайской выборки* является сфокусированность (направленность эмпатии на предписанные социальные объекты, преимущественно на представителей ин-группы).

5. Эмпатия к различным социальным объектам осуществляется с помощью разных проявлений эмпатии. Выявлено, что связь между эмоциональными и когнитивными проявлениями эмпатии является *культурно-обусловленной*: у российских студентов эти проявления тесно связаны между собой (интегрированность эмпатии), тогда как у студентов из Китая эти проявления не связаны и обеспечивают направленность на различные социальные объекты (дифференцированность эмпатии).

В целом результаты исследования подтверждают выдвинутую нами гипотезу: существуют универсалии и культурно-обусловленные особенности в содержательных проявлениях эмпатии (эмоциональных, когнитивных и поведенческих) и ее направленности на определенный социальный объект.

Перспективой исследования является проверка выдвинутых положений на материале других культурных групп, дальнейшая дифференциация стратегий проявления сочувствия, увеличение выборки исследования с целью изучения факторной структуры эмпатии и гендерных особенностей представителей различных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева Г. М.* Психология социального познания : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 2 изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
2. *Андреева Г. М.* Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 375 с.
3. *Афанасьев С. Г.* Эмпатические «феномены» И. Фолькета // Социально-гуманитарное знание. – 2008. – № 6. – С. 298-304.
4. *Бахтин М. М.* Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
5. *Бгажноков Б. Х.* Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 1. – С. 55-68.
6. *Бережковская Е. Л., Радинская Н. Г.* Культурно-историческая и гуманистическая психология: точки схода. Эмпатия как высшая психическая функция // Вестн. РГГУ. Сер.: Психология. – 2006. – № 1/06. – С. 126-145.
7. *Бодалев А. А.* Личность и общение. – М.: Педагогика, 1983. – 271 с.
8. *Бодалев А. А.* Психология общения. Избранные психологические труды. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 256 с.
9. *Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М.: Филинь, 1999. – 469 с.
10. *Бойко В. В., Клиценко О. А.* Оценка эмпатии личности. – СПб, 2002. – 32 с.
11. *Большунова Н. Я.* Многообразие функций эмпатии в контексте различных симптомокомплексов личности // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6(49). – С. 223-227.
12. *Борисова А. А.* Проницательность как проблема психологического общения // Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 117-122.
13. *Боуэн М.* Духовность и личностно-центрированный подход // Вопросы психологии. – 1992. – № 3-4. – С. 24-33.
14. *Бочкарева С. В.* Размышления об эмпатическом познании. – Челябинск: Цицеро, 2011. – 179 с.

15. Буравцова Н. В. Суверенность личностных границ и проявление эмпатии // Психология в вузе. – 2008. – № 1. – С. 47-56.
16. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 528 с.
17. Вартанян В. М. Эмпатия в структуре индивидуально-психотипологических особенностей личности: дис. ...канд. псих. наук. – Ставрополь, 2007. – 172 с.
18. Василюк Ф. Е. Психология переживания. – М.: Изд. МГУ, 1984. – 199 с.
19. Василюк Ф. Е. Семиотика и техника эмпатии // Вопросы психологии. – 2007. – № 2. – С. 3-14.
20. Василюк Ф. Е. Уровни построения переживания и методы психологической науки // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 27-37.
21. Василюк Ф. Е. Методология психологии: проблемы и перспективы : учеб. пособие / Ф. Е. Василюк и др. ; под общ. ред. Т. Г. Щедриной. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 509 с.
22. Виллюнас К. В. Психология эмоциональных явлений / под ред. О. В. Овчинниковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 143 с.
23. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
24. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Научное наследие / под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1984. – 400 с.
25. Вэйцзинь Л. Категория вежливости в русском и китайском коммуникативном поведении [Электронный ресурс] // Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып. 1 – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – С. 25-26. Режим доступа:
http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/1_Russkoe_i_kitajskoe_kommunikativnoe_povedenie.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
26. Вэйцзинь Л. Невербальные средства выражения благодарности в китайском коммуникативном поведении [Электронный ресурс] // Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып. 1 – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – С.

- 41-42. Режим доступа:
http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/1_Russkoe_i_kitajskoe_kommunikativnoe_povedenie.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
27. *Вяткин Б. А., Жданова С. Ю.* Психология познания индивидуальности человека: тридцать лет спустя // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 3 (27). – С. 62-74.
28. *Гаврилова Т. П.* Анализ эмпатийных переживаний младших школьников и младших подростков // Психология межличностного познания / под ред. А. А. Бодалева. – М., 1981. – С. 122-138.
29. *Гаврилова Т. П.* К вопросу об эмоциональной социальной децентрации // Личность в системе коллективных отношений : тезисы докладов Всесоюзной конференции в г.Курске 20-22 мая, 1980 г. – М., 1980. – С. 50-51.
30. *Гаврилова Т. П.* Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 147-158.
31. *Гаврилова Т. П.* Экспериментальное изучение эмпатии у детей младшего и среднего школьного возраста // Вопросы психологии. – 1974. – № 5. – С. 107-114.
32. *Гаврилова Т. П.* Эмпатия как специфический способ познания человека человеком // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. – Краснодар, 1975. – С. 17-19.
33. *Гиппенрейтер Ю. Б., Карягина Т. Д., Козлова Е. Н.* Феномен конгруентной эмпатии // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 61-68.
34. *Гоффман Э.* Представление себя другим // Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия / под. ред. Р. Я. Райгородского. – Самара: Бахрах-М, 2000. – С. 640-650.
35. *Гудвин Дж.* Исследование в психологии: методы и планирование. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 558 с.
36. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 2006. – 315 с.

37. *Даудова Д. М.* Эмпатия как механизм профессионального саморазвития будущих педагогов: дис. ... канд. псих. наук. – Махачкала, 2005. – 155 с.
38. *Дементьев И. В.* Эмпатия: история и современность // Психология обучения. – 2014. – № 3. – С. 129-134.
39. *Джрназян Л. Н.* Проблема рабочего определения эмпатии // VIII Закавказская конференция психологов : тезисы докладов – Ереван, 1980. – С. 150-151.
40. *Додонов Б. И.* Эмоциональная направленность и корреспондирующие свойства личности // Вопросы психологии. – 1974. – № 6. – С. 50-58.
41. *Долгова В. И., Мельник Е. В.* Эмпатия: монография. – М.: Издательство «Перо», 2014. – 185 с.
42. *Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с.
43. *Запорожец А. В., Неверович Я. З.* К вопросу о генезе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Вопросы психологии. – 1974. – № 6. – С. 59-73.
44. *Зингер Х.* Стратегиомы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые стратегиомы за три тысячелетия / пер. с нем. А. В. Дыбо. – М.: Изд. гр. «Прогресс», «Культура», 1995. – 384 с.
45. *Зиновьева А. А.* Проблема Другого в философии М. М. Бахтина // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2011. – № 1. – С. 13-22.
46. *Знаков В. В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 448 с.
47. *Иванов С. Ю.* Категория особенного как диалектическая связь категорий всеобщего и единичного [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. – 2010. – № 1(107). С. 12-15. Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2010_1/3.pdf (дата обращения: 29.08.2016).
48. *Иган Дж.* Базисная эмпатия как коммуникативный навык [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2000. – № 1 (февраль). – Режим доступа:

- <http://www.studmed.ru/docs/document2839/журнал-практической-психологии-и-психоанализа-2000-1> (дата обращения: 15.06.2015).
49. *Изард К.* Эмоции человека. – М.: изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
  50. *Ильин Е. П., Липина А. Н.* Динамика характеристик эмоциональной сферы и агрессивности на протяжении периода от юности до старости // Вестник практической психологии образования. – 2007. – № 4(13) октябрь-декабрь. – С. 42-43.
  51. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2007. – 544 с.
  52. *Ильин Е. П.* Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. – СПб: Питер, 2013. – 304 с.
  53. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
  54. Кардамонов О. А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социс. – 2012. – № 4. – С. 17-25.
  55. *Карпов А. В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45-57.
  56. *Карягина Т. Д.* Проблема формирования эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – № 1. – С. 38-54.
  57. *Карягина Т. Д.* Специфика эмпатии в процессе консультирования и психотерапии [Электронный ресурс] // Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 07-06-00477а «Понимающая психотерапия, как психотехническая система». Режим доступа: http://pk.mgppu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=268&Itemid=128 (дата обращения: 23.04.2013).
  58. *Карягина Т. Д.* Философские и научные контексты проблемы эмпатии // Московский психотерапевтический журнал. – 2009. – № 4. – С. 50-74.
  59. *Карягина Т. Д.* Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: дис. ...канд. псих. наук. – М., 2013. – 175 с.

60. *Карягина Т. Д., Иванова А. В.* Эмпатия как способность: структура и развитие в ходе обучения психологическому консультированию // Консультативная психология и психотерапия. – 2013. – № 4. – С. 182-207.
61. *Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. завед. – М.: Издательский центр "Академия", 2004. – 304 с.
62. *Ковалев А. Г.* Эмпатия и процесс межличностного познания одной личности другой // Теоретические и практические проблемы понимания людьми друг друга. – Краснодар, 1975. – С. 32-33.
63. *Ковальзон М. М.* Эмпатия как метод воссоздания душевного мира человека и социума // Философские науки. – 2011. – № 5. – С. 70-82.
64. *Козина А. В.* Формирование эмпатии будущих педагогов средствами филологического образования : дис. ... канд. пед. наук. – Ставрополь, 2004. – 176 с.
65. *Колымба И. Г., Тхостов А. Ш.* Феноменология эмоциональных явлений // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1999. – № 2. – С. 3-14.
66. *Кохут Х.* Анализ самости: Системный подход к лечению нарциссических нарушениях личности [Электронный ресурс] / пер. с англ. и науч. ред. А. М. Боковой – М., «Когито- Центр», 2003. – 368 с. Режим доступа: file:///C:/Users/pc/Downloads/haync_kohut._analiz_samosti_sovremennaya_psihoterapiya_-_2003.pdf (дата обращения: 03.05.2016).
67. *Кочетков В. В.* Психология межкультурных различий. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 416 с.
68. *Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М.* О функции и механизме идентификации во внутригрупповом межличностном общении // Психология межличностного познания / под ред. А. А. Бодалева. – М.: Педагогика, 1981. – С. 92-122.
69. *Крысько В. Г.* Социальная психология: словарь-справочник. – Мн.: Харвест, 2004. – 668 с.

70. *Кузьмина В. П.* Эмпатия как условие развитие способности к социально-перцептивному предвидению у студентов : учеб. пособие для студентов вузов. – Киров: Из-во ВятГГУ, 2012. – 122 с.
71. *Курек Н. С.* Эмоциональное общение матери и дочери как фактор формирования аддитивного поведения в подростковом возрасте // Вопросы психологии. – 1997. – № 2. – С. 48-60.
72. *Лабунская В. А.* О структуре социально-перцептивной способности личности // Вопросы психологии межличностного познания и общения: сб. науч. труд. – Краснодар, 1983. – С. 63-71.
73. *Лабунская В. А.* Факторы успешного опознания эмоциональных состояний по выражению лица // Психология межличностного познания / под ред. А. А. Бодалева. – М.: Педагогика, 1981. – С. 54-66.
74. *Лабунская В. А.* Экспрессия человека: общение и межличностное. – РнД: Феникс, 1999. – 608 с.
75. *Лабунская В. А.* Психология затрудненного общения / В. А. Лабунская, Ю. А. Менджерицкая, Е. Д. Бреус. – М.: Академия, 2001. – 288 с.
76. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Ключ-С, 1999. – 191 с.
77. *Лебедева Ю. В.* Кросс-культурный анализ феномена эмпатии // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 1(135). – С. 169-176.
78. *Лебедева Ю. В.* Методики диагностики эмпатии // Современные методы практической психологии [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. по материалам II Междунар. летн. психол. шк. УрФУ «Современные направления практической психологии» / науч. ред. А. А. Печеркина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 88-93. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/38306/3/978-5-7996-1640-3_2015.pdf (дата обращения: 12.06.2016).
79. *Левченко Е. В., Деменева Е. В.* Эмпатия и восприятие внутреннего мира: имеется ли связь? // Психология эмпатии: современные подходы к проблеме

- и перспективы развития: материалы всерос. науч.-практ. конф., 1-2 нояб. 2007 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 42-49.
80. *Ли Р.* Эмпатия – это не сочувствие // Журнал практического психолога. – 2012. – № 4. Специальный выпуск «Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии и в жизни. К 110-летию Карла Роджерса. – С. 30-33.
81. *Линь Ю.* Китайцы: моя страна и мой народ. – М.: Восточная литература, 2010. – 335 с.
82. *Лунина О. А.* К вопросу о некоторых стереотипах в китайском коммуникативном сознании [Электронный ресурс] // Русское и китайское коммуникативное поведение / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – Вып. 1. – С. 44-47. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/1_Russkoe_i_kitajskoe_kommunikativnoe_povedenie.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
83. *Менджерцкая Ю. А.* Точность эмпатии в ситуациях взаимодействия с представителем другой культуры // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 22-33.
84. *Метельский Г. И.* Проявление эмпатии у комсоргов студенческих групп // Педагогические проблемы социальной психологии : Республиканские межведомственные научные сборники / отв. за вып. Я. Л. Коломинский. – Минск: Новая асвета, 1979. – С. 83-88.
85. Методы оценки уровней эмпатии, психологических состояний и свойств личности студентов : учеб. пособие / под. ред. Р. О. Агавелян, В. С. Агавелян. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. – 131 с.
86. Методы социальной психологии : учебное пособие для вузов / Н. С. Минаева, Д. В. Пивоваров, Э. Л. Боднар и др. ; под общ. ред. Н. С. Минаевой. – М.: Академический Проспект, 2007. – 351 с.
87. *Миллер А.* Вначале было воспитание. – М.: Академический проспект, 2015. – 296 с.

88. *Миллер С.* Психология развития: методы исследования. – 2-е междунар. изд. – СПб.: Питер, 2002. – 464 с.
89. *Митина О. В., Петренко В. Ф.* Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. – 2000. – № 1. – С. 68-86.
90. *Москачева М. А.* Алекситимия и способность к эмпатии / М. А. Москачева, А. Б. Холмогорова, Н. Г. Гаранян // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – Т. 22. – № 4. – С. 98-114.
91. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. – М.: Апрель Пресс, 2001. – 256 с.
92. *Назарова И. В.* Обращение по имени в китайском коммуникативном поведении [Электронный ресурс] // Русское и китайское коммуникативное поведение / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – Вып. 1. – С. 13-14. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/1_Russkoe_i_kitajskoe_kommunikativnoe_povedenie.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
93. *Насиновская Е. Е.* Альтруистический императив // Современная психология мотивации. – М.: Смысл, 2002. – С. 152-172.
94. *Наследов А. Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.
95. *Нестерова О. А.* Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия: автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Москва, 2010. – 41 с.
96. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.
97. Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. Т. 2 / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 832 с.

98. *Обозов Н. Н.* Межличностные отношения. – Л.: Из-во ЛГУ, 1979.
99. *Обозов Н. Н.* О трехкомпонентной структуре межличностного взаимодействия // Психология межличностного познания. – М., 1981. – С. 80-92.
100. *Овчаренко Е. Р.* Педагогические условия развития эмпатии у детей 5-7 лет // Начальная школа плюс до и после. – 2003. – № 10. – С. 11-15.
101. *Орищенко О. А.* Особенности общительности лиц, различающихся по типу эмпатии / О. А. Орищенко // Наука і освіта = Наука и образование = Science and education : Науково-парктичний журнал Південно-наукового Центру АПН України. – 09/2009. – № 6. – С. 87-91.
102. *Орлов А. Б., Хазанова М. А.* Феномены эмпатии и конгруэнтности // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 68-73.
103. *Павленко В. Н., Таглин С. А.* Общая и прикладная этнопсихология. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2005. – 483 с.
104. *Пашукова Т. И.* Мотивирующая функция эмпатии // Исследования мотивационной сферы личности. – Новосибирск, 1984. – С. 62-71.
105. *Пашукова Т. И.* О механизмах эмпатии и некоторых ее психических коррелятах // Вопросы психологии межличностного познания и общения. – Краснодар, 1983. – С. 76-92.
106. *Петровская Л. А.* Компетентность в общении. Социально психологический тренинг. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 216 с.
107. *Платонов К. К.* Структура и развитие личности. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
108. *Пономарева В. В.* Психодиагностика рефлексивности как метод социально-психологического исследования управленческой деятельности : дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2000. – 188 с.
109. *Пономарева М. А.* Эмпатия: теория, диагностика, развитие: монография. Минск: Бестпринт, 2006. – 76 с.
110. Прикладная социальная психология / под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: Изд-во НПО «Модэ к» 1998. – 648 с.

111. *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 238 с.
112. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – 172 с.
113. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
114. Психология XXI века : учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – 863 с.
115. *Пузыревский В. Ю.* Феномен эмпатии в контексте современной западной философии [Электронный ресурс] // Сибирь. Философия. Образование. Альманах. – 2002. – Вып. 6. – С. 103-118. Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x2655.htm> (дата обращения: 28.10.2014).
116. *Путляева Л. В.* О функциях эмоций в мыслительном процессе // Вопросы психологии. – 1979. – № 1. – С. 28-37.
117. *Ребер А.* Большой толковый психологический словарь: в 2 т. / пер. с англ. – М.: Вече, 2001. – 592 с.
118. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. – М., 1979.
119. *Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. – Изд-во: Языки славянских культур, 2012. – 208 с.
120. *Роджерс К. Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. М. М. Исениной; под ред. Е. И. Исениной. – М.: Прогресс, 1994. – 76 с.
121. *Роджерс К. Р.* Эмпатия // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 428-430.
122. *Сарджвеладзе Н. И.* О балансе проекции и интроекции в процессе эмпатического взаимодействия // Бессознательное: природа, функции, методы исследования: в 4 т. Т. 3 / под общ. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – С. 485-490.
123. *Селезнева Г. Я.* Коммуникативное поведение китайских студентов и национальные этические принципы [Электронный ресурс] // Русское и китайское коммуникативное поведение / науч. ред. И. А. Стернин. –

- Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – Вып. 1. – С. 47-50. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/1_Russkoe_i_kitajskoe_kommunikativnoe_povedenie.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
124. *Селезнева Г. Я.* Контрастивное описание китайского и русского вербального коммуникативного поведения [Электронный ресурс] // Русское и китайское коммуникативное поведение / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – Вып. 1. – С. 9-12. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/1_Russkoe_i_kitajskoe_kommunikativnoe_povedenie.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
125. *Сидоренко Е. В.* Методы математической обработки в психологии. – СПб.: ООО «Речь», 2002. – 350 с.
126. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Харвест, 2003. – 976 с.
127. *Смирнова Е. Э., Сопиков А. П.* Рассуждения о рассуждениях (рефлексивность сознания личности) // Социальная психология личности. – Л., 1974. – С. 140-149.
128. *Смирнова С. И.* К вопросу о выявлении связи эмпатии и самооценки // Психология эмпатии: современные подходы к проблеме и перспективы развития: материалы всерос. науч.-практ. конф., 1-2 нояб. 2007 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 113-116.
129. *Собольников В. В.* Этнопсихологические особенности китайцев. – Новосибирск: СибАГС, 2001. – 132 с.
130. *Сопиков А. П.* Об отборе испытуемых, обладающих познавательной эмпатией // Теоретические и практические проблемы понимания людьми друг друга. – Краснодар, 1975. – С. 101-103.
131. *Сорокин Ю. Я.* Русские, вьетнамцы и китайцы: особенности ментосферы [Электронный ресурс] // Русское и китайское коммуникативное поведение / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – Вып. 1. – С.

- 50-52. Режим доступа:
http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/1_Russkoe_i_kitajskoe_kommunikativnoe_povedenie.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
132. *Спешнев Н. А.* Китайцы: особенности национальной психологии. – СПб.: КАРО, 2014. – 336 с.
133. *Стернин И. А.* О некоторых особенностях китайского вербального коммуникативного поведения на фоне русского [Электронный ресурс] // Русское и китайское коммуникативное поведение / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – Вып. 1. – С. 14-24. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/1_Russkoe_i_kitajskoe_kommunikativnoe_povedenie.pdf (дата обращения: 23.11.2015).
134. *Столин В. В.* Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 288 с.
135. *Субботина Н. Д.* Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. Серия философия и культурология. – 2011. – № 2(26). – С. 58-66.
136. *Субботский В. А.* Исследование проблем взаимопомощи и альтруизма в зарубежной литературе // Вопросы психологии. – 1977. – № 1. – С. 164-174.
137. *Триандис Г. С.* Культура и социальное поведение: учебное пособие / пер. В. А. Соснина. – М.: ФОРУМ, 2007. – 384 с.
138. *Троицкая Е. А.* Влияние условий раздельного обучения на развитии эмпатии у школьников подросткового и юношеского возраста : дис. ...канд. псих. наук : [Электронный ресурс]. – Москва, 2012. – 257 с. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/vliyanie-uslovii-razdelnogo-obucheniya-na-razvitie-empatii-u-shkolnikov-podrostkovogo-i-yuno> (дата обращения: 15.07.2016).
139. *Троицкая Е. А.* Особенности разработки методики исследования структурных компонентов эмпатии [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. гос. лингвист.

- ун-та. – 2012. – Вып. 7 (640). – С. 144-157. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razrabotki-metodiki-issledovaniya-strukturnyh-komponentov-empatii> (дата обращения: 15.07.2016).
140. Федоров И. В. К разработке современной системно-антропологической модели эмпатии // Психология обучения. – 2014. – № 9. – С. 102-109.
141. Федоров И. В. Предположение о репрезентативной природе эмпатии // Сибирский психологический журнал. – 2014. – № 53. – С. 64-72.
142. Федоров И. В. Репрезентативная динамика эмпатической активности // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 386. – С. 188-192.
143. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский и др. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 575 с.
144. Флауэр К. Китай / пер. с англ. А. Голосовской. – М.: АСТ, Астрахань, 2006. – 160 с.
145. Формирование эмпатии у студентов-психологов: учеб. пособие / Р. О. Агавелян. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 1998. – 66 с.
146. Хараш А. У. «Другой» и его функция в развитии «Я» // Общение и развитие психики: сборник научных трудов. – М., 1986. – С. 31-46.
147. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. – СПб.: Алетейя, 2000. – 240 с.
148. Хэтфилд Э. Эмоциональное заражение // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб., 2006. – С. 1021.
149. Цахаева А. А. Развитие адаптивного поведения в образовательном этнопространстве : дис. ... д-ра псих. наук. – Махачкала, 2002. – 508 с.
150. Чен Х. Эти поразительные китайцы. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 255 с.
151. Шерягина Е. В. Проективная методика исследования стратегий утешения // Консультативная психология и психотерапия. – 2013. – № 2. – С. 212-224.
152. Шишлянникова Л. М. Применение корреляционного анализа в психологии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 1. – С. 98-107. Режим доступа:

http://psyjournals.ru/psyedu/2009/n1/Shishlyannikova_full.shtml (дата обращения: 15.07.2015).

153. *Щербакова Н. А.* Эмпатические способности студентов-психологов. – М.: Изд-во Мос. псих.-соц. н-та; Воронеж: Изд-во НПО «Модек», 2006. – 240 с.
154. Экспериментальная психология эмоций / пер. с фр.; ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже; предисл. и общ. ред. А. Н. Леонтьева. – Вып. 5. М.: Изд-во Прогресс, 1975. – 282 с.
155. *Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М., 1989. – 554 с.
156. *Эрдынеева К. Г., Филиппова В. П.* Суицидальное поведение студентов: кросскультурное исследование: монография. – М.: Изд. Дом «Академия Естествознания», 2010. – 252 с.
157. *Юе В. Б.* Кросскультурные особенности иерархии ценностей в структуре личности: на примере менеджеров России и Китая конца XX – начала XXI вв. : дис. ...канд. псих. наук. – Барнаул, 2002. – 199 с.
158. *Юнг К. Г.* Подход к бессознательному // Архетип и символ. – М., Ренессанс, 1991. – 65 с.
159. *Юнг К. Г.* Сознание и бессознательное. – М.: Изд-во «Академический проспект», 2014. – 178 с.
160. *Юрлов В. Ф.* Эмпатия как познание другого / В. Ф. Юрлов // Психология эмпатии: современные подходы к проблеме и перспективы развития: материалы всерос. науч.-практ. конф., 1-2 нояб. 2007 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 31-41.
161. *Юсупов И. М.* Вчувствование. Проникновение. Понимание. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1993. – 202 с.
162. *Юсупов И. М.* Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты): автореф. дис. ...доктора псих. наук. – СПб., 1995. – 33 с.
163. *Юсупов И. М.* Диагностика и тренинг эмпатических тенденций: метод. руководство для студентов и психологов народ. образования. – Казань: КГПИ, 1992. – 30 с.

164. Ягнюк К. В. Анатомия терапевтического вмешательства: типология техник [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2000. – № 3. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2867> (дата обращения: 18.03.2013).
165. Ягнюк К. В. Природа эмпатии и ее роль в психотерапии [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – № 1 (март) – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2114> (дата обращения: 18.03.2013).
166. Якобони М. Отражаясь в людях: почему мы понимаем друг друга. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 143 с.
167. Якобсон П. М. Психология чувств. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Академии ред. наук. РСФСР, 1958. – 384 с.
168. *Batson C. D.* Perspective taking: Imagining how another feels versus how you would feel [Электронный ресурс] / *C. D. Batson, S. Early, G. Salvarani* // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – Vol. 23. – No. 7, July. – 1997. – P. 751-758. Режим доступа: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0146167297237008> (дата обращения: 14.09.2015).
169. *Berry J. M.* Cross-cultural psychology: research and applications [Электронный ресурс] / *J. M. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, M. H. Dasen*. – 2nd ed. – Cambridge university press. – 2002. – 589 p. Режим доступа: https://www.tsu.ge/data/file_db/faculty_psychology/Cross-Cultural%20Psychology.pdf (дата обращения: 02.03.2016).
170. *Birkett M.* Self-compassion and empathy across cultures: Comparison of young adults in China and the United States [Электронный ресурс] // *International Journal of Research Studies in Psychology*. – 2014. – Vol. 3 – No. 3. – P. 25-34. Режим доступа:

- <http://www.consortiacademia.org/index.php/ijrsp/article/view/551/255> (дата обращения: 14.05.2015).
171. *Bryant K.* An index of empathy for children and adolescents // *Child Development*. – 1982. – Vol. 53. – P. 413–425.
172. *Deigh J.* Empathy and universalizability // *Ethics*. – 1995. – Vol. 105. – No. 4. – P. 743-763.
173. *Eslinger P. G.* Neurological and Neuropsychological Bases of Empathy [Электронный ресурс] // *European neurology*. – 1998. – 39(4). – P. 193-199. Режим доступа: http://www.nmr.mgh.harvard.edu/~bradd/ftd/social/eslinger_eurneurol_1998.pdf (дата обращения: 13.12.2015).
174. *Eisenberg N, Lennon R.* Sex differences in empathy and related capacities [Электронный ресурс] // *Psychology Bulletin*. – 1983. – V. 94. – P. 100-131. Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Nancy_Eisenberg/publication/232536685_Sex_Differences_in_Empathy_and_Related_Capacities/links/00463520dbde76424c000000.pdf (дата обращения: 13.05.2015).
175. *Gu X.* Anterior insular cortex is necessary for empathetic pain perception [Электронный ресурс] / X. Gu et al. // *Brain*. – 2012. – Vol. 135(9). P. 2726-2735. Режим доступа: <http://brain.oxfordjournals.org/content/135/9/2726> (дата обращения: 15.08.2016).
176. *Håkansson J.* Exploring the phenomenon of empathy [Электронный ресурс]. – Department of Psychology ; Stockholm University. – Edsbruk: Akademitryck AB, 2003. – 73 p. Режим доступа: <http://www.emotionalcompetency.com/papers/empathydissertation.pdf> (дата обращения: 29.05.2016).
177. *Håkansson J., Montgomery H.* The role of action in empathy from the perspectives of the empathizer and the target [Электронный ресурс] // *Current Research in Social Psychology*. – 2002. – Vol. 8. – Issue 4. – P.50-62. Режим

- доступа: <https://uiowa.edu/crisp/volume-8-issue-4-october-29-2002> (дата обращения: 20.04.2016).
178. *Hepper E. G.* Moving Narcissus. Can Narcissists Be Empathic? [Электронный ресурс] / E. G. Hepper, C. M. Hart, C. Sedikides // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2014. – Vol. 40(9). – P. 1079–1091. Режим доступа: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0146167214535812> (дата обращения: 16.08.2016).
179. *Hoffman M. L.* Empathy and moral development: Implications for caring and justice. – New York: Cambridge University Press, 2000. – 342 p.
180. *Ickes W.* Naturalistic Social Cognition: Empathic Accuracy in Mixed-Sex Dyads [Электронный ресурс] / W. Ickes, L. Stinson, V. Bissonnette, S. Garcia // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1990. – Vol. 59. – No. 4. – P. 730-742. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/232595785> (дата обращения: 15.08.2016).
181. *Konrath S. H.* Changes in Dispositional Empathy in American College Students Over Time: A Meta-Analysis [Электронный ресурс] / S. H. Konrath, E. N. O'Brien, C. Hsing // *Personality and Social Psychology Review*. – 2011. – 15(2). – P. 180-198. Режим доступа: https://faculty.chicagobooth.edu/eob/edobrien_empathyPSPR.pdf (дата обращения: 15.08.2016).
182. *Koupric M., Visser F. S.* A framework for empathy in design: stepping into and out of the user's life [Электронный ресурс] // *Journal of Engineering Design*. – 2009. – Vol. 20. – No. 5. – P. 437-448. Режим доступа: <http://studiolab.io.tudelft.nl/manila/gems/sleeswijkvisser/koupricleswijkemp.pdf> (дата обращения: 04.06.2016).
183. *Lindgren H. C., Yu R.* Cross-Cultural Insight and Empathy among Chinese Immigrants to the United States [Электронный ресурс] // *The Journal of Social Psychology*. – 1975. – No. 96. – P. 305-306. Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00224545.1975.9923303> (дата обращения: 04.06.2016).

184. *Meltzoff A. N., Moore M. K.* Explaining Facial Imitation: A Theoretical Model [Электронный ресурс] // *Early Development and Parenting*. – 1997. – Vol. 6. – P. 179-192. Режим доступа: http://ilabs.washington.edu/meltzoff/pdf/97Meltzoff_Moore_FacialImit.pdf (дата обращения: 08.05.2016).
185. *Myler S. F.* Chinese Cultural Lack of Empathy in Development - Counselling Practice [Электронный ресурс] // 2009. Режим доступа: <http://ezinearticles.com/?Chinese-Cultural-Lack-of-Empathy-in-Development---Counselling-Practice&id=1907719> (дата обращения: 14.06.2015).
186. *Pike K. L.* Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. – 2nd ed. – Den Haag, 1967.
187. *Preston S. D., de Waal F. B. M.* Empathy: Its ultimate and proximate bases [Электронный ресурс] // *Behavioral and brain sciences*. – 2002. – No. 25. – P. 1-72. Режим доступа: http://www.emory.edu/LIVING_LINKS/publications/articles/Preston_deWaal_2002.pdf (дата обращения: 18.04.2015).
188. *Schaffer M.* The role of empathy and parenting style in the development of antisocial behavior [Электронный ресурс] / M. Schaffer, S. Clark, E. Jeglic // *Crime & Delinquency*. – 2009. – No. 55. – P. 586-599. Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2877627/> (дата обращения: 18.04.2015).
189. *Stotland E.* Exploratory investigations of empathy [Электронный ресурс] // *Advances in experimental social psychology*. In edition L. Berkowitz. – Vol. 4. Academic Press/ New York and London, 1969. – P. 271-313. Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1120489&pg=283> (дата обращения: 15.05.2016).
190. *Travis C.* Omoiyari as a core Japanese value: Japanese-style empathy? [Электронный ресурс] // *Speaking of Emotions: Conceptualisation and expression* / A. Athanasiadou, E. Tabakowska (eds.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. – P. 55-81. Режим доступа:

file:///C:/Users/pc/Downloads/[Angeliki_Athanasidou,_Elzbieta_Tabakowska]_Speak(BookZZ.org).pdf (дата обращения: 13.04.2016).

191. Truax C. B., Carkuff R. R. *Toward effective counseling and psychotherapy*. Chicago: Aldine, 1967.

192. *Vitaglione G. D., Barnett M. A.* Assessing a new dimension of empathy: empathic anger as a predictor of helping and punishing desires [Электронный ресурс] // *Motivation and emotion*. – 2003, – Vol. 27. – No. 4. – P. 301-325. Режим доступа:

file:///C:/Users/ПК/AppData/Local/Microsoft/Windows/Temporary%20Internet%20Files/Content.IE5/8B06VIPQ/art%253A10.1023%252FA%253A1026231622102.pdf (дата обращения: 15.08.2016).

Таблица А.1 – Состав выборки на монокультурном этапе исследования, чел.

Группа	Специальность	Курс	Девушки	Юноши	Всего
<i>Помогающая</i>	Психологии	3	16	5	21
	Психологии	4	19	6	25
	Социологи	3	13	3	16
	Социологи	4	19	1	20
	Дефектологи	3	34	0	34
	Всего в группе			101	15
<i>Коммуникативная</i>	Журналисты	3	34	4	38
	Менеджеры по туризму	3	25	2	27
	Менеджеры по персоналу	3	21	3	24
	Менеджеры по персоналу	4	15	0	15
	Всего в группе			95	9
<i>Техническая</i>	Химики	2	36	17	53
	Теплоэнергетики	3	12	26	38
	Всего по группе			48	43
Всего в выборке			244	67	311

Таблица А.2 – Поло-возрастной состав выборки на кросс-культурном этапе исследования, возраст

Группа респондентов	Пол	Средний возраст	Возрастной диапазон
Студенты из Китая	Девушки	22,8	18-26
	Юноши	22,2	19-25
Студенты из России	Девушки	22,6	18-27
	Юноши	22	19-25

**Диагностический инструментарий, использованный
на кросс-культурном этапе**

*«Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко
в модифицированном варианте*

Инструкция: Ответьте на каждый вопрос «Да», если он верно описывает ваше поведение и «Нет», если ваше поведение не соответствует тому, о чем говорится в вопросе.

1. У меня есть привычка внимательно изучать лица и поведение людей, чтобы понять их характер, наклонности, способности.
2. Если окружающие проявляют признаки нервозности, я обычно остаюсь спокойным.
3. Я больше доверяю доводам своего рассудка, чем интуиции.
4. Я считаю вполне уместным для себя интересоваться домашними проблемами сослуживцев.
5. Я могу легко войти в доверие почти к любому человеку, если потребуется.
6. Обычно я с первой же встречи угадываю «родственную душу» в новом человеке.
7. Я из любопытства обычно завожу разговор о жизни, работе, политике со случайными попутчиками в поезде, самолете.
8. Если окружающие чем-то угнетены, мне обычно передается это состояние.
9. Моя интуиция – надежное средство понимания окружающих.
10. Проявлять любопытство к внутреннему миру другой личности – бестактно.
11. Часто своими словами я обижаю близких мне людей, не замечая того.
12. Я редко рассуждаю о причинах поступков близких мне людей.
13. Я редко принимаю близко к сердцу проблемы своих друзей.
14. Обычно за несколько дней я чувствую: что-то должно случиться с близким мне человеком, и ожидания оправдываются.
15. В общении с деловыми партнерами я обычно стараюсь избегать разговоров о личном.

16. Часто близкие или друзья упрекают меня в черствости, невнимании к ним.
17. Чужой смех обычно заражает меня.
18. Часто действуя наугад, я, тем не менее, нахожу правильный подход к человеку.
19. Я способен почувствовать малейшие оттенки состояния любимого человека.
20. Мне редко встречались люди, которых я понимал бы без лишних слов.
21. Невольно или из любопытства я часто подслушиваю разговоры посторонних людей.
22. Я могу оставаться спокойным, даже если вокруг меня волнуются.
23. Мне проще подсознательно почувствовать сущность человека, чем понять его, «разложив по полочкам».
24. Я спокойно отношусь к мелким неприятностям, которые случаются у кого-либо из членов семьи.
25. Мне было бы трудно задушевно, доверительно беседовать с настороженным, замкнутым человеком.
26. У меня художественная натура – поэтическая, артистичная.
27. Я без особого любопытства выслушиваю исповеди новых знакомых.
28. Я обычно расстраиваюсь, если вижу плачущего человека.
29. Мое мышление больше отличается конкретностью, строгостью, последовательностью, чем интуицией.
30. Когда друзья начинают говорить о своих неприятностях, я предпочитаю перевести разговор на другую тему.
31. Обычно я сразу замечаю, что у кого-то из близких плохо на душе.
32. Мне трудно понять, почему пустяки могут так сильно огорчать людей.

«Тест эмпатийного потенциала личности» И. М. Юсупова

Инструкция: Предлагаем вам оценить несколько утверждений. Ваши ответы не будут оцениваться как хорошие или плохие, поэтому просим проявить откровенность. Над утверждениями не следует долго раздумывать. Достоверные ответы те, которые первыми пришли в голову. Прочитав в опроснике

утверждение, в соответствии с его номером отметьте в ответном листе ваше мнение под одной из шести градаций: «не знаю», «никогда» или «нет», «иногда», «часто», «почти всегда», «всегда» или «да». Ни одно из утверждений пропускать нельзя.

0 – если вы ответили «не знаю»,	3 – «часто»,
1 – «нет, никогда»,	4 – «почти всегда»,
2 – «иногда»,	5 – «да, всегда».

1. Мне больше нравятся книги о путешествиях, чем книги из серии «Жизнь замечательных людей».
2. Взрослых детей раздражает забота родителей.
3. Мне нравится размышлять о причинах успехов и неудачах других людей.
4. Среди всех музыкальных передач предпочитаю передачи о современной музыке.
5. Чрезмерную раздражительность и несправедливые упреки больного надо терпеть, даже если они продолжаются годами.
6. Больному человеку можно помочь даже словом.
7. Посторонним людям не следует вмешиваться в конфликт между двумя лицами.
8. Старые люди, как правило, обидчивы без причин.
9. Когда в детстве слушал грустную историю, на мои глаза сами по себе наворачивались слезы.
10. Раздраженное состояние моих родителей влияет на мое настроение.
11. Я равнодушен к критике в мой адрес.
12. Мне больше нравится рассматривать портреты, чем картины с пейзажами.
13. Я всегда прощал все родителям, даже если они были неправы.
14. Если лошадь плохо тянет, ее нужно хлестать.
15. Когда я читаю о драматических событиях в жизни людей, то чувствую, словно это происходит со мной.
16. Родители относятся к своим детям справедливо.
17. Видя ссорящихся подростков или взрослых, я вмешиваюсь.

18. Я не обращаю внимание на плохое настроение моих родителей.
19. Я подолгу наблюдаю за поведением животных, откладывая другие дела.
20. Фильмы и книги могут вызвать слезы только у несерьезных людей.
21. Мне нравится наблюдать за выражением лиц и поведением незнакомых людей.
22. В детстве я приводил домой кошек и собак.
23. Все люди необоснованно озлоблены.
24. Глядя на постороннего человека, мне хочется угадать, как сложится его жизнь.
25. В детстве младшие по возрасту ходили за мной по пятам.
26. При виде покалеченного животного я стараюсь ему чем-то помочь.
27. Человеку станет легче, если внимательно слушать его жалобы.
28. Увидев уличное происшествие, я стараюсь не попадать в число свидетелей.
29. Младшим нравится, когда я предлагаю им свою идею, дело или развлечение.
30. Люди преувеличивают способность животных чувствовать настроение своих хозяев.
31. Из затруднительной конфликтной ситуации человек должен выходить самостоятельно.
32. Если ребенок плачет, на то есть свои причины.
33. Молодежь должна удовлетворять любые просьбы и чудачества стариков.
34. Мне хотелось разобраться, почему некоторые мои одноклассники иногда были задумчивы.
35. Беспорядочных домашних животных следует отлавливать и уничтожать.
36. Если мои друзья начинают обсуждать со мной свои личные проблемы, я стараюсь перевести разговор на другую тему.

Обоснование возможности проведения исследования на русском языке студентов из Китая

На кросс-культурном этапе исследования методики были предоставлены русской и китайской выборах на русском языке. Результаты показывают, что китайские респонденты поняли вопросы методик и их данные можно считать достоверными.

Во-первых, это подтверждается оценками, данными испытуемыми на «парные» утверждения методик. В методиках В. В. Бойко и И. М. Юсупова есть вопросы, которые по смыслу повторяют друг друга. Если ответы на эти вопросы согласованы, мы можем сделать вывод о том, что китайские респонденты поняли их смысл на русском языке. И, наоборот, ответы на вопросы с противоположным содержанием должны быть различны.

Например, в методике И. М. Юсупова были обнаружены достоверные различия между группами студентов из России и Китая по вопросам, касающимся конфликтов посторонних людей: российские респонденты, по сравнению с китайскими, считают, что скорее не стоит вмешиваться в конфликт между двумя лицами (в утверждении № 7 методики И. М. Юсупова $U_{экс} = 865 < U_{кр} = 993$ при $p < 0,01$), а студенты из Китая, наоборот, считают, что стоит вмешиваться в ссору подростков (в утверждении № 17 методики И. М. Юсупова $U_{экс} = 1050 < U_{кр} = 1098$ при $p < 0,05$). Интересно, что вопрос о вмешательстве в конфликт между посторонними вызвал затруднения у 5 китайских респондентов (это почти 10 % выборки), они выбрали ответ «не знаю», тогда как все российские испытуемые дали оценку этому утверждению. Если рассматривать только ответы тех, кто оценил данное утверждение, то юноши из России и Китая продемонстрировали одинаковый средний балл на этот вопрос, тогда как российские девушки оценили это утверждение выше, чем китайские. Х. Чен пишет о том, что в Китае люди скорее безразличны по отношению к незнакомым: «тебе не помогают, если тебя не знают» [150, с. 105]. Тогда как в русской коммуникативной традиции считается допустимым вмешиваться в конфликт

между посторонними людьми [111, с. 235]. Однако, судя по приведенным выше данным, наблюдается обратная тенденция. Возможно, китайские респонденты под «двумя лицами» имели в виду знакомых им людей, своих друзей, так как конфликт посторонних людей не достоин внимания и активного участия. Поэтому по степени вмешательства в конфликт они превзошли русских респондентов.

Вторая пара утверждений, доказывающая, что китайские испытуемые понимали значение вопросов при ответе – утверждения № 36 методики И. М. Юсупова и № 30 методики В. В. Бойко. Они звучат примерно одинаково: «если мои друзья начинают обсуждать со мной свои личные проблемы, я стараюсь перевести разговор на другую тему» (формулировка вопроса в методике И. М. Юсупова). По обоим вопросам были получены достоверные различия между выборками, показывающими, что студенты из Китая чаще предпочитают поговорить о чем-нибудь другом ($U_{\text{экс}} = 982$ в методике И. М. Юсупова и $U_{\text{экс}} = 936$ в методике В. В. Бойко $< U_{\text{кр}} = 993$ при $p < 0,01$).

Во-вторых, эксперты оценили знания русского языка студентами из Китая выше среднего по 10-балльной шкале. Понимание устной речи на 7,5 баллов, письменной на 7,3 балла, устную речь на 6,6 баллов. Ни одна из шкал оценки русского языка не имеет достоверных связей со шкалами диагностического инструментария. Таким образом, результаты исследования эмпатии у студентов из Китая не связаны со знанием ими русского языка.

В-третьих, в психологической литературе обосновывается допустимость проведение исследование на русском языке выборки китайских респондентов, изучающих русский язык, например, О. А. Луниной [82].

Все вышесказанное делает возможным применение методик на русском языке на данной выборке респондентов.

**Индикаторы анализа категорий содержания и направленности эмпатии
в интервью студентов из России и Китая**

Единица анализа	Единица счета	Пример категорий, включенных в единицу счета
Эмоциональные проявления		
Эмоциональный отклик		Могу поплакать/погрустить/посочувствовать, грустно, пакостно на душе, хочется плакать, падает настроение, жалею/сочувствую, сама чувствую так же, радуюсь (за кого-то)
Когнитивные проявления		
Объективные маркеры	Социальные ситуации	Конфликты, взаимоотношения, несправедливость, забыли/бросили/не нужен, обманули, смерть близкого, обделили чем-то, не поняли
	Конкретные ситуации	Стало плохо на улице, нет времени на отдых, не высыпается, потерял (вещи, деньги), упал на улице, очень много работает
	Сферы	Проблемы со здоровьем (другого или его близких), духовные проблемы, проблемы с учебой, семейные проблемы, проблемы на работе, денежные трудности
	Характеристики ситуации	Неприятная, несчастная, опасная, хорошее дело, несчастье/неудача, нанесен ущерб, трудная, беда, что-то плохое, безвыходная/безнадежная, пустяки
	Необходимость помощи	Нуждается в помощи; видно, что нужна помощь; просит помощи; рассказывает о проблеме
Субъективные маркеры	Эмоции другого	Обреченность, радость/веселье, фрустрация, страхи, растерянность/в голове хаос, больно/тяжело/не может терпеть беду, гнев; видно, что плохо; печаль/грусть, плачет
	Особенности другого	Беспомощный/слабый, добрый, умный, хороший, «прямой человек», не может за себя постоять, невиновный в ситуации/не виноват, не может справиться, безвольный, ничего не добился в жизни; менее успешен, чем Я
	Особенности Я	Меня трогает, со мной тоже бывает, могу поставить себя на место другого, мое сочувствие поможет, могу помочь, понятная мне ситуация, пугает меня, зависит от моего внутреннего состояния

Поведенческие проявления		
Стратеги проявления сочувствия	Вербальная стратегия	Разговаривать/поговорить/расспрашивать, расскажу о своих проблемах, хвалить его, говорить приятные/ласковые слова
	Работа с эмоциями	Дать выплеснуть эмоции, выслушать, моральная/словесная поддержка, дать силы, утешить/успокоить, поднять настроение/приободрить, подарить подарок, позаботиться, показать хорошее отношение/что мне не всё равно/что мне можно доверять, привести в состояние разума
	Когнитивные стратегии	Понять ситуацию/другого человека, сам должен решить в процессе разговора (что делать), совет, надо двигаться вперед, ничего не изменишь, отвлечь, рациональный анализ, помощь в поиске решения, разложить по полочкам
	Действенная помощь	Помочь, исправить ситуацию, решить проблему, повлиять на ситуацию, дать денег/помочь материально; помогу сделать то, что не получается; дать еды/накормить/напоить чаем
	Совместная деятельность	Быть/сидеть рядом, вместе гулять/пить чай/играть в бадминтон/выпить (алкоголь), пойдём на танцы/по магазинам, все брошу и приеду, быть поблизости, уводить от одиночества; он не один, я рядом
Телесный контакт		Обнять, держать за руку, гладить по голове, похлопать по плечу, сяду плечом к плечу
Ориентация на другого		Как ему(ей) будет легче/лучше, смотря как хочет (друг), посмотрю на его состояние/реакцию; все, что угодно, лишь бы ей (ему) стало легче; я уже знаю, что ей так легче
Трудности проявления сочувствия		Не знаю, что делать/как себя вести/что сказать; чувствую растерянность/теряюсь; не проявляю/не показываю (что сочувствую)

Направленность эмпатии		
Социальный объект, на который направлена эмпатия	Близкое окружение	Родители, мать/мама, отец/папа, родные и близкие/родня, бабушка, семья, друзья/друг, любимый человек/девушка, Я
	Нуждающиеся	Безработные, бездомные, одинокие, инвалиды и их родители, больные, просят милостыню, бедные/у кого финансовые проблемы/кто имеет проблемы с деньгами, одинокие старики, сироты, несчастливые в любви/кого разлюбили, жертвы катастроф/войн
	Социальные объекты	Пожилые люди/пенсионеры, животные/киски/бездомные собаки и кошки, преподаватели, медики, незнакомые, дети, герои кино/театра/книг, девушки, беременные
	Группа контакта	Знакомые/кого знаю, сосед, коллеги, с кем сталкиваюсь, одноклассники/с кем вместе учусь
	Не выделяют групп	Не могу назвать конкретную группу, бывает по-разному, в разной ситуации по-разному, разным людям, всё индивидуально, выборочно, трудно дифференцировать
Интенсивность эмпатии по отношению к другому из культурной ин- или аут-группы	Не имеет значения	Без разницы/не имеет значения, любой национальности, свой или чужой – не важно, человеку из любой страны
	К ин-группе выше	<i>Для россиян:</i> больше сочувствую русским, своим, братьям-славянам, меньше сочувствую чужим/левым/иностранцам <i>Для китайцев:</i> больше сочувствую китайцам, своим, из своей страны, из Китая, кто приехал из Китая
	К аут-группе выше	<i>Для россиян:</i> больше сочувствую таджикам/гастарбайтерам/иностранцам/Приезжим; к иностранцам с особым трепетом; к тем, кто плохо понимает по-русски <i>Для китайцев:</i> больше сочувствую русским/не китайцам

Результаты монокультурного этапа исследования

Таблица Д.1 – Описательная статистика результатов исследования в Помогающей группе

Показатель	N	Ср. знач.	Меди-ана	Мин.	Макс.	Ст. откл	Ошибка ср. откл.	Асим-метрия	Эксцесс	кр. Колмогорова – Смирнова	
										d	p
Рефлексия общ.	116	36,19	36	22	55	6,34	0,59	0,17	-0,34	0,08	> 0,20
Эмпатия	116	24,34	25,5	-42	81	24,61	2,28	-0,21	-0,27	0,05	> 0,20
Присоединение	116	12,11	10	-55	61	19,92	1,85	-0,03	0,80	0,05	> 0,20
Сензитивность к отвержению	116	1,13	2	-33	53	15,17	1,41	0,15	0,40	0,05	> 0,20
Рациональный	116	3,28	3	0	6	1,22	0,11	-0,45	-0,08	0,18	< 0,01
Эмоциональный	116	3,69	4	0	6	1,61	0,15	-0,22	-0,93	0,17	< 0,01
Интуитивный	116	3,12	3	0	6	1,73	0,16	0,10	-1,02	0,16	< 0,01
Установки	116	3,90	4	0	6	1,25	0,12	-0,85	1,22	0,24	< 0,01
Проникающая	116	3,51	3,5	0	6	1,39	0,13	-0,18	-0,74	0,15	< 0,01
Идентификация	116	3,61	4	0	6	1,54	0,14	-0,26	-0,56	0,13	< 0,05

Примечание: 1 – «Рефлексия общения» - шкала «Методики определения уровня рефлексивности» А. В. Карпова и В. В. Пономаревой; 2-4 – шкалы «Опросника по изучению эмпатии» Меграбиана; 5-10 – шкалы методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко.

Таблица Д.2 – Описательная статистика результатов исследования в Коммуникативной группе

Показатель	N	Ср. знач.	Меди- ана	Мин.	Макс.	Ср. откл	Ошибка ср. откл.	Асим- метрия	Эксцесс	кр. Колмогорова – Смирнова	
										d	p
Рефлексия общ.	104	36,07	37	14	56	6,21	0,61	-0,34	1,51	0,11	> 0,20
Эмпатия	104	18,88	20,5	-55	90	24,43	2,40	-0,23	0,66	0,07	> 0,20
Присоединение	104	11,49	13	-47	64	22,86	2,24	-0,44	0,21	0,08	> 0,20
Сензитивность к отвержению	104	-1,42	1	-49	52	18,75	1,84	-0,27	0,17	0,11	> 0,20
Рациональный	104	3,63	4	0	6	1,27	0,12	-0,50	0,67	0,17	< 0,01
Эмоциональный	104	3,20	3	0	6	1,59	0,16	0,16	-0,89	0,16	< 0,05
Интуитивный	104	3,19	3	0	6	1,72	0,17	-0,03	-1,01	0,15	< 0,05
Установки	104	3,87	4	1	6	1,14	0,11	-0,17	-0,03	0,18	< 0,01
Проникающая	104	3,59	4	0	6	1,22	0,12	-0,21	-0,09	0,17	< 0,01
Идентификация	104	3,62	4	0	6	1,30	0,13	-0,49	0,04	0,21	< 0,01

Примечание: 1 – «Рефлексия общения» - шкала «Методики определения уровня рефлексивности» А. В. Карпова и В. В. Пономаревой; 2-4 – шкалы «Опросника по изучению эмпатии» Меграбиана; 5-10 – шкалы методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко.

Таблица Д.3 – Описательная статистика результатов исследования в Технической группе

Показатель	N	Ср. знач.	Меди- ана	Мин.	Макс.	Ср. откл	Ошибка ср. откл.	Асим- метрия	Экссесс	кр. Колмогорова – Смирнова	
										d	p
Рефлексия общ.	91	34,4	35	19	48	5,40	0,57	-0,08	-0,23	0,08	> 0,20
Эмпатия	91	8,48	9	-48	55	22,14	2,32	-0,03	-0,16	0,06	> 0,20
Присоединение	91	8,92	9	-48	48	17,26	1,81	-0,61	0,80	0,07	> 0,20
Сензитивность к отвержению	91	1,92	2	-43	41	17,87	1,87	0,09	-0,36	0,06	> 0,20
Рациональный	91	3,29	3	0	6	1,29	0,14	-0,11	-0,40	0,16	< 0,05
Эмоциональный	91	2,96	3	0	6	1,59	0,17	0,38	-0,77	0,20	< 0,01
Интуитивный	91	2,91	3	0	6	1,55	0,16	0,42	-0,84	0,21	< 0,01
Установки	91	3,57	4	1	6	1,23	0,13	0,11	-0,40	0,18	< 0,01
Проникающая	91	3,18	3	0	6	1,29	0,14	-0,30	0,15	0,18	< 0,01
Идентификация	91	3,02	3	0	6	1,35	0,14	0,07	-0,38	0,16	< 0,05

Примечание: 1 – «Рефлексия общения» - шкала «Методики определения уровня рефлексивности» А. В. Карпова и В. В. Пономаревой; 2-4 – шкалы «Опросника по изучению эмпатии» Меграбиана; 5-10 – шкалы методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко.

Таблица Д.4 – Средние значения шкал эмоционального компонента эмпатии

Группа		Эмоциональный канал 0÷6	Идентификация в эмпатии 0÷6	Эмпатическая тенденция -132÷132	Сензитивность к отвержению -96÷96
Помогающая	Девушки	3,7	3,6	24,6	1,2
	Юноши	3,5	3,9	22,3	0,9
	Все	3,7	3,6	24,3	1,1
Коммуникативная	Девушки	3,3	3,7	20,6	-0,7
	Юноши	2,2	2,4	0,6	-8,9
	Все	3,2	3,6	18,9	-1,4
Техническая	Девушки	3,5	3,2	18,0	3,4
	Юноши	2,4	2,9	-2,1	0,3
	Все	3,0	3,0	8,5	1,9

Таблица Д.5 – Средние значения шкал когнитивного компонента эмпатии

Группа		Рациональный канал 0÷6	Интуитивный канал 0÷6	Установки, способ. эмпатии 0÷6	Рефлексия общения 7÷56
Помогающая	Девушки	3,2	3,2	3,9	36,3
	Юноши	3,9	2,8	3,8	35,3
	Все	3,3	3,1	3,9	36,0
Коммуникативная	Девушки	3,6	3,3	3,9	36,4
	Юноши	3,7	2,2	3,6	32,7
	Все	3,6	3,2	3,9	36,0
Техническая	Девушки	3,4	3,1	3,8	35,0
	Юноши	3,2	2,7	3,4	33,7
	Все	3,3	2,9	3,6	34,4

Таблица Д.6 – Средние значения шкал поведенческого компонента эмпатии

Группа		Проникающая способность 0÷6	Тенденция к присоединению -52÷52
Помогающая	Девушки	3,2	3,2
	Юноши	3,9	2,8
	Все	3,3	3,1
Коммуникативная	Девушки	3,6	3,3
	Юноши	3,7	2,2
	Все	3,6	3,2
Техническая	Девушки	3,4	3,1
	Юноши	3,2	2,7
	Все	3,3	2,9

Результаты кросс-культурного этапа исследования

Таблица Е.1 – Описательная статистика по методикам В. В. Бойко и И. М. Юсупова (группа студентов из Китая)

Показатель	N	Ср. знач.	Медиана	Мин.	Макс.	Ср. откл.	Ошибка ср. откл.	Асимметрия	Эксцесс	кр. Колмогорова – Смирнова	
										d	p
НВИ	52	8,31	8	4	12	2,36	0,33	-0,14	-0,76	0,12	> 0,20
ЭОП	52	9,63	10	5	14	2,43	0,34	-0,24	-0,53	0,14	> 0,20
Эмпат. к родителям	52	10,15	10	6	14	2,26	0,31	-0,11	-0,80	0,11	> 0,20
Эмпат. к животным	52	6,87	7	2	12	1,99	0,28	0,19	0,23	0,13	> 0,20
Эмпатия к пожилым	52	7,67	7	4	12	1,96	0,27	0,45	-0,59	0,17	< 0,10
Эмпатия к детям	52	9,13	9	5	15	1,96	0,27	0,32	0,67	0,14	> 0,20
Эмпатия к ГХП	52	7,58	7	3	12	2,24	0,31	0,04	-0,28	0,12	> 0,20
Эмпатия к НиМЗ	52	7,88	8	2	15	2,41	0,34	0,40	1,00	0,13	> 0,20

Примечание: НВИ – шкала «непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «эмоциональная отзывчивость и понимание»; ГХП – шкала «эмпатия к героям художественным произведений»; НиМЗ – шкала «эмпатия к незнакомым и малознакомым людям»; 1-2 – показатели методики В. В. Бойко; 3-8 – показатели методики И. М. Юсупова.

Таблица Е.2 – Описательная статистика по методикам В. В. Бойко и И. М. Юсупова (группа студентов из России)

Показатель	N	Ср. знач.	Меди- ана	Мин.	Макс.	Ср. откл	Ошибка ср. откл	Асим- метрия	Эксцесс	кр. Колмогорова – Смирнова	
										d	p
НВИ	52	8,62	9	1	15	3,02	0,42	-0,13	-0,06	0,10	> 0,20
ЭОП	52	10,83	11	6	15	2,26	0,31	-0,42	-0,05	0,12	> 0,20
Эмпат. к родителям	52	9,85	10	5	14	2,04	0,28	-0,36	-0,54	0,20	< 0,05
Эмпат. к животным	52	7,29	7	3	13	2,67	0,37	0,32	-0,81	0,15	> 0,20
Эмпатия к пожилым	52	7,69	8	3	12	2,00	0,28	0,15	-0,00	0,12	> 0,20
Эмпатия к детям	52	9,02	9	1	13	2,60	0,36	-0,68	0,41	0,16	< 0,15
Эмпатия к ГХП	52	7,63	8	2	14	2,66	0,37	0,01	-0,12	0,12	> 0,20
Эмпатия к НиМЗ	52	9,56	9	4	15	2,76	0,38	-0,06	-0,68	0,12	> 0,20

Примечание: НВИ – шкала «непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «эмоциональная отзывчивость и понимание»; ГХП – шкала «эмпатия к героям художественным произведений»; НиМЗ – шкала «эмпатия к незнакомым и малознакомым людям»; 1-2 – показатели методики В. В. Бойко; 3-8 – показатели методики И. М. Юсупова.

Таблица Е.3 – Выраженность эмоциональных и когнитивных проявлений эмпатии по методике В.В. Бойко, однофакторный дисперсионный анализ

(N 1 = 52; N 2 = 52)

Показатель	Средний балл		F	p
	Студенты из России	Студенты из Китая		
ЭОП	10,8	9,6	6,74	0,011
НВИ	8,6	8,3	0,34	0,564

Примечание: ЭОП – шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание»; НВИ: шкала «Непроизвольное внимание и интуиция».

Таблица Е.4 – Сравнение значимости стратегии «Работа с эмоциями» с другими стратегиями в выборке студентов из России, угловое преобразование Фишера

(N 1 = 52)

Стратегия проявления сочувствия	Значение ϕ^*	p
Когнитивные стратегии	1,52	0,064
Деятельная помощь	3,34	0,000
Совместная деятельность	5,22	0,000

Таблица Е.5 – Сравнение значимости стратегии «Деятельная помощь» с другими стратегиями в выборке студентов из Китая, угловое преобразование Фишера

(N 1 = 52)

Стратегия проявления сочувствия	Значение ϕ^*	p
Работа с эмоциями	1,78	0,037
Когнитивные стратегии	1,37	0,085
Совместная деятельность	2,79	0,001

Таблица Е.6 – Порядок выраженности стратегии проявления сочувствия в группах
(N 1 = 52; N 2 = 52), в %

Студенты из Китая		№	Студенты из России	
Вербальные	65,4	1	Работа с эмоциями	96,2
Помощь	59,6	2	Когнитивные	88,5
Когнитивные	46,2	3	Помощь	75
Работа с эмоциями	42,3	4	Вербальные	61,5
Совместная деятельность	32,7	5	Совместная деятельность	57,7
Телесная поддержка	5,8	6	Телесная поддержка	17,3

Таблица Е.7 – Выраженность эмпатии по отношению к различным социальным
объектам (N 1 = 52; N 2 = 52)

Социальный объект	Студенты из России	Студенты из Китая	Значение F	p
Родители	9,8	10,2	0,53	0,468
Незнакомые и малознакомые люди	9,3	7,9	10,82	0,001
Дети	8,9	9,1	0,06	0,799
Пожилые люди	7,7	7,7	0,00	0,961
Герои художественных произведений	7,5	7,6	0,01	0,905
Животные	7,1	6,8	0,84	0,361

Список практических рекомендаций для создания более комфортной и безопасной образовательной среды для обучения студентов из Китая

1. Выводы об эмпатийности китайских студентов необходимо делать на основании их эмпатии по отношению к представителям ин-группы. Китайские студенты демонстрируют невысокую эмпатию по отношению к незнакомым. Они четко разделяют близких и друзей, к которым испытывают сочувствие, и незнакомых, жизнь которых их непосредственно не касается.
2. Студенты из Китая нуждаются в обучении стандартам выражения сочувствия, принятым в России. Эмпатическое поведение китайцев стандартизировано, подчинено большому количеству норм и правил. В Китае есть правила выражения сочувствия в определенных ситуациях по отношению к людям с определенным социальным статусом. В России нормы эмпатической культуры отличны от таковой в Китае, поэтому китайцы могут чувствовать растерянность и испытывать трудности в выборе правильной стратегии поведения. В этой ситуации они могут выражать безразличие, так как опасаются «потерять лицо» в результате ошибочно выбранной стратегии поведения. Осложняются культурные различия тем, что русские, в отличие от китайцев, реже опираются на стандартные схемы, поэтому китайским студентам необходимо прислушиваться к собственной интуиции, учитывая ситуативный контекст, ориентируясь на собственное психологическое состояние и потребности партнера по общению. Только опыт проявления сочувствия по отношению к россиянам даст возможность китайцам научиться применять правильно схемы проявления эмпатии, принятые в России.
3. В общежитии китайских студентов предпочтительно селить в одной комнате со студентами из России, которые выразят желание в кросс-культурной коммуникации. Пребывание в непосредственном длительном

контакте с российскими студентами поможет студентам из Китая легче и более эффективно не только освоить русский язык, но и адаптироваться к поведенческим особенностям жителей России. Проживание в одной комнате с представителями собственной страны или с другими иностранными студентами затрудняет и замедляет приобщение к русской культурной среде, включая культуру эмпатии.

4. Понимание поведения студентов из Китая должно осуществляться на основании знаний их культурно-обусловленных особенностей. Соответственно, специалисты, работающие с этой группой студентов, нуждаются в соответствующих знаниях. Например, китайцы предпочитают переводить разговор с неприятного на другую тему или отвлекать друга от грустных мыслей не потому, что его переживания им безразличны. Они стремятся «сохранить ему лицо» и оградить от дополнительной боли.
5. Понимание эмоционального состояния студентов из Китая может быть затруднено неприемлемостью прямого выражения чувств в китайской культуре. Китайцы менее экспрессивны, чем русские, поэтому внешнее выражение чувств не всегда соответствует интенсивности переживаний. Китаец, который выглядит слегка расстроенным, может быть опечален гораздо сильнее. Кураторам и сотрудникам, работающим с ним, необходимо тщательно следить за эмоциональным состоянием китайских студентов, обращая внимание на малейшие изменения в настроении, которые они демонстрируют.
6. При проявлении сочувствия по отношению к студентам из Китая, необходимо в первую очередь сосредоточиться на действенной помощи, которая является для них наиболее предпочитаемой стратегией проявления эмпатии.
7. Необходимо осторожнее подходить к оценке знаний и поведения студентов из Китая. В Китае не принято давать негативную оценку прямо, так как это может привести к «потере лица». Отрицательную оценку, как и обратную связь по поводу не вполне уместных поведенческих проявлений, стоит

давать индивидуально в более мягкой форме. Публичное оценивание может вызвать интенсивные негативные эмоции у студентов из Китая и поставить их в некрасивое положение перед соотечественниками. По той же причине в конфликтной ситуации стоит избегать прямой конфронтации со студентами из Китая.

8. При договоренностях со студентами из Китая по поводу объема и сроков домашнего задания преподавателям необходимо иметь в виду, что китайцы часто не могут сказать «нет», отказаться от чего-то. Так как прямой отказ разрушает гармонию в межличностных отношениях, они просто игнорируют просьбы и саботируют деятельность. Необходимо уточнять, является ли их согласие проявлением намерения выполнить свою часть договора, или просто формальным признаком вежливости.

**Результаты исследования связей между проявлениями эмпатии
и ее направленностью на различные социальные объекты**

Таблица И.1 – Матрица корреляций показателей эмпатии в выборке студентов
из Китая, коэффициент корреляции Спирмена (N = 52)

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8
1. НВИ (методика В. В. Бойко)	1,00							
2. ЭОП (методика В. В. Бойко)	-0,11	1,00						
3. Эмпатия к родителям	0,17	0,37**	1,00					
4. Эмпатия к животным	0,23	0,28*	0,16	1,00				
5. Эмпатия к пожилым	0,14	0,08	0,32*	-0,06	1,00			
6. Эмпатия к детям	0,06	-0,03	-0,16	0,08	0,02	1,00		
7. Эмпатия к ГХП	-0,04	-0,04	-0,21	0,12	0,03	0,08	1,00	
8. Эмпатия к НиМЗ	0,32*	-0,17	0,01	0,20	-0,06	0,20*	0,41**	1,00

Примечание: НВИ – шкала «Непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание»; ГХП – герои художественных произведений; НиМЗ – незнакомые и малознакомые люди; 3-8 – показатели методики И. М. Юсупова; уровень значимости * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Таблица И.2 – Матрица корреляций показателей эмпатии в выборке студентов
из России, коэффициент корреляции Спирмена (N = 52)

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8
1. НВИ (методика В. В. Бойко)	1,00							
2. ЭОП (методика В. В. Бойко)	0,42**	1,00						
3. Эмпатия к родителям	0,22	0,09	1,00					
4. Эмпатия к животным	0,24	0,30*	0,10	1,00				
5. Эмпатия к пожилым	-0,14	-0,04	0,14	0,04	1,00			
6. Эмпатия к детям	0,27*	0,25	-0,02	0,34*	-0,11	1,00		
7. Эмпатия к ГХП	0,28*	0,15	0,27	0,15	0,01	0,25	1,00	
8. Эмпатия к НиМЗ	0,29*	0,44**	0,09	0,41**	0,07	0,30*	0,33*	1,00

Примечание: НВИ – шкала «Непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание»; ГХП – герои художественных произведений; НиМЗ – незнакомые и малознакомые люди; 3-8 – показатели методики И. М. Юсупова; уровень значимости * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Таблица И.3 – Факторные нагрузки особенностей эмпатии в выборках студентов
(N 1 = 52; N 2 = 52)

Особенности эмпатии	Студенты из Китая			Студенты из России	
	F1	F2	F3	F1	F2
Непроизвольное внимание и интуиция	0,42	0,61		0,70	
Эмоциональная отзывчивость и понимание			0,84	0,68	
Эмпатия к родителям		0,68	0,41		0,68
Эмпатия к животным			0,73	0,60	
Эмпатия к пожилым		0,73			0,72
Эмпатия к детям	0,56			0,63	
Эмпатия к героям художественных произведений	0,66			0,50	
Эмпатия к незнакомым и малознакомым людям	0,81			0,69	
Собственные значения	1,90	1,48	1,42	2,51	1,29
ДОД %	23,69	18,55	17,76	31,35	16,15

Результаты гендерного исследования на кросс-культурном этапе

Таблица К.1 – Различия в выраженность шкал методики В. В. Бойко, однофакторный дисперсионный анализ (N 1 = 31; N 2 = 31; N 3 = 21; N 4 = 21)

Показатель	Пол	Средний балл (0÷16)		Значение F	p
		Студенты из России	Студенты из Китая		
ЭОП	Девушки	11,6	9,8	10,87	0,002
	Юноши	9,6	9,3	0,15	0,699
НВИ	Девушки	9,5	8,2	3,46	0,068
	Юноши	7,3	8,4	1,90	0,176

Примечание: НВИ – шкала «Непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание».

Таблица К.2 – Гендерные различия в выраженность шкал методики В. В. Бойко, однофакторный дисперсионный анализ (N 1 = 31; N 2 = 21; N 3 = 31; N 4 = 21)

Показатель	Группа респондентов	Средний балл (0÷16)		Значение F	p
		Девушки	Юноши		
ЭОП	Студенты из России	11,6	9,6	12,351	0,001
	Студенты из Китая	9,8	9,3	0,539	0,466
НВИ	Студенты из России	9,5	7,3	7,088	0,010
	Студенты из Китая	8,2	8,4	0,091	0,764

Примечание: НВИ – шкала «Непроизвольное внимание и интуиция»; ЭОП – шкала «Эмоциональная отзывчивость и понимание».

Таблица К.3 – Частота проявления эмоционального отклика, угловое преобразование Фишера (N 1 = 31; N 2 = 31; N 3 = 21; N 4 = 21)

Пол	%		Значение φ^*
	Студенты из России	Студенты из Китая	
Девушки	45,2	22,6	1,91*
Юноши	19,0	14,3	0,41

Примечание: p – уровень значимости; * – $p < 0,05$.

Таблица К.4 – Гендерные различия частоты упоминания эмпатических маркеров, угловое преобразование Фишера (значение ϕ^*)
(N 1, 2 = 31; N 3, 4 = 21; N 5, 7 = 31; N 6, 8 = 21)

Группа маркеров	Эмпатический маркер		Девушки (Росс.-Кит.)	Юноши (Росс.-Кит.)	Россия (Дев.-Юн.)	Китай (Дев.-Юн.)
Объективные маркеры	Ситуации	Социальные	-1,91**	2,01**	-4,18****	-0,27
		Конкретные	0	1,49*	-1,37*	0,26
		Сферы	0,78	2,21**	-1,68**	0,05
	Характеристики ситуации		0,26	1,56*	-0,40	1,08
	Необходимость помощи		-0,70	-0,60	1,66**	0,36
Субъект. маркеры	Эмоции другого		1,02	0,97	1,08	1,22
	Особенности другого		0,76	0,68	-1,43*	-1,37*
	Особенности «Я»		2,17**	2,03**	1,01	1,27

Примечание: p – уровень значимости; * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$; **** – $p < 0,001$.

Таблица К.5 – Частота упоминания стратегий проявления сочувствия в группах по результатам интервью (N 1 = 31; N 2 = 21; N 3 = 31; N 4 = 21), в %

Стратегия проявления сочувствия	Студенты из России		Студенты из Китая	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
Работа с эмоциями	96,8	95,2	48,4	33,3
Когнитивные стратегии	90,3	85,7	41,9	52,4
Действенная помощь	64,5	90,5	51,6	71,4
Совместная деятельность	67,7	42,9	35,5	28,6

Таблица К.6 – Гендерные различия в частоте упоминания стратегий проявления сочувствия, угловое преобразование Фишера (значение ϕ^*)

(N 1, 2 = 31; N 3, 4 = 21; N 5, 7 = 31; N 6, 8 = 21)

Стратегия проявления сочувствия	Девушки (Росс.-Кит.)	Юноши (Росс.-Кит.)	Россия (Дев.-Юн.)	Китай (Дев.-Юн.)
Работа с эмоциями	4,90****	4,76****	0,29	1,09
Когнитивные стратегии	4,33****	2,42****	0,50	-0,75
Действенная помощь	1,03	1,63**	-2,30****	-1,45*
Совместная деятельность	2,58****	0,97	1,79**	0,52

Примечание: p – уровень значимости; * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$; **** – $p < 0,001$.

Таблица К.7 – Гендерные различия в оценке интенсивности эмпатии по отношению к другому из культурной ин- или аут-группы, угловое преобразование Фишера (значение ϕ^*)

(N 1, 2 = 31; N 3, 4 = 21; N 5, 7 = 31; N 6, 8 = 21)

Показатель	Девушки (Росс.-Кит.)	Юноши (Росс.-Кит.)	Россия (Дев.-Юн.)	Китай (Дев.-Юн.)
Не имеет значения	3,70****	3,84****	-1,55*	-0,68
К ин-группе выше	-2,40****	-3,19****	1,04	-0,30
К аут-группе выше	0,61	2,23*	-0,22	1,66**

Примечание: p – уровень значимости; * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$; **** – $p < 0,001$.

Таблица К.8 – Результаты сравнительного исследования эмпатии по отношению к различным социальным объектам у девушек и юношей из России и Китая, однофакторный дисперсионный анализ (N 1, 2 = 31; N 3, 4 = 21)

Социальные объекты	Девушки (Россия-Китай)		Юноши (Россия-Китай)	
	F	p	F	p
Эмпатия к родителям	0,03	0,863	1,95	0,170
Эмпатия к животным	3,44	0,068	0,71	0,404
Эмпатия к пожилым	0,00	0,949	0,00	1,000
Эмпатия к детям	0,05	0,831	0,02	0,888
Эмпатия к героям художественных произведений	1,87	0,176	1,84	0,182
Эмпатия к незнакомым и малознакомым людям	15,86	0,000	0,26	0,613

Таблица К.9 – Гендерные различия в эмпатии по отношению к различным социальным объектам у студентов из России и Китая, однофакторный дисперсионный анализ (N 1 = 31; N 2 = 21; N 3 = 31; N 4 = 21)

Социальные объекты	Россия (Девушки-Юноши)		Китай (Девушки-Юноши)	
	F	p	F	p
Эмпатия к родителям	0,875	0,354	0,515	0,476
Эмпатия к животным	7,305	0,009	0,200	0,657
Эмпатия к пожилым	0,047	0,830	0,026	0,872
Эмпатия к детям	1,045	0,312	2,048	0,159
Эмпатия к героям художественных произведений	6,865	0,012	0,000	0,989
Эмпатия к незнакомым и малознакомым людям	11,076	0,002	0,089	0,766

**Результаты двухфакторного дисперсионного анализа
на кросс-культурном этапе исследования**

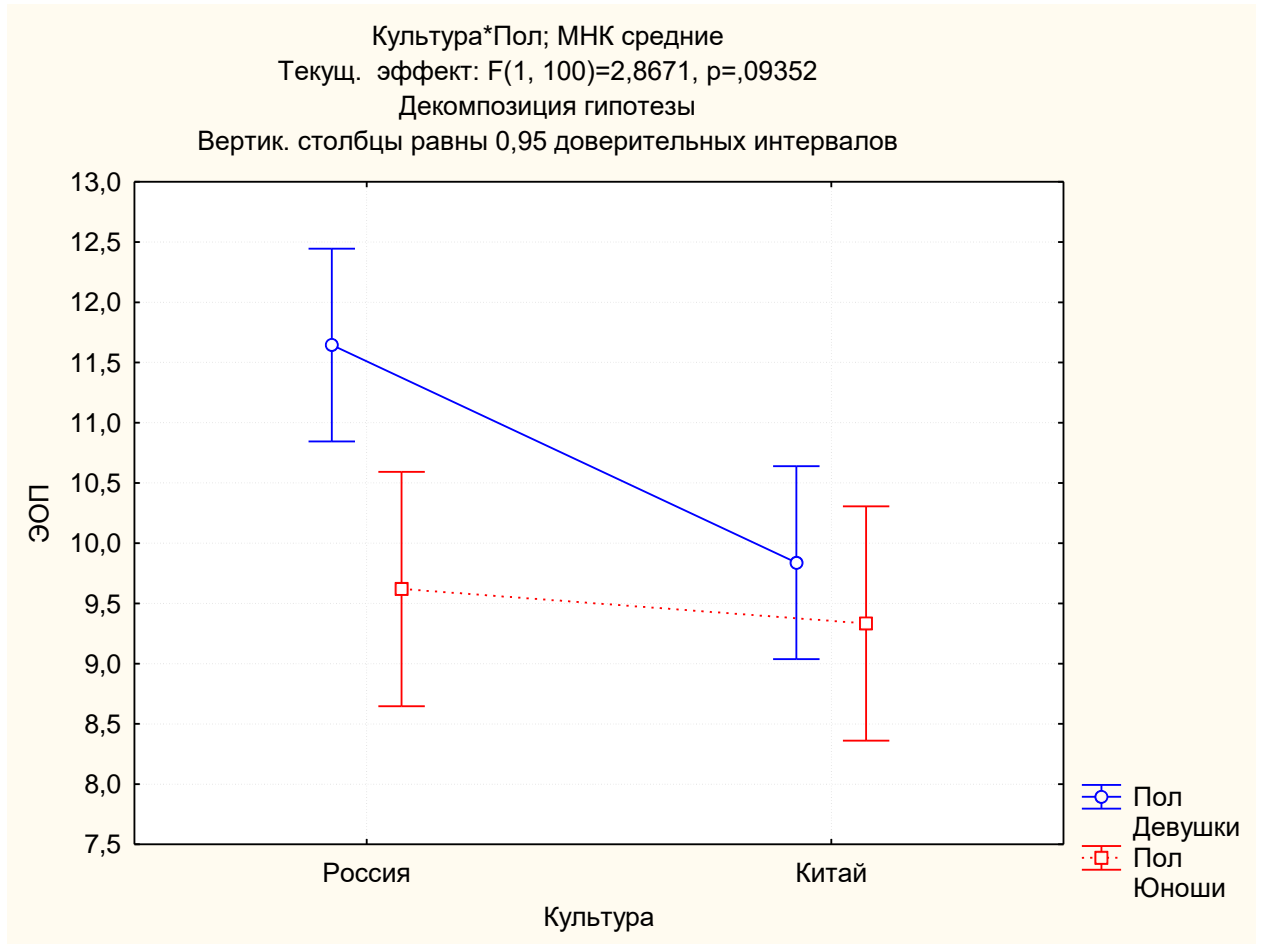

Рисунок Л.1 – Эффекты факторов «Культура» и «Пол» на переменную «Эмоциональная отзывчивость и понимание» (ЭОП) методики В. В. Бойко

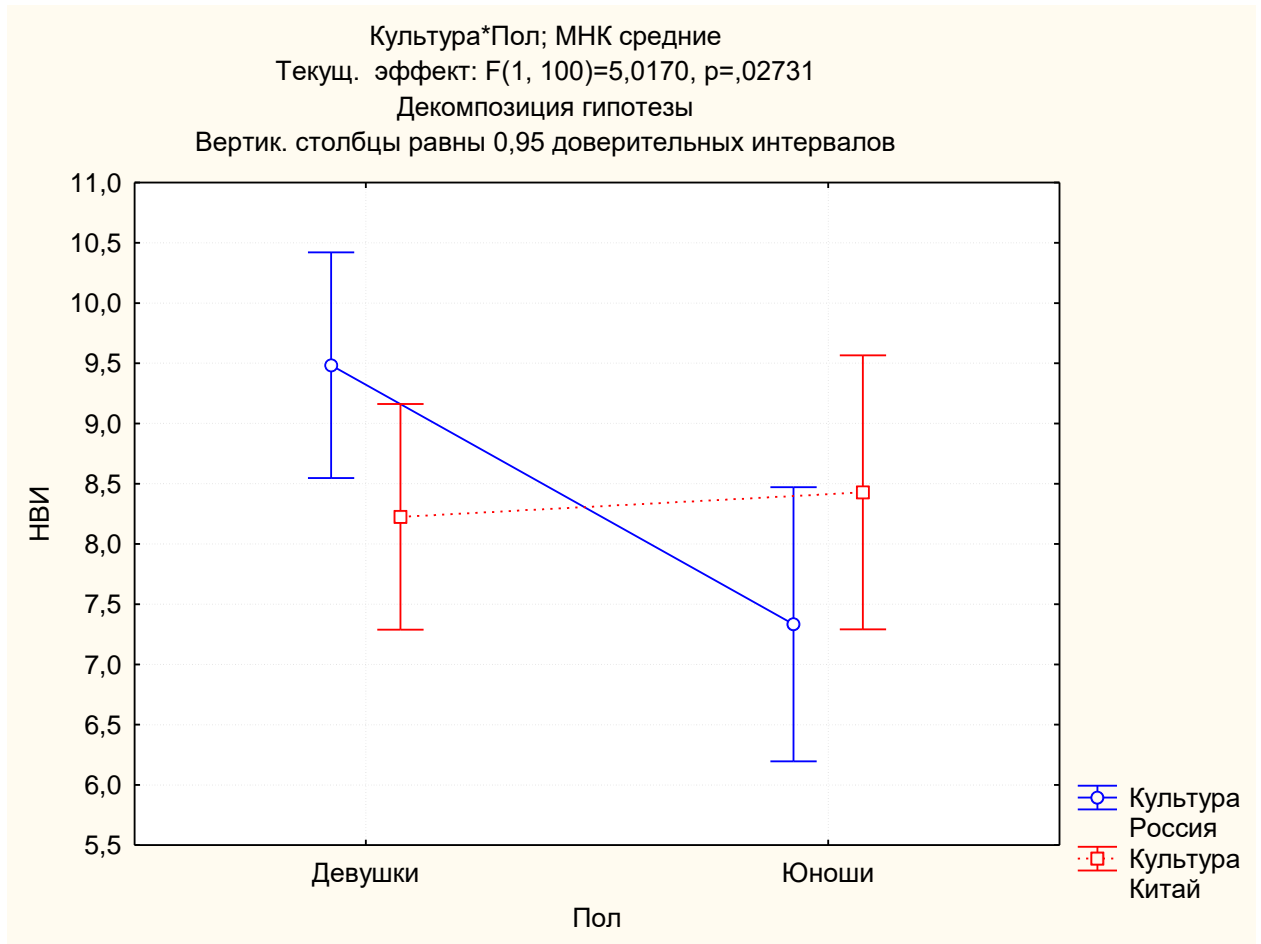

Рисунок Л.2 – Эффекты факторов «Культура» и «Пол» на переменную «Непроизвольное внимание и интуиция» (НВИ) методики В. В. Бойко

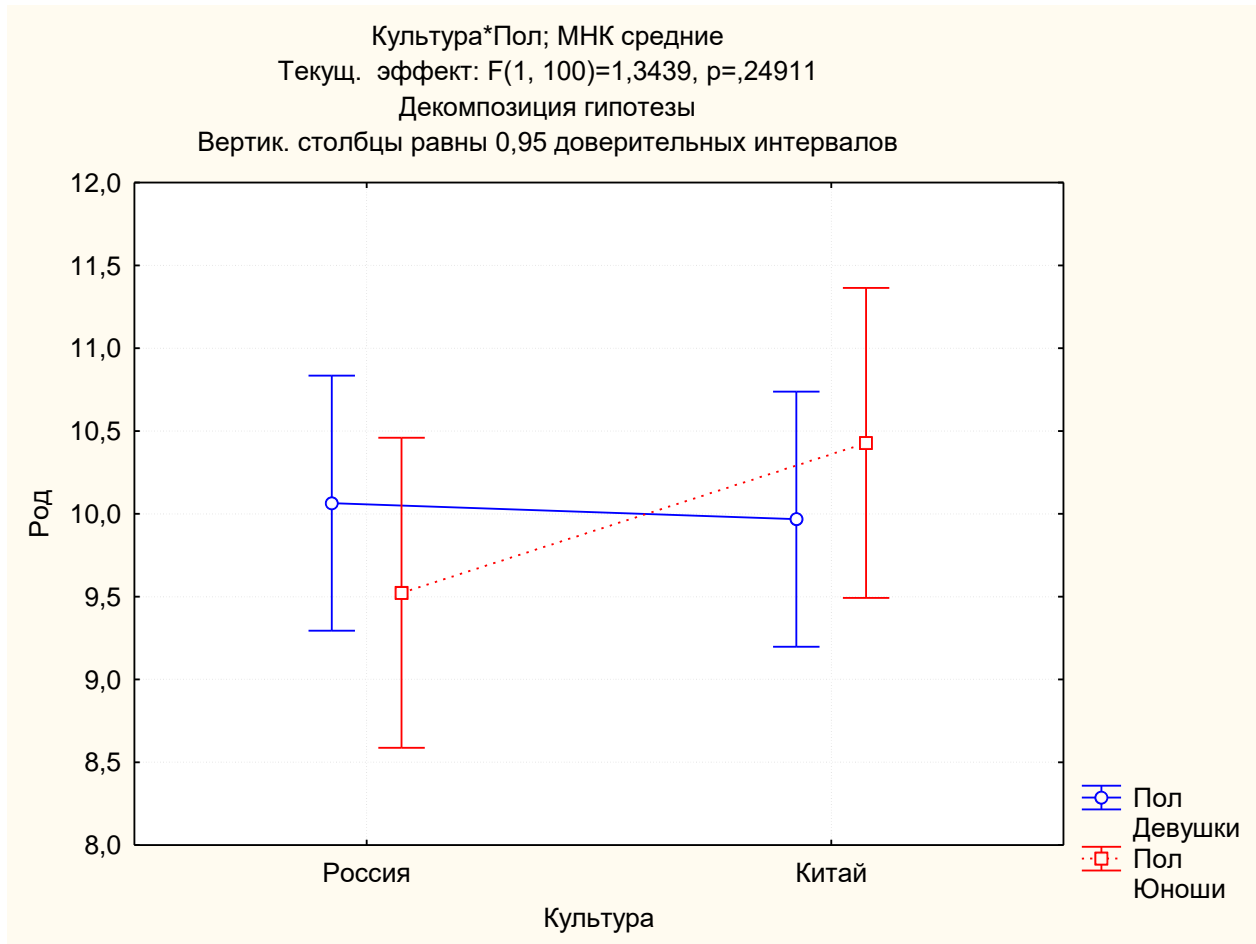

Рисунок Л.3 – Эффекты факторов «Культура» и «Пол» на переменную «Эмпатия к родителям» методики И. М. Юсупова

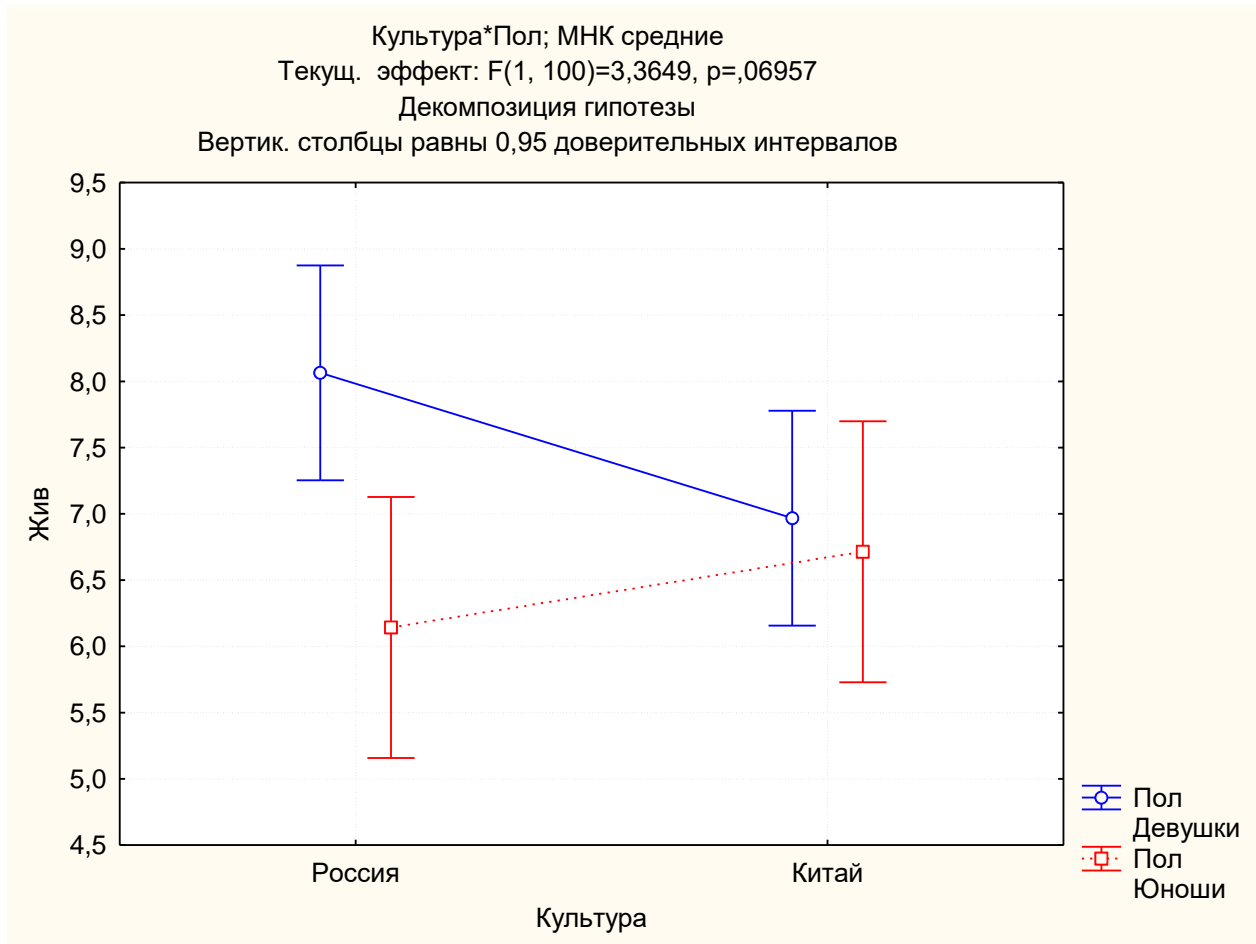

Рисунок Л.4 – Эффекты факторов «Культура» и «Пол» на переменную «Эмпатия к животным» методики И. М. Юсупова

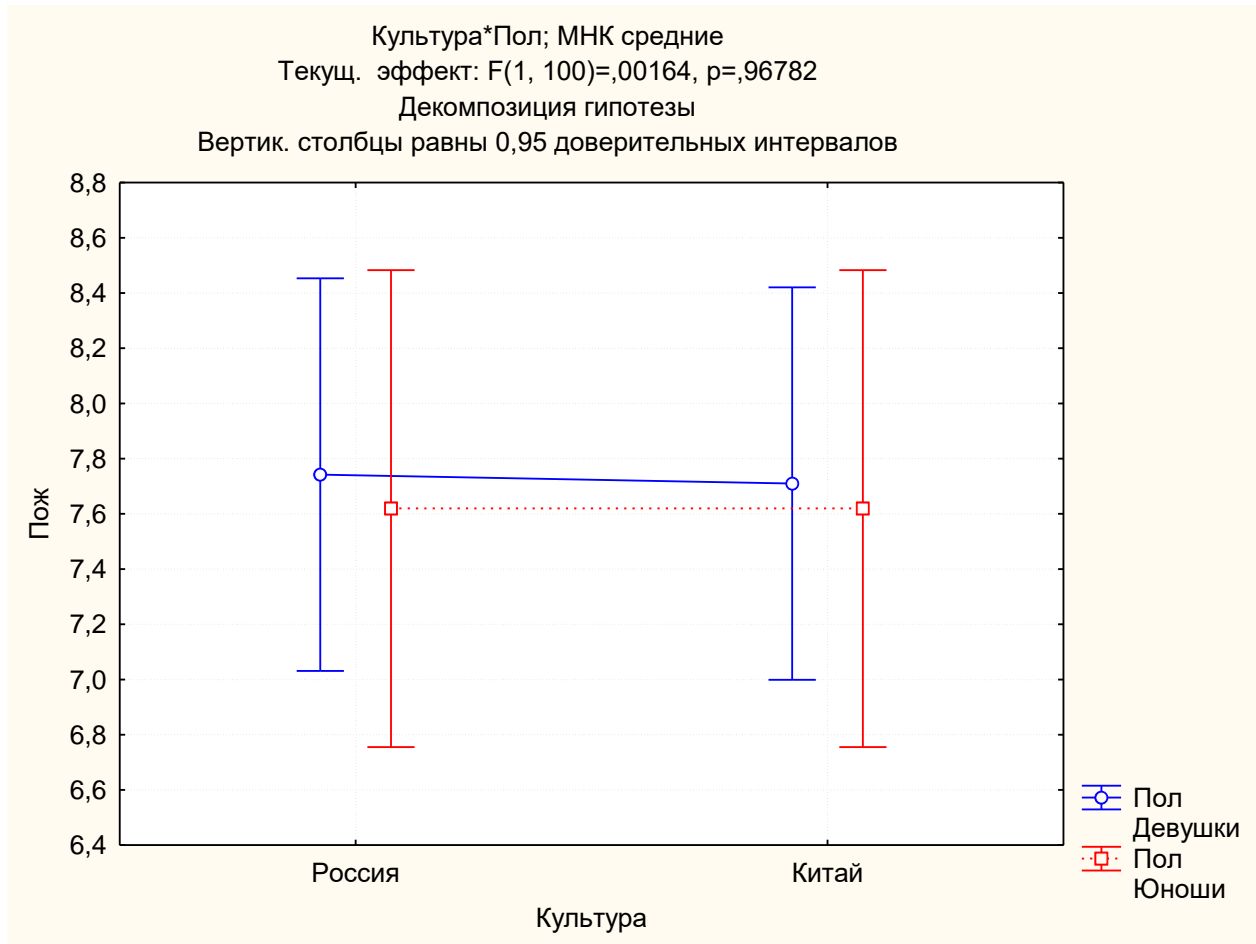

Рисунок Л.5 – Эффекты факторов «Культура» и «Пол» на переменную «Эмпатия к пожилым» методики И. М. Юсупова

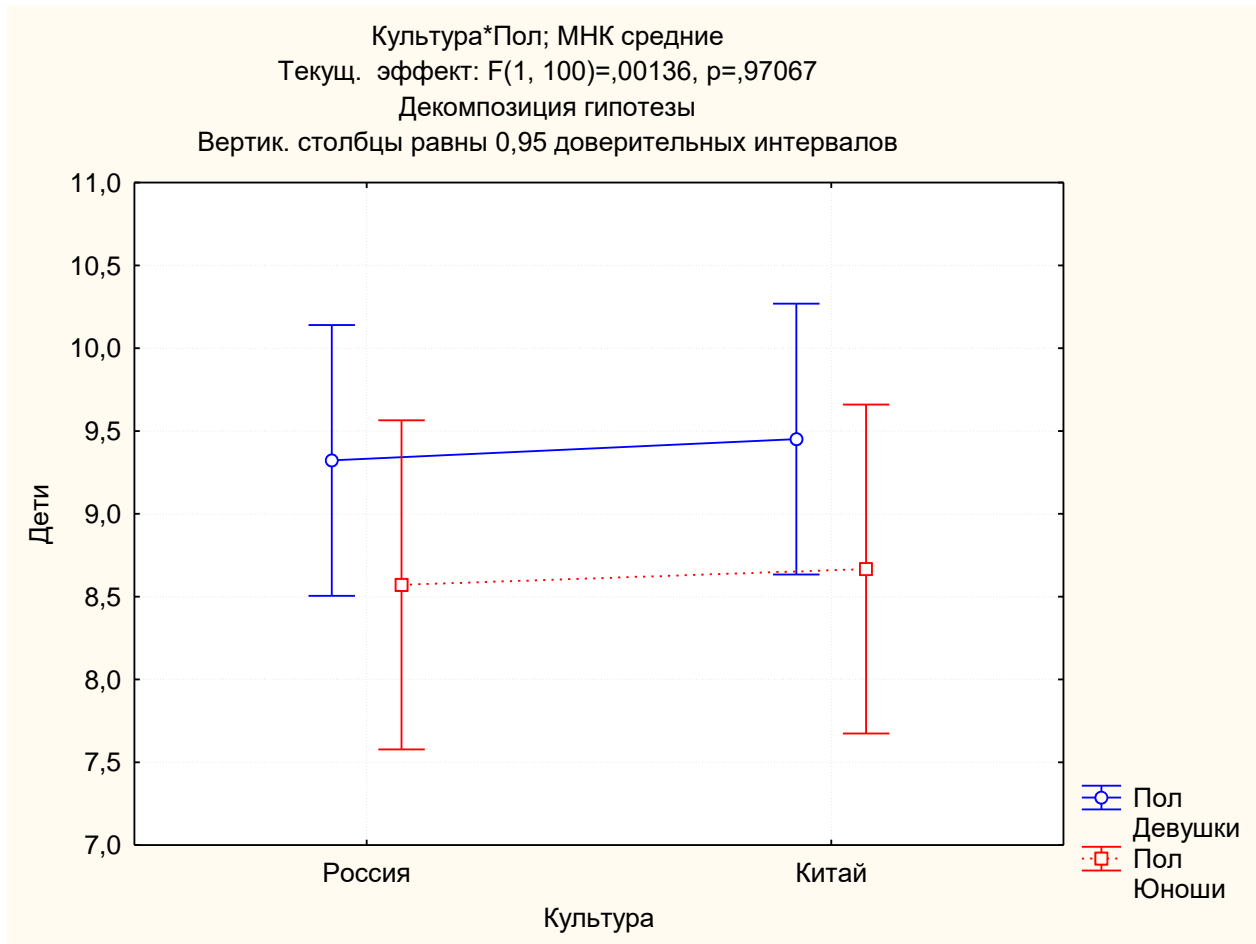

Рисунок Л.6 – Эффекты факторов «Культура» и «Пол» на переменную «Эмпатия к детям» методики И. М. Юсупова

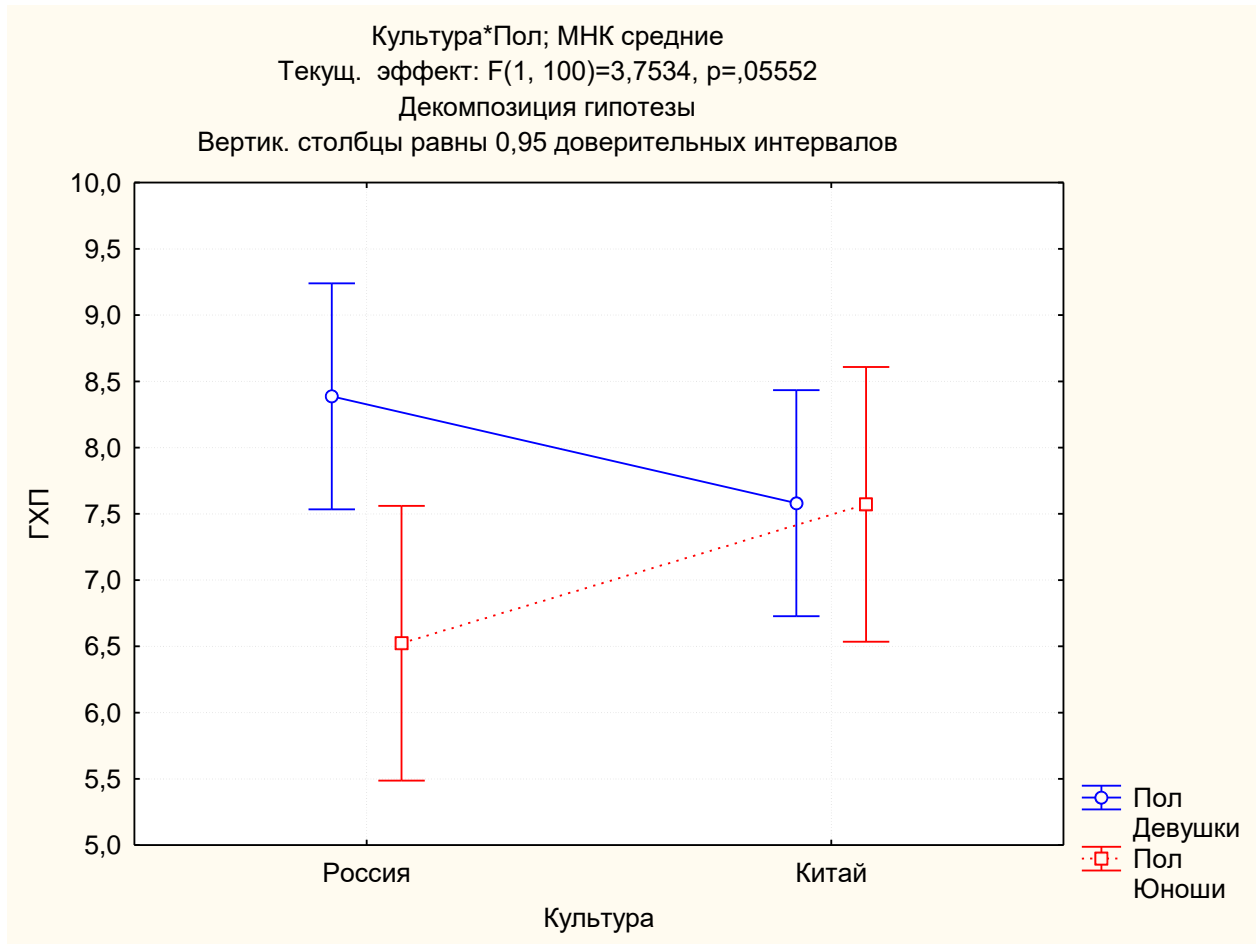

Рисунок Л.7 – Эффекты факторов «Культура» и «Пол» на переменную «Эмпатия к героям художественных произведений» методики И. М. Юсупова

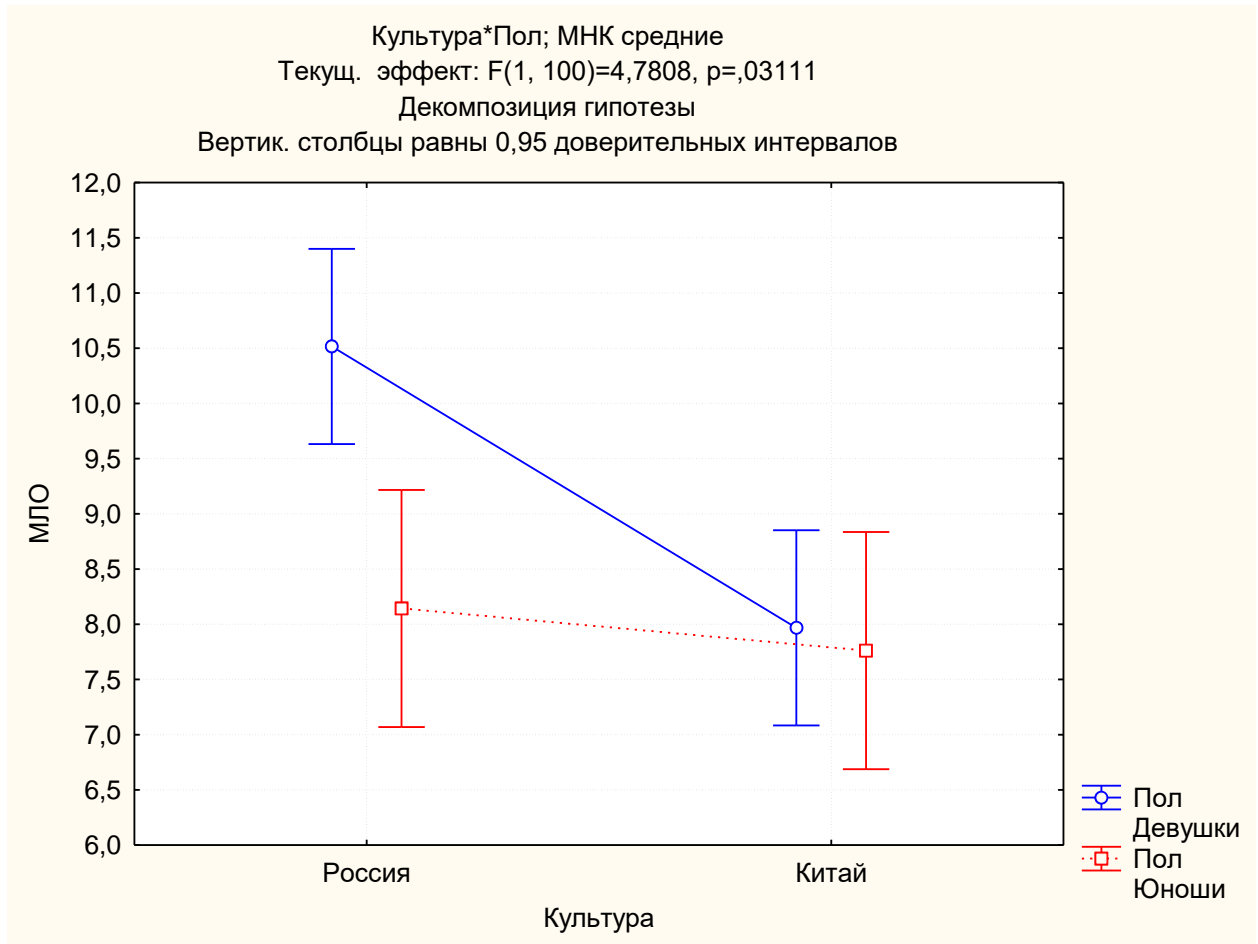

Рисунок Л.8 – Эффекты факторов «Культура» и «Пол» на переменную «Эмпатия к незнакомым и малознакомым людям» методики И. М. Юсупова